

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**
International Institute of Economics and Law

Вестник

Международного института экономики и права

№ 1(10)

Январь – март 2013

**Вестник
Международного института
экономики и права**

Научно-аналитический журнал

Издается с декабря 2010 г.

№ 1 (10)
Январь – март 2013 г.

Москва

УДК 082
ББК 94

Учредитель

Международный институт экономики и права

Редакционный совет

Председатель Ф.Л. Шаров

А.В. Косевич, Г.П. Журавлева, А.И. Косарев, Н.П. Фигурнова,
Оле Хассельбальк (Дания), Л. Липкова (Словакия),
Хань Лихуа (Китай), С. Мраз (Словакия), С.В. Липень (Беларусь)

Editorial council

Chairman F.L. Sharov

A.V. Kosevich, G.P. Zhuravleva, A.I. Kosarev, N.P. Figurnova,
Ole Hasselbalk (Denmark), L. Lipkova (Slovakia),
Han Lihua (China), S. Mraz (Slovakia), S.V. Lipen (Belarus)

Редакционная коллегия

Главный редактор Б.Г. Дякин

В.Т. Агаев, Н.И. Гавриленко, М.В. Гладкова (*зам. главного редактора*),
Е.П. Жарковская, Н.А. Завалько, Т.В. Карпенкова, В.О. Кожина, И.Л. Корнеева,
Е.Н. Кошкина, В.В. Лазарев, В.М. Обухов, В.С. Романченко, В.Н. Сидоренко,
И.В. Хамалинский, О.Ю. Худякова, Г.Ф. Чекмарев, Д.А. Шаповалов
Отв. секретарь А.М. Щукина

Editorial board

Editor in Chief B.G. Dyakin

V.T. Agaev, N.I. Gavrilenko, M.V. Gladkova (*deputy editor*),
E.P. Zharkovskaya, N.I. Zavalko, T.V. Karpenkova, V.O. Kozhina, I.L. Korneeva,
E.N. Koshkina, V.V. Lazarev, V.M. Obukhov, V.S. Romanchenko, V.N. Sidorenko,
I.V. Hamalinsky, O.Y. Khudyakova, G.F. Chekmarev, D.A. Shapovalov
Executive secretary A.M. Shchukina

Редакторы И.В. Пушкина, В.И. Письменный

Корректор Г.В. Платова

Компьютерная верстка Т.А. Поверина

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

УДК 082
ББК 94

Теоретико-методологические проблемы развития экономики

Грозова О.С., Цветкова Г.С.	Институциональный риск: междисциплинарный подход к исследованию.....	7
Журавлева Г.П.	Развитие науки как условие выхода из системного кризиса.....	13
Бархатов В.И.	Творческий труд в условиях когнитивного капитализма.....	20
Иода Ю.В.	Институциональные условия и факторы модернизации российской экономики.....	26
Манохина Н.В.	Трансдисциплинарные подходы в современной науке.....	31

Реальная экономика и бизнес

Матусевич А.П.	Офшорные зоны: история, тенденции развития, влияние на российскую экономику.....	37
Пахолкин Д.А.	Теория и практика межгосударственной интеграции в Западной Европе.....	49
Орехов Е.Н.	Методы организации закупочной деятельности в крупных предпринимательских структурах.....	60
Азанов Б.К.	Экономические приоритеты России в области экономической интеграции на постсоветском пространстве.....	65
Тучина Н.А.	Стратегическая значимость конкурентноспособных преимуществ России на пути инновационного развития.....	73
Бондаренко Н.Е., Комарова И.П.	Государственная инновационная политика: основные принципы и приоритеты.....	78
Иванова Т.Н.	Современные тенденции унификации торговых обычаев во внешнеэкономической деятельности и международных перевозках.....	84

Экономика регионов и региональное развитие

Копеин А.В., Копеин В.В.	Оценка эффективности системы управления региональным развитием.....	90
-----------------------------	--	----

Орлова Е.Р.	Инвестиционная привлекательность регионов России: оценки и тенденции.....	99
Смолина С.Г.	Прогнозы воздействия изменений климата на экономику отраслей и регионов России.....	106
Annotations.....		115
Сведения об авторах.....		123
Условия публикации.....		129

Theoretical and methodological problems of economic development

Grozova O.S., Cvetkova G.S.	Institutional risk: multidisciplinary approach to research	7
Juravleva G.P.	Science development as a condition for resolving a system crisis	13
Barhatov V.I.	The creative labour in conditions of cognitive capitalism	20
Ioda J.V.	Institutional conditions and factors of modernization of the Russian economy	26
Manohina N.V.	Transdisciplinary Approaches in the Modern Science	31

The real economy and business

Matusevich A.P.	Offshore zones: history, development trends, impact on the Russian economy	37
Paholkin D.A.	Theory and practice of interstate integration processes in Western Europe	49
Orekhov E.N.	Organization methods of purchasing activity in large enterprise structures	60
Azanov B.K.	Economic priorities of Russia in the field of economic integration in the post-Soviet space	65
Tuchina N.A.	The strategic importance of Russia's competitive advantages in the way of innovative development ...	73
Bondarenko N.E., Komarova I.P.	State innovative policy: basic principles and priorities	78
Ivanova T.N.	Contemporary tendencies of trade customs unification in foreign economic activities and international transportation.....	84

Regional economy and regional development

Kopein A.V., Kopein V.V.	Evaluation of effectiveness of the management of regional development	90
-----------------------------	--	----

Orlova E.R.	Investment appeal of Russian regions: evaluations and trends	99
Smolina S.G.	Forecasts of a climate change impact on the economy of Russian industries and regions	106
Annotations.....		115
Information about the authors		123
Terms of publication		129

Институциональный риск: междисциплинарный подход к исследованию

О.С. Грозова, Г.С. Цветкова

Уточняется сущность институционального риска с точки зрения трех методологических подходов: общефилософского, общей экономической теории, институционального подхода. Представлена периодизация теоретико-методологических основ исследования институционального риска. Обозначены особенности выделенных этапов исследований риска и неопределенности, дана характеристика этапов исследований институтов и их дисфункций с точки зрения эволюции научного поиска.

Ключевые слова: институты, дисфункции институтов, институциональный риск.

Современное общество называют обществом риска. Риск становится неотъемлемой частью социально-экономической действительности во всех сферах ее проявления. С этим связана поливариативность теоретических трактовок риска в социогуманитарном дискурсе, которая обуславливает отсутствие однозначного понимания сущности риска [6]. Целостное представление о риске как междисциплинарной категории можно получить только с помощью общефилософского подхода к его анализу.

Категория риска используется и развивается в различных областях научного знания – естественных, технических, гуманитарных. В социально-философских и социологических исследованиях теория риска развивалась благодаря работам Н. Лумана, У. Бека, Э. Гидденса и других авторов.

С философской точки зрения, риск определяется субъектностью и объектностью социального мира [8]. Субъективность риска связана с принятием решений, выбором альтернатив. Н. Луман подчеркивает, что «риск – это то, чему мы подвергаемся как следствие наших решений» [7]. Риск имманентно связан с субъектом действия, осознанием его последствий, выбором варианта поведения. Существование риска неотделимо от воли и сознания человека. С этой точки зрения риск характеризуется субъективностью.

Объективная сторона существования риска связана с вероятностной сущностью многих природных, социальных, технологических процессов [3]. Объективность риска проявляется в том, что это понятие отражает реально существующие явления общественной жизни [1]. Риск существует независимо от того, осознают его наличие или нет. Несмотря на различную оценку субъектами, риск отличается объективным содержанием, поскольку сам процесс рискованной деятельности (независимо от субъекта) обладает определенной вероятностью наступления событий.

Существование риска непосредственно связано с неопределенностью. Наличие неопределенности обязательно для появления риска (если процесс детерминирован и о наступлении события все известно заранее, то риска в такой

ситуации не возникает) [10]. Риск с этой точки зрения представляет собой возможность возникновения некоторой ситуации в условиях неопределенности.

Таким образом, с точки зрения общепhilософского подхода риск можно определить как *обусловленный деятельной природой человека феномен социальной действительности, характеризующийся возможностью наступления некоторого события и его последствий*.

Начало употребления понятия риска в экономической науке относят к XVIII в. Считается, что данная категория была введена в ее понятийный аппарат Р. Кантильоном, который отмечал, что предприниматель принимает решения в условиях неопределенности и риска в надежде получить доход [9]. Дальнейшие исследования риска в классической политической экономии связывают с именами Г. фон Мангольдта, У. Сениора, Дж. Милля и других ученых. При этом выигрыш, доход предпринимателя (капиталиста) рассматривались как вознаграждение за риск.

Усиление внимания к проблемам риска и неопределенности в научном сообществе относят к 20-м гг. XX в. В это время категории риска и неопределенности исследовались Ф. Найтом, Дж. Кейнсом, Ф. Хайеком. Период характеризуется исследованиями соотношения риска и неопределенности, дискуссиями о целесообразности государственного вмешательства в рыночные механизмы для снижения неопределенности и риска. Следующий этап исследований риска и неопределенности, начавшийся с середины XX в., характеризовался интенсивными междисциплинарными исследованиями данных категорий. Среди ученых, развивавших различные аспекты риска и неопределенности, необходимо назвать У. Бека, Н. Лумана, Э. Гидденса, Дж. Акерлофа, Р. Шиллера и др.

Таким образом, проведенный анализ исследований риска и неопределенности позволяет провести периодизацию эволюции данных понятий и выделить три этапа исследований:

1-й этап (XVIII в. – начало XX в.): начальный этап; введение в оборот экономической науки понятия «риск»; преобладает предпринимательский подход к пониманию риска;

2-й этап (20-е гг. XX в. – середина XX в.): дискуссии необходимости снижения риска посредством вмешательства в рыночный механизм; разграничение понятий «риск» и «неопределенность»;

3-й этап (40–50-е гг. XX в. – начало XXI в.): риск как объект междисциплинарных исследований, появление философских, социологических, физико-математических трудов по проблемам неопределенности и риска.

Говоря о риске как об экономическом явлении, следует заметить, что в разных областях экономического знания слово «риск» может иметь самые различные трактовки. Анализ определений «риска» в экономической литературе позволил выделить основные трактовки сущности риска:

- источник возможных доходов и убытков; дихотомия вероятности наступления неблагоприятного последствия для экономического субъекта и вероятности обретения выгод и благ;

- вероятность ущерба, убытков или недополучения доходов;
- возможная опасность; опасное положение экономического субъекта;
- деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации выбора.

Дефиниция риска в экономической науке предполагает вероятность наступления некоторых нежелательных событий для экономического субъекта. Одной из самых распространенных является статистическая интерпретация вероятности, отождествляемой с относительной частотой случайного события. Индивидуальное событие не обладает частотой, и поэтому нельзя говорить о его статистической вероятности. В ситуациях принятия решений субъекты не обладают статистической информацией и используют объективные и субъективные интерпретации. Исследуя вероятностный характер риска, В.С. Диев подчеркивает, что «в ряде задач нужно говорить о субъективных оценках объективно существующих статистических вероятностей, поэтому использование субъективных оценок вероятностей при принятии решений представляется методологически правомочным» [5]. Таким образом, с авторской точки зрения, риск как экономическая категория представляет собой *социально-экономическое явление, характеризующееся возможностью наступления нежелательного для субъекта события, препятствующего реализации его экономического интереса.*

Междисциплинарный подход к исследованию риска позволяет рассмотреть риск в контексте институционального анализа.

Риск является феноменом современной социальной действительности, проникнув во все сферы общественной жизни. Отношения между экономическими субъектами регулируются институтами, которые формируются в целях создания определенности и снижения рисков. Тем не менее институты могут приводить к появлению риска.

Термин «институциональный риск» все чаще встречается в информационных, аналитических публикациях. Данное понятие используется аналитиками при оценке перспектив ведения бизнеса в России. Отмечается, что иностранные инвесторы, оценивая риски вложений в экономику страны, особое внимание уделяют слабой институциональной системе, уязвимому и фрагментированному финансовому сектору, недостаточной диверсификации экономики [4]. Влияние данных факторов приводит к рискам колебания цен на сырье, а крупные предприятия, выполняющие роль основных работодателей и налогоплательщиков, несут обременительные социальные обязательства.

С авторской точки зрения, институциональный риск можно определить как *социально-экономическое явление, характеризующееся возможностью наступления нежелательного события, порождаемое институтами экономики.* Резюмируем логику рассуждений относительно понимания сущности институционального риска в виде схемы (см. рис. 1).

Рис. 1. Логика исследования сущности институционального риска

Проблема неэффективности институтов поднимается со времен основателя институционализма Т. Веблена. Различные аспекты неэффективности институтов рассматриваются в работах представителей старого и нового институционализма Дж. Р. Коммонса, У. Митчелла, Д. Норта, Р. Коуза, П. Бьюкенена, К. Эрроу, Дж. Ходжсона и др.

Проведенный анализ эволюции взглядов на институты и их дисфункции позволил провести периодизацию исследований данных категорий и выделить три основных этапа исследований:

1-й этап (XVII в. – конец XIX в.). Доинституциональный. Игнорирование институтов и их влияния на социально-экономические отношения;

2-й этап (конец XIX в. – середина XX в.). Становление институционализма; начало исследований институтов и их роли в экономике. Исследования отдельных аспектов неэффективности институтов;

3-й этап (середина XX в. – начало XXI в.). Систематизация и углубление исследований дисфункций институтов. Введение понятия дисфункции институтов в понятийный аппарат экономической науки. Исследование дисфункций институтов в рамках различных экономических теорий.

Ретроспективный анализ исследований риска и дисфункций институтов в экономической науке позволяет утверждать, что концепция институционального риска сформировалась в результате коэволюции двух направлений исследований. Первым направлением, легшим в основу концепции институционального риска, являются исследования риска и неопределенности. Вторая теоретико-методологическая основа формирования концепции институционального риска – исследования институтов и их дисфункций. Обобщим результаты проведенного исследования в виде периодизации формирования теоретико-методологической базы концепции институциональных рисков (см. рис. 2).

Исследования риска и неопределенности			Исследования институтов и их дисфункций		
Период	Исследователи	Основные результаты исследований	Основные результаты исследований	Исследователи	Период
18 в. – нач. 20 вв.	Р. Кантильон Г. фон Ман-гольдт У. Сениор А. Маршалл	Введение риска в понятийный аппарат экономической науки. Исследования риска как существенной характеристики предпринимательской деятельности. Доход предпринимателя оценивается как вознаграждение за риск. Неопределенность и риск рассматриваются как тождественные категории.	Исследование поведения экономических агентов без учета влияния институтов, в условиях абсолютной рациональности. Обоснование идей функционирования рынка на основе внутренних экономических механизмов. В экономической науке игнорируется влияние институтов на социально-экономические отношения.	А. Смит Ж.Б. Сей Д. Рикардо У. Сениор Дж. Милль	18 в. – кон. 19 вв.
20-е гг. 20 в. – сер. 20 вв.	Ф. Найт Ф. Хайек Дж. Кейнс	Усиление внимания к проблемам риска и неопределенности. Дискуссии о целесообразности вмешательства государства в механизмы рынка для снижения риска. Разграничение понятий неопределенности и риска.	Возникновение и развитие институционализма; исследование сущности институтов и их роли в экономике. Разрозненные исследования неэффективности институтов	Т. Веблен Дж. Р. Коммонс У. Митчелл	Кон. 19 в. – сер. 20 в.
40-е – 50-е гг. 20 в. – нач. 21 в.	Н. Луман У. Бек Дж. Акерлоф Р. Шиллер А. П. Альгин Б. А. Райзберг И. Т. Балабанов А. Е. Шаститко	Начало интенсивных исследований риска, в т. ч. в рамках теории вероятностей, теории игр и других научных направлений. Разграничение фундаментальной неопределенности и неясности. Углубление исследований сущности риска, формирование и развитие инструментария оценки и управления риском.	Систематизация знаний и дальнейшие исследования дисфункций институтов. Становление неинституциональной экономической теории. Введение понятия дисфункций институтов Р. Мертоном (1949). Исследование природы и критериев неэффективности институтов в рамках теории транзакционных издержек, теории прав собственности, теории общественного выбора. Расширение и углубление исследований дисфункций институтов и их проявлений.	Д. Норт Р. Коуз Р. Мертон Д. Ходжсон А.А. Аузан, В. Л. Тамбовцев В. М. Полтерович О. С. Сухарев	Сер. 20 в. – нач. 21 в.
Кон. 20 – нач. 21 вв.	М. Пауэр, Г. Ротштейн, М. Хьюбер, Г. Гаскел, Я. Х. Тан, Т. Верхаген, Г. В. Княгинина	Употребление категории «институциональный риск» аналитиками и представителями бизнес-сообщества; введение данной категории в понятийный аппарат экономической науки. Начало исследований причин, факторов и проявлений институциональных рисков в социально-экономических отношениях.			

Рис. 2. Теоретико-методологические основы исследования институционального риска

В экономической науке ведется полемика относительно природы и понятийного аппарата институциональных дисфункций. В качестве теоретико-методологической базы исследования причин возникновения институциональных рисков в нашем случае послужила позиция О.С. Сухарева о дисфункциях институтов экономики. Основными функциями институтов являются координационная и распределительная [2, 11]. Координационная функция проявляется в том, что знание отдельного правила позволяет индивидам осуществлять взаимовыгодные действия. Данная функция обеспечивает согласованность действий экономических субъектов, снижает неопределенность в социально-экономических отношениях. Распределительная функция предполагает запрещение некоторых действий, концентрацию ресурсов только на незапрещенных или прямо предписываемых действиях. Институты осуществляют перераспределение ресурсов, издержек и выгод от одних экономических субъектов к другим. Также выделяются информационная и мотивационная функции институтов. Данные функции не являются универсальными, но их нарушение также приводит к неэффективности институтов.

Дисфункции институтов обуславливают их неэффективность, появляется вероятность, что интересы и цели экономических субъектов не будут реализованы, возникает институциональный риск. Таким образом, авторское понимание причины возникновения институциональных рисков связано с дисфункциями институтов экономики.

Исследование основных функций институтов и последствий их нарушения позволило выделить следствия дисфункций институтов: 1) институциональную неопределенность; 2) институциональные ловушки; 3) атрофию, перерождение и исчезновение института; 4) институциональный конфликт и отторжение института.

Резюмируя изложенное, уточним определение институционального риска как *социально-экономического явления, вызываемого дисфункциями институтов, характеризующегося возможностью наступления нежелательного события для экономического субъекта, препятствующего реализации его экономического интереса за счет роста трансакционных издержек.*

Литература

1. *Альгин А.П.* Риск и его роль в общественной жизни. – М.: Мысль, 1989.
2. *Аузан А.А.* Институциональная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2005.
3. *Власова А.С.* Об общенаучных предпосылках формирования правовой категории «предпринимательский риск» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / № 1 (7). – Тамбов: Грамота, 2011. – С. 52–57.
4. Глобальный экономический спад усугубляет стантовые риски России [Электронный ресурс] / Е. Ананькина, Э. Дюбуа-Пелерен, Р. Ричардс, Ф. Гилл // Режим доступа: <http://www.rcb.ru/ol/2009-01/44545/> (дата обращения: 12.05.2009).
5. *Диев В.С.* Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2 (14). – С. 79–88.
6. *Диев В.С.* Философская парадигма риска // ЭКО. – 2008. – № 11. – С. 27–39.
7. *Луман Н.* Понятие риска / Пер. с нем. А. Ф. Филлипова // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
8. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты: Монография / Под ред. В.Б. Устьянцева. – Саратов: Саратовский источник, 2006.
9. Предпринимательство в конце XX века / А.А. Дынкин, А.Р. Стерлин, И.В. Тулин и др. – М.: Наука, 1992.
10. *Синев Д.М.* Риски хозяйствующих субъектов в условиях новой экономики России: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – М., 2011.
11. *Сухарев О.С.* Эволюционная макроэкономика: институциональные изменения, благосостояние, поведение агентов и рост // Серия «Избранные лекции и научные доклады университета» / Вып. 3. – Саратов: СГСЭУ, 2011.

Г.П. Журавлева

Рассматриваются проблемы статуса, финансирования, обеспечения развития науки в современной России. Отмечаются существенное сокращение затрат на исследования, особенно фундаментальные, по сравнению с советской эпохой, снижение авторитета российских ученых, научных организаций и вузов. Приводятся объективные данные, свидетельствующие о падении престижа науки и образования в обществе, крайне низкой оплате труда ученых, их массовой эмиграции. Подчеркивается невозможность модернизации экономики без существенного улучшения ситуации в сфере науки и образования, а также неэффективность предлагаемых мер по реформированию российской науки по западному образцу.

Ключевые слова: системная трансформация, глобальный кризис, неолиберализм, приватизация науки, академический сектор, инновации, «утечка умов», мериторные блага, постиндустриальная экономика, стратегия интеллектуализации, креативность, теория инволюции, модернизация, капитализм катастроф, неоклассическая теория.

Россия, как и весь современный мир, находится в суровых условиях системной трансформации, и завершение этого процесса, судя по всему, состоится не завтра и даже не послезавтра. Тем не менее шансы на движение к новой цивилизации, неэкономике, человеческому благополучию сохраняются. Одним из этих шансов в первую очередь можно назвать науку.

Современный мир характеризуется сложностью, изменчивостью, неопределенностью, многовариантностью, нестабильностью, возрастанием скорости перемен и т.д. В последние годы к этому перечню глубоких перемен добавился еще и небывалый глобальный системный интегрированный финансовый, экономический, экологический и духовный кризис, который в той или иной степени охватил все страны мира. Этот факт был отмечен и в Послании Федеральному собранию РФ президентом В.В. Путиным, утверждающим, что «ближайшие годы будут решающими и, может быть, даже переломными и не только для нас, а практически для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен, а, может быть, даже потрясений» [1].

В этих условиях роль науки в дальнейшем развитии человеческого общества неизмеримо возрастает. Задачей современной науки – фундаментальной, конкретной, отраслевой и прикладной – становится новое объяснение мира с учетом этих кардинальных изменений. Сегодня как никогда актуально звучат слова великого русского ученого В.И. Вернадского о том, что коренное переустройство страны должно опираться на научную мысль – дерзающую, глубокую и свободную, ищущую новых путей – это одно из основных условий успеха. В связи с этим представляется, что должен вырасти престиж науки в мировом сообществе, в политических, деловых кругах и в целом в обществе. Но, к сожалению, в нашей стране, наоборот, имеет место недооценка ее значимости.

Для примера: экономическая наука XXI столетия (на изломе цивилизаций) многолика и многослойна, неустойчива и нестабильна. Ее характеризует катастрофическое падение престижа не только бывшего кумира – марксизма, но и крах неолиберальной теории. На то, что рыночные реформы в России пошли по неблагоприятному сценарию, существенно повлияла идеология радикального либерализма, теоретическая несостоятельность которого хорошо известна специалистам (Р.С. Гринберг, В.Т. Рязанов, Дж. Стиглиц, Н. Кляйн) и многократно доказана на практике [2].

Известно, что во все времена самые значительные успехи любой страны связаны с наукой и образованием. Но на государственном уровне в России внимание к ним за последние 20 лет было катастрофически малым. Значительно сократилось финансирование фундаментальных и прикладных исследований. Если ранее страна входила в число мировых лидеров по объему расходов на НИОКР (примерно 5% ВВП), в ней было более 3 тыс. НИИ с 1,5 млн научных работников (примерно четверть всех научных работников в мире), то в результате реформ 1990-х гг. доля проектных институтов и конструкторских бюро, занимающихся НИОКР, сократилась более чем вдвое, а число проектных институтов – в 12 раз, почти в 3 раза сократилось число научных работников.

Сегодня в России на 1000 занятых в экономике (по данным ОЭСР) приходится 6,7 научных работника, что значительно меньше, чем в Финляндии (15,4), Японии (11,0), США (9,7), Южной Кореи (9,5), Франции (8,3).

В основу этих реформ была положена неолиберальная экономическая концепция, согласно которой любое государственное вмешательство в экономику ведет к негативным последствиям, и наука не рассматривалась как фактор и шанс социально-экономического развития страны. Опираясь на этот тезис, была проведена приватизация значительной части отраслевой науки, которая впоследствии исчезла почти совсем. Разгосударствление российской науки привело к утрате целых научных школ, затраты на науку оказались в 4 раза ниже критического уровня, финансирование науки – в 25 раз, а обеспечение оборудованием экспериментальной науки – в 80 раз меньше, чем в США.

В формирующемся многополярном мире сегодня складываются четыре главных центра научного прогресса: США (35% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский союз (24%), Япония и Китай (примерно по 12%). К сожалению, Россия теперь уже не входит в группу лидеров – на ее долю приходится менее 2% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности и 1% по обменному курсу. Таким образом, Россия отстает от США по расходам на НИОКР в 17 раз, от ЕС – в 12 раз, от Китая – в 6,4 раза, от Индии – в 1,5 раза. Китай вышел в прошлом десятилетии на 3-е место в мире по расходам на НИОКР, в ближайшее время вытеснит Японию со 2-го места, а в 2020-е гг. сравняется с США [3].

В последние годы в России произошли позитивные сдвиги: государство ежегодно стало выделять на науку почти 500 млрд руб. (в 2011 г. – 492,3 млрд руб.; в 2012 г. – 533,1 млрд руб.). По проекту федерального бюджета в 2013 г. намечено выделить 604,8 млрд руб., в 2014 г. – 613,2 млрд руб. По сравнению с 2005 г. финансирование ученых выросло в 2,6 раза, а в сравнении с 1999 г. – в 10 раз. Несмотря на это, состояние науки оставляет желать лучшего, ибо внутренние затраты в год на одного исследователя составляют в России 50 тыс. долл., в то время как в Японии – 200 тыс. долл., а в США – почти 280 тыс. долл.

В целом, несмотря на сравнительно высокий рост бюджетного финансирования научных исследований и разработок, по доле в структуре ВВП на фундаментальные исследования (0,16 %) Россия примерно втрое уступает США, Франции и Японии, где этот показатель составляет примерно 0,5. Эффективность науки, по мнению многих ученых, достигается прежде всего усилиями ученых РАН. Академия наук занимает 3-е место в мире по количеству публикаций среди организаций высшего ранга и удерживает 1-е место по цитируемости в физике, химии, науках о Земле, 2-е место – в материаловедении и математике. В РАН работают 15% исследователей страны, дающих от 45 до 60% публикаций в высокоцитируемых изданиях. Академический сектор науки сегодня считается наиболее эффективной формой организации науки в мире. В период кризиса развитые страны – США, Франция и др. – резко увеличили объемы финансирования фундаментальной науки.

Сырьевая модель развития экономики России в большей степени ориентирована на приобретение инноваций на мировом рынке. Это также косвенно ориентирует на свертывание науки и образования, масштабов технического обновления производства, ликвидацию огромного наследия российской фундаментальной науки, инженерных школ, застой в подготовке научных кадров и т.д. В результате наука не является престижной сферой деятельности в России. Лишь 1% опрошенных с уважением относится к профессии ученого, а в США – 56%.

Занятие наукой оценивается как неприбыльное и утратившее былой престиж дело, научная литература выходит малыми тиражами. Из высшего образования, массовость которого возрастает, фундаментальная научная составляющая исчезает, уступая место практическому освоению западных достижений. Большинство крупных ученых работают за рубежом. Уже в 2000 г. отечественные вузы исчезли из первой сотни в мировых рейтингах. Мы плохо известны в мире. Доля России в мировых научных публикациях рухнула до уровня Бразилии. На нашу страну приходится менее 2,5 % статей в научных журналах, тогда как в Германии – свыше 7 %, Китае – почти 10 %.

«Утечка умов» значительно обеднила научные кадры страны. По данным Министерства образования и науки РФ, за последние 8 лет из России на постоянное место жительства уехали 25 тыс. ученых и 40 тыс. ученых еже-

годно работают на зарубежную науку по контрактам. Есть данные, что за последние 10 лет за рубежом нашли работу от 500 до 800 тыс. российских ученых, по западным оценкам – максимум 200 тыс.

В 2011 г. Росфиннадзор опубликовал на своем сайте результаты проверки затраченных средств, выделенных на научные исследования. Оказалось, что 480,1 млн руб. потрачены на исследования, не имеющие научной ценности. Доля чужого текста в ряде отчетов составляет 58 %; 22 крупнейшие российские государственные компании за минувший год в сумме получили 1 тыс. патентов, тогда как два американские (*IBM* и *Microsoft*) – 8 тыс.

Идея реформирования науки и образования по западным образцам без учета российских реалий малопродуктивна. Реформирование Российской академии наук по западному образцу, радикальное сокращение количества ее институтов, сокращение высших учебных заведений в стране могут отрицательно сказаться не только на состоянии науки и образования в стране, но и на уровне развития России в целом.

Беспрецедентное распространение в России лженауки, паранормальных верований, коррупции также мешает росту уважения к науке. Все это превращается во зло, которое становится настоящим позором, понижает уровень цивилизованности нашей страны в глазах других народов мира. Такое положение науки в РФ вызвано вполне конкретными причинами.

В качестве первой, главной причины можно назвать чудовищную неэффективность распределения государственных средств по отраслям и сферам хозяйственной деятельности, о чем свидетельствует и материальное положение ученых, профессоров, доцентов и всех сотрудников сферы науки и образования. Так, уровень зарплаты ученых в начале 2000-х гг. в среднем по стране составлял 60–100 долл. в месяц, в 2012 г. – уже 1000 долл. В США средняя зарплата научного работника – 5–7 тыс. долл. При этом средний оклад чиновников Минобрнауки составляет 62,3 тыс. руб., а средняя зарплата в отрасли – 15,8 тыс. руб., т.е. в 3,9 раза выше зарплаты на госслужбе [4].

Государство щедро платит только высшим управленцам (от 800 тыс. до более 100 млн руб. в год). Подсчитано, что каждый миллион долларов для экономики в России зарабатывают 57 человек, а в Германии, например, с этой задачей справляются 13 работников, во Франции – 11. Главные причины такого отставания – устаревшие технологии и оборудование, которые используются в производстве, неправильное распределение ресурсов и т.д. Огромную помощь в решении этих проблем могла бы оказать отечественная наука при достойном к ней отношении и государства, и общества в целом.

Вторая причина – непонимание того, что наука (особенно фундаментальная) является мериторным (опекаемым) благом, т.е. благом, спрос на которое со стороны частных лиц (из-за недостаточной информированности, сложности понимания, слабой мотивации к его использованию) отстает от желаемого обществом, а поэтому должно стимулироваться, финансироваться, поощряться государством в первую очередь (государство – меритор).

Чрезвычайно важно понимать, что фундаментальная наука сама по себе не может обеспечить инновационное развитие экономики, выход из турбулентно меняющегося мира, но дает необходимый материал, которым нужно правильно воспользоваться (академик В. Матвеев)

Третья причина – недостаточная удовлетворенность ожиданий населения (порой чрезмерных) от уровня развития науки, особенно в таких кардинально меняющихся условиях, усложненных возрастанием скорости перемен. Общество вправе ждать от науки рекомендаций, основанных не на общих соображениях, а на реальной расчетной базе, которая отсутствует по ряду причин (сознательное сокрытие данных, ускорение перемен, коррупция и др.).

Имеются и другие причины: мы плохо известны в мире, научная литература выходит малым тиражом, на нее маленький спрос, в СМИ слабо продвигаются научные достижения, неэффективность части научных исследований, плагиат и т.д.

Сейчас мы все-таки начинаем признавать значимость науки, понимать, что страна не может дальше развиваться, опираясь лишь на недра. По словам академика С.П. Капицы, мы создали общество, которое все может, но не знает, что надо делать и куда «ехать». На этот социальный заказ должна ответить наука, она призвана предложить новую модель социально-экономического развития мира и России, модель преодоления сложившихся негативных явлений (деградации окружающей среды, кризисов в развитии общества, нищеты народов, падения нравственности и др.).

В современном обществе значение и роль науки далеко выходят за рамки только приобретения новых знаний и применения их на практике. Наука выступает тем фундаментом, на котором строится процесс устойчивого развития мира. Наука становится доминирующей силой, и объясняется это следующим.

В середине прошлого столетия было замечено, что индустриальная экономика, обеспечивающая рынок массовым производством товаров, все чаще стала встречаться с разного рода кризисами, в том числе и кризисом перепроизводства. Доля рабочих, занятых в индустрии и других отраслях материального производства, существенно сократилась. Доля работников сферы услуг увеличилась настолько, что именно эта сфера (а среди услуг – наука, образование, инновации, информация) стала определять дальнейшее развитие человеческого общества, постепенное перерастание индустриальной системы хозяйствования в новую постиндустриальную экономику. В этих условиях необходимо дополнить стратегию инновационного прорыва стратегией интеллектуализации населения, ибо двигать страну вперед может лишь интеллектуально развитое население. Люди должны понимать суть перемен. Наука сегодня выделяет следующие черты интеллекта современного умного человека, обладающего мозгом:

- дисциплинированный (хорошо освоил одну профессию);

- креативный (способный к новым идеям);
- интегрированным (способный к новым профессиям, другим наукам);
- уважающий других (другие взгляды, позиции, концепции);
- этический.

Согласно теории инволюции (автор – палеоантрополог Белов А.), в целом человечество как вид развивается и накапливает знания. Благодаря этому движутся наука и технологии. Но при этом способности отдельного человека тают, интеллект ухудшается. Это сопровождается уменьшением массы головного мозга в сравнении с нашими предками. Более того, индивидуальная деградация идет неравномерно.

Наука – это процесс изучения чужих идей и генерации своих собственных. Именно она до недавнего времени определяла фундаментальность отечественного образования и высокую оценку наших выпускников на Западе. Так, один из руководителей *Microsoft* говорил: «Если есть простая задача, мы можем решить ее в Америке; если сложная, мы решим ее в Индии; а если неразрешимая, то решить ее можно только в России».

Сегодня эта фундаментальность утрачивается. Российское образование перегружено современными реформами по образцу Запада, а нужны не просто реформы, а модернизация (модерн – это современность), т.е. приведение образования в соответствие с современными требованиями, с необходимостью формирования новой модели социально-экономического развития с учетом специфики нашего исторического опыта модернизации России и перспектив будущего. А вот этих перспектив в настоящем России мы и не видим. Мы не верим ни в коммунизм, ни в силу государства, ни в превосходство рыночной экономики.

Д.А. Медведев по этому поводу сказал так: «Мы не строим государственный капитализм... У нас прошел этап развития, связанный с усилением роли государства в экономике (он был неизбежен), но прошла и эйфория по поводу рыночной экономики...» [5]. Какой же механизм организации хозяйственной деятельности возможен?

Результаты развития рыночной экономики в России за последние 20 лет определяются как строительство капитализма катастроф (Н. Кляйн), как бандитский капитализм (Г.А. Явлинский), как крах неолиберальной, неоклассической теории (Г.С. Гринберг).

И последнее. С отношением к науке как к чему-то второстепенному, дополнительному и совсем необязательному связано и отсутствие научно обоснованного стратегического планирования, и проблема кадров, и общее снижение уровня образования. Сокращение числа молодых ученых ставит под сомнение само будущее российской науки, да и достойное место России в глобализирующемся мире.

Итак, принимая во внимание все вышесказанное, напрашивается главный вывод: если в нашей стране изменить отношение к науке со стороны го-

сударства, бизнеса, гражданского общества, то, неизменно, наука и образование могут стать важнейшим шансом выхода из современного турбулентного мира, шансом становления новой более разумной постиндустриальной цивилизации.

Литература

1. *Путин В.В.* Послание к Федеральному собранию РФ // Российская газета. – 2012 г. – № 287 (5960). – 13 декабря. – С. 9.
2. XXI век: новые процессы и явления в экономике мира и России / Кн. 1. – Вып. 2. – М.; Тамбов, 2011. – С. 16.
3. Формирование посткризисной модели хозяйствования и экономического роста России / Под ред. А.И. Добрынина и др. – СПб., 2012. – С. 98–99.
4. Я б в чиновники пошел, им побольше платят // Комсомольская правда. – 2012. – 22–29 марта / www.kp.ru
5. *Медведев Д.А.* Выступление на Международном форуме в СПб. 17 июня 2011 г.

В.И. Бархатов

Поиском альтернативных путей развития современной экономики, а также разработкой методологического познавательного и прогностического инструментария для новых социально-экономических явлений ученые заняты не один десяток лет. Одним из таких направлений наравне с концепцией постиндустриализма, информационной экономики, устойчивого экономического развития, новой экономики является концепция когнитивного капитализма. В статье предлагается подход к изучению природы когнитивного капитализма с позиции достижений психологической науки.

Ключевые слова: когнитивный капитализм, творчество, креативность, труд, рациональность, эксплуатация, стоимость, нематериальное производство.

На современном этапе развития производственный процесс все реже идентифицируется как физический, тяжелый ручной труд и все чаще – как самовоспроизводственный процесс, производство внутренних человеческих интеллектуальных потенциалов или как когнитивное производство. Становление новых производственных отношений не подразумевает преодоления материального производства. Напротив, духовное (нематериальное), материальное производства взаимосвязаны и взаимозависимы, т.е. образуют единый высокотехнологичный процесс общественного производства. Зачастую мы видим, что в наиболее инновационно развитых рыночных экономиках, чем больше в материальное производство интегрировано нематериальное производство, основанное на новых научных знаниях и идеях, тем более высокие показатели социально-экономического развития имеет страна. Однако вопросы что представляет собой нематериальное производство, чем вызвана его актуальность, какова его природа до сих пор в отечественном научном сообществе вызывают дискуссии. Причем полярность мнений поразительна: от идей, что нематериального производства вовсе нет, от взглядов, что в этой сфере производятся лишь блага, которые развращают современное общество, укореняя в нем ценности потребительства, до мнений, что именно на этот фактор необходимо ориентировать стратегическое развитие экономики. Очень, кстати, интересно слышать идеи тех, кто выступает сторонником либерально-рыночного развития. По мнению этих исследователей, данная модель не должна поощрять ценности общества потребления (способствовать такой сфере нематериального производства, как «креативные индустрии») и, в свою очередь, обязана прививать ценности культуры, духовности, нравственности и т.д. Да, может быть должна, но не будет! Как бы мы ни назвали современный этап развития (хоть с подачи «дружелюбной мейнстримовской интеллигенции» – «либеральная рыночная экономика», хоть с использованием марксистской методологии – «капитализм»), суть не меняется. Жажда наживы, накопительства, эксплуатация наемного труда, частный эгоистический

интерес и многое другое никуда не делось. Просто есть те, кто упорно не хочет это замечать.

В конце XX в. учеными из Европы, США (такими как Y.M. Boutang [4], A.J. Burton [5], R. Florida [6], A. Fumagalli [7], A. Gorz [8], L. Murrau [9], J. Piage [10], L. Procopio [11], Ned. Rossiter [12], E. Rullani [13], C. Vercellone [14]) вводится в различных вариациях категория «когнитивный капитализм». В этой категории подчеркивается, что современный период идентифицируется как трансформация капитализма, где когнитивная составляющая выступает деструктивным элементом основ и принципов капиталистического способа производства.

Центральной экономической категорией в изучении когнитивного капитализма являются его особые формы духовного производства – интеллектуально-рациональный и креативный способ создания нематериальных благ.

Необходимо определиться, что мы подразумеваем под креативным и интеллектуальным производством. Так, в настоящее время жестко критикуется замещение русскоязычного термина «творчество» англицизмом «креативность». В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова под творчеством понимается создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей. Зачем же заменять или внедрять новую терминологическую единицу?

Может ли творчество выступать характеристикой духовного производства? Скорее всего, да. Однако творчество – неотъемлемая характеристика и материального производства. Таким образом, возникает методологическая путаница. Написание поэмы, оперы, концепции, картины, закона, компьютерной программы, бизнес-плана, нового метода хозяйствования (идеи нового способа использования природных ресурсов, источников энергии, применения технологии и многое другое) – все это экономический продукт, созданный творческим трудом человека. А в какой сфере? В материальной? Лишь потому, что согласно марксистской теории производительных сил общества есть в этой схеме человек, который своим трудом и физическими усилиями воздействует на ручку, клавишу компьютера, инструмент и предмет труда – бумагу, отчего получается определенного рода продукт? Скорее всего, это будет нематериальная сфера производства, имеющая иную природу и законы развития нежели материальная.

Тогда возникает другой вопрос. Рабочие в каменоломне, угольной шахте, сталелитейном комбинате, китайцы, занятые в высокотехнологичном производстве товаров с брендом «Apple», получающие 100 долл. в месяц, конвейерщики, посвятившие годы жизни работе на заводах по изготовлению высокоточного оружия, ежедневно сталкивающиеся с повторяющимся физическим (репродуктивным по своей природе) трудом, не могут творчески работать? Однако есть хороший пример творческого материального труда – отечественная экономика в период Великой Отечественной войны, этапа восстановления и пика развития. Разве тогда нематериальное производство обеспечивало экономический рост и развитие? Именно материальное произ-

водство, основанное на небывалом энтузиазме, новаторстве рабочего класса, поспособствовало прогрессивной мобилизации всей экономики.

На наш взгляд, отличие творческого труда от нетворческого заключается в следующем. Во-первых, в восприятии самим производителем рабочего процесса как творческого, созидательного, деятельности, развивающей его способности, компетенции (внутренняя оценка). Во-вторых, в появлении в результате труда нового, ранее не существующего блага (внешняя оценка). Тем не менее, если работник ощущает свой рутинный труд творческим, он, во всяком случае (по Ожегову), никакие новые материальные ценности не создает. В качестве результата труда может выступать интенсификация производственного процесса, повышение нормы выработки, минимизация затрат предпринимателя, увеличение прибыли. Новое на промышленном предприятии создается в научно-исследовательских лабораториях, НИИ и НИУ, т.е. там, где обрабатывается накопленная человечеством информация, систематизируются новые знания, производятся и внедряются идеи. В противном случае можно утверждать, что к творческому (созидательному) труду будет относиться изготовление тысячной пары валенок, причем это тысячное изделие будет «новым» (если угодно, используйте англицизм – «инновация»), поскольку прежде данный экономический продукт в природе не существовал.

Таким образом, на наш взгляд, для материальной сферы хозяйствования в существующем капиталистическом обществе творческий труд не характерен, поскольку он эксплуатируем, отчужден от конечного производственного результата деятельности, зачастую низко оплачивается¹. Однако одна из задач капитализма сегодня – обеспечить производственный процесс таким образом, чтобы рутинный труд работником воспринимался как творческий, а каждый этап создания стоимости товара интегрировался с нематериальным производством.

А как будут обстоит дела с творческим трудом в нематериальной сфере – в сфере духовного производства? Ведя речь о творческом труде в сфере духовного производства, необходимо, по нашему мнению, заменить категорию «творчество» на «креативность». Поскольку весь процесс производства знаний (неэкономический продукт) и на их основе идей (экономический продукт) происходит без применения материальных технологических средств, т.е. в голове человека, следует направить поиск природы творчества в психологическую науку. Так, под креативностью понимается способность человека порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления. В середине XX в. американский психолог Дж. Гуилфорд разработал модель структуры интеллекта человека, т.е. его когнитивных способностей, где выделил дивергентный (креативный) и конвергентный (интеллектуально-рациональный) типы мышления. Под когни-

¹ В качестве исключения к творчеству можно отнести работу людей, создающих материальные ценности в сфере культуры.

тивным (конвергентным – от лат. *convergere* – сходиться) способом мышления понимается линейная, логическая стратегия, основанная на использовании предварительно усвоенных алгоритмов и предполагающая единственное правильное решение проблемы при наличии многих условий. Под дивергентным (от лат. *divergere* – расходиться) мышлением понимается разнонаправленная, нелинейная стратегия, основанная на поиске множества решений одной и той же проблемы, т.е. характеризуемая неприятием шаблонных способов решения проблемы. В данном случае видно, что в психологической науке отделяют интеллектуальные способности от креативных. Для экономической науки данное разделение также имеет принципиальный смысл.

Эти две формы мышления следует отнести к элементам духовного производства, что является основой нематериального производства. Духовное производство – различные мыслительные способности людей к обработке имеющейся информации и знаний. Общая структурная схема нематериального производства может выглядеть следующим образом (см. рис.).

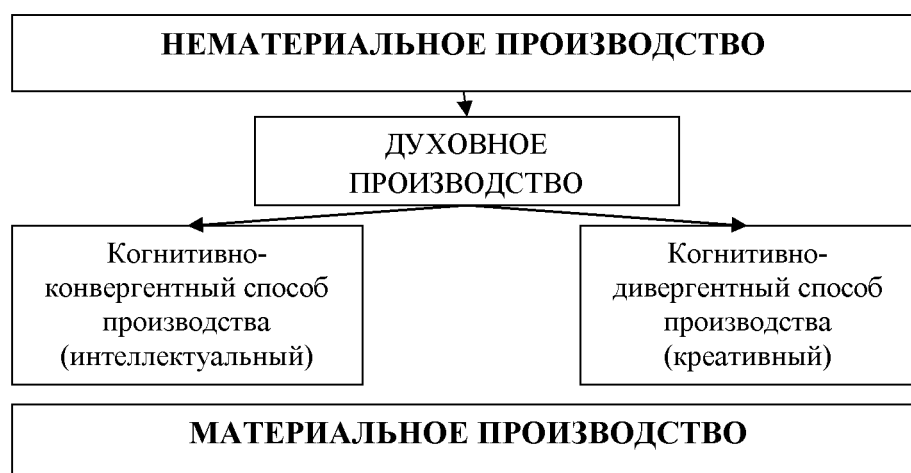

Рисунок. Структура нематериального производства

Духовное производство представляет собой сугубо мыслительную деятельность человека по потреблению фонда накопленных человечеством знаний с целью формирования нового знания и идей. Материальное производство отличается от духовного, во-первых, тем, что воплощает накопленные знания, идеи в материальный носитель. Во-вторых, создание блага опосредуется применением технических средств труда.

Под когнитивно-дивергентным производством мы понимаем форму духовного производственного процесса по созданию идей, ценностей, теорий, образов, основывающегося на нерациональной логике. Необходимость разделения способностей человека к обработке информации, генерации нового знания и принятию управленческого решения вызвано глобальными экономическими тенденциями в мире. Модель «человека интеллектуального» не совсем адекватна существующим условиям. Она не способна дать платформу

для подготовки современного молодого человека к быстроменяющимся турбулентным экономико-технологическим трендам. Это подтверждается тем, что современный студент, выходя на рынок труда, не пригоден для наемной работы, поскольку полученные в университете компетенции, знания уже устарели. Более того, наиболее прогрессивные корпорации сегодня ведут борьбу не за «всезнающего» специалиста, а за неординарного творческого профессионала, способного производить нечто новое, ранее не существовавшее – новации.

Высокотехнологичное инновационное (материальное) развитие экономики в определенной степени зависит не столько от интеллектуальных, сколько от творческих способностей работников. Это объясняется многими специалистами из самых различных областей знания. Так, М. Тринг утверждает, что «творческую сущность изобретения составляет новый конструктивный принцип, который не может быть получен из известных идей путем логического вывода (когнитивно-конвергентного (интеллектуального) мышления)» [3, с. 9]. Важной особенностью дивергентного типа производства является его иррациональность, нелогичность или, что более правильно в современных условиях, новый тип рациональности.

По мнению экспертов, на основе логичных размышлений новации не появятся. Ж. Адамс некогда отмечал следующий факт: чисто логические открытия не существуют; открытия происходят на бессознательном уровне, как некая вспышка идей после предварительной сознательной работы. Как заметил Ж.П. Пиаже, вся история науки – от абсолютов физики Аристотеля до теории относительности А. Эйнштейна – свидетельствует, что прогресс знаний никогда не происходит путем простого добавления, он требует постоянного переформулирования предыдущих точек зрения, а точнее постоянного распрямления и интегрирования с индивидуализированным накопленным знанием [10, с. 18]. Тем самым способности экономических агентов к обработке информации, ее усвоению, генерированию новых идей, принятию управленческих решений – т.е. к творческому (дивергентному) труду – в условиях нематериального производства приобретают огромное значение как для практики хозяйствования, так и для науки.

Зачем выделять и изучать такие категории, как когнитивный капитализм, когнитивно-дивергентное производство, производство идей? Для того чтобы понять, почему в отечественной экономике с огромным кадровым интеллектуальным потенциалом, некогда мощной технологической промышленной базой происходит сдерживание высокотехнологического развития. Отчасти это объясняется противоречиями в законодательстве, навязанным мифом о «ресурсном проклятии», коррумпированностью чиновников, незаинтересованностью капиталистов вкладывать и рисковать собственными финансовыми ресурсами. Но можно поискать причины и в другом. Почему 28 тыс. ученых не могут создать что-то новое? Почему университетский профессор зачастую зарабатывает меньше таксиста? Почему товар с брендом

«сделано в России» не пользуется спросом? Может, стоит признать, что некогда мощное интеллектуальное ядро советской экономики, «вляпавшись» сегодня в рыночную систему, уже не в состоянии своими «талантами» производить идеи, соответствующие общемировому уровню? Почему профессор, чья прямая обязанность производить идеи, печатает за год в лучшем случае лишь несколько статей, на которые никто не ссылается и никто не читает? Может, причина в том, что нет в них идей? Почему ученые зарабатывают мало? Видимо, потому, что «низкого качества» идеи производят? Почему финансирование не дают? Скорее всего, потому, что нерентабельно и рискованно вкладывать средства в безыдейные проекты. Почему мы ориентируемся на заимствования? Ответ очевиден: проще купить чужую идею, чем сформировать благоприятные условия для того, кто будет способен производить идеи, так как это намного дороже.

Литература

1. Плетнев Д.А. Экономика для человека как нетривиальная цель развития современного хозяйства // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Экономика». – 2013. – Т. 15. – № 41.
2. Татаркин А.И., Ефименков В.И. Диалектика материального и духовного производства в экономике. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008.
3. Тринг М., Лейтуэйт Э. Как изобретать? – М.: Мир, 1980.
4. Boutang Y.M. Le capitalisme cognitif: la nouvelle grande transformation. – Amsterdam, Paris, 2007.
5. Burton A.J. Knowledge Capitalism: Business, Work and Learning in the New Economy. – Oxford: University Press, 1999.
6. Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. – N.-Y.: Basic Books, 2002.
7. Fumagalli A. Bioeconomia e capitalismo cognitivo, Carocci. – Roma, 2007.
8. Gorz A. L'immatériel. Connaissance, valeur et capital. – Galilée, 2003.
9. Murrau L. L'economia della conoscenza e la rivoluzione del capitalismo cognitive. Menabò di Etica ed Economia. – Febbraio, 2010.
10. Piaget J. La formation du symbole chez l'enfant. Neuchâtel. Delachaux et Niestlé (Play, Dreams and imitation in Childhood). – N.-Y.: Norton, 1962.
11. Procopio L. Il capitalismo cognitivo e il neoriformismo, 1999.
12. Rossiter Ned. Organized Networks: Media Theory, Creative Labour, New Institutions, Rotterdam: NAI Publisher. – Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2006.
13. Rullani E. Economia della conoscenza: Creatività e valore nel capitalismo delle reti. – Milano: Carocci, 2004.
14. Vercellone C. From Formal Subsumption to General Intellect: Elements for a Marxist Reading of the Thesis of Cognitive Capitalism // Historical Materialism. 2007. n. 15.

Институциональные условия и факторы модернизации российской экономики

Ю.В. Иода

В статье говорится о необходимости формирования новой концепции институционального перехода от советской к российской экономике; рассматриваются процессы создания и действия институтов; аргументируется важность создания державного общества всеобщего удовлетворения; проанализированы главные проблемы российской модернизации.

Ключевые слова: принцип кольцевой коммуникативности, модернизация экономики, социальная модернизация общества, державное общество всеобщего удовлетворения, посредническая сфера экономики.

Современное поведение российской экономической и политической системы все еще носит отголоски особенностей специфического устройства советской социально-экономической политики. В связи с этим необходимо обоснованно подходить к формированию новой концепции институционального перехода от советской к российской экономике, встроенной в ткань воспроизводственных контуров и структурной динамики. Особое место должно уделяться логике построения ключевого института советской экономики – системе государственного монопольного посредничества, логике его разрушения и формирования нового посреднического сектора, предопределившего высокую транзакционную нагрузку и повышенные затраты на перестройку кооперационной сети, производственно-технологических комплексов, воспроизводственных контуров российской экономики.

Институты развиваются по законам конкуренции, через столкновение интересов. Их трансформация рассматривается как естественная динамика, меняющаяся под воздействием изменения переговорной силы сторон, что в экономическом плане выражается в перераспределении прав собственности. Качественное изменение институциональных рамок обычно происходит в условиях кризиса, когда издержки на институциональное строительство снижаются (в силу потери адекватности и авторитета старыми нормами). При этом жизнеспособность новых образований не гарантирована, каждой институциональной форме приходится доказывать свою совместимость с задачами экономического воспроизводства.

Создание институтов – кумулятивный процесс, при котором отдельные изменения в различных областях дополняют и поддерживают друг друга. Институциональная реформа охватывает два круга проблем: учет мирового опыта создания институтов и интеграция национальных институтов в мировую систему институтов (реализуется принцип кольцевой коммуникативности, т.е. замкнутости причинно-следственной связи на себе, что выражается в известной проблеме «слабые институты – неразвитый рынок»). Каждый но-

вый вид экономической системы включает в себя предыдущие и складывается из образцов, относительно устойчивых структур и институтов, новых общностей, возникающих стихийно или создаваемых сознательно в процессе экономического взаимодействия. По нашему мнению, темпы реформирования российской экономики и сам характер этих реформ зависят не от воли правительства (или зависят весьма слабо), усилий общества или зрелости экономических законов в стране, а от логики развития, движения и направлений приложения капиталов, функционирующих в создаваемом этими капиталами хозяйственном устройстве и институциональной среде [1, с. 14].

Инерция такого движения определяется многочисленными факторами социально-экономического, политического, материального и прочего характера, системой лагов и запаздываний в экономике, необходимой для осуществления каждого отдельного процесса и их разнообразных сочетаний.

Как в алхимии, из одних и тех же компонентов при разных фазах луны и длительности взаимодействия можно получить разные элементы, так и в экономики на основе всего трех основных ресурсов производства под воздействием определенного перечня факторов можно получить все многообразие социально-экономической жизни общества и государства.

Поняв логику и общность факторов и их применение, а также необходимость и мотивацию реформирования как взаимодействие и конкурентную борьбу капиталов и оценив меру инерционности этих процессов, можно сформулировать достаточно объективные оценки уже произошедших изменений и выявить ключевые тенденции предстоящего развития [2, с. 27].

О необходимости модернизации экономики и общества ученые-экономисты заговорили еще в 1970-х гг. Содержание такой модернизации было по-разному представлено в различных социальных группах общества, но присутствовал единый вектор реформирования – модернизация экономики, предполагающая ее переход в новую, более качественно сильную фазу, отличную от простого интенсивного роста. Даже сегодня, когда официально российская экономика перестала быть переходной и процесс реформирования официально завершен, модернизация объявлена вектором развития экономики, ее первоочередной задачей. К сожалению, большинство ученых и практиков пытаются «изобрести велосипед», говоря об отсутствии теоретических подходов к модернизации экономики, но их риторика сводится к обсуждению того, что не были достигнуты цели, которые ставились реформами ранее, и модернизация должна предполагать разработку направлений приближения к ним.

Тем не менее теории модернизации располагают достаточной базой для формирования принципиально новых подходов в условиях российской действительности. Их квинтэссенция может дать новый толчок для разработки путей улучшения качества жизни и производства, без опоры на советский и постсоветский опыт, предлагая действительно новый системный подход к изменению структуры экономики. Одним из таких путей может стать соци-

альная модернизация общества, изменение сознания общества и индивида в отношении экономических и духовных благ, их распределения и потребления. И именно на этом этапе модернизации возникает необходимость перехода от постиндустриального общества всеобщего потребления к державному обществу всеобщего удовлетворения, прежде всего в социально-экономическом аспекте.

Новая модернизированная экономика требует новых активов и нового соединения специфических активов в новые производственные комплексы. Эти активы берутся либо из имеющихся, либо создаются заново (возникает необходимость технологических инноваций или научно-технического прорыва (революции)). Первый путь требует значительных как материальных, так и социальных и эмоциональных потерь, второй – колоссальных вложений; он также сопровождается эмоциональными потерями (уход от прежнего образа жизни и изменение мышления, разрыв эмоциональных связей между поколениями и отход от традиций и правил). И все же второй путь предпочтительнее, поскольку позволяет оставить множество заблуждений, а в случае сохранения традиций свидетельствует о качественном переходе общества и государства на новый эволюционный виток.

До настоящего времени в российской экономике встречается сочетание обоих подходов. Первый путь выводит «живые» активы из одной сферы в другую. В результате нарушается система взаимодействия. Производственный контур размыкается. На создание новых инвестиций не хватает, а для поддержания прежнего их или недостаточно, или «цепь» обмена разомкнута. Общество начинает говорить о «неправильности» изменения и использования накопленного опыта, пытается перейти ко второму пути модернизации. Однако в этом случае вновь встает вопрос грамотного перераспределения имеющихся ресурсов. И становится понятно, что существующая экономическая политика и прежде всего государственное устройство не приспособлены к грамотной настройке перераспределительных потоков; отсутствуют грамотные управленческие и воспроизводственные механизмы; невозможно выделять первоочередные и вторичные цели и интересы. В рыночной экономике данные функции выполняют предприятия инфраструктуры, которые в нашей системе являются лишь передаточными инструментами (банки, биржи, страховые компании, информационные и консалтинговые службы). В России изначально (середина 1980-х – конец 1990-х гг.) данный сектор «отпочковался» от крупных государственных трестов и комитетов и до сих пор сохраняется проблема перераспределения ресурсов не между собственниками, а именно между производственными контурами и системами, что объясняется отсутствием единого механизма взаимодействия субъектов инфраструктуры.

Результатом такой модернизации явилась необходимость формирования третьей сферы экономики – посреднической, что в любой теории модернизации является скорее предпосылкой модернизационных процессов. Сначала должны возникнуть новые идеи, пути их решения и те, кто эти идеи по-

несет, а потом уже будут изменяться основные участники экономической системы. В России к модернизационным процессам оказались готовы все элементы, а вот самих идей и их передатчиков нет. Отсюда главная проблема российской модернизации – изолированность и разобщенность, а как следствие – невозможность перехода на качественно новый уровень.

Можно выделить несколько основных этапов модернизации системы экономических интересов с целью формирования нового типа хозяйствования [3, с. 27]:

- широкомасштабное достраивание и рекомбинирование системы хозяйственных связей и перестройка хозяйственного устройства экономики в соответствии с общественными интересами, а не внутривладельческими;
- перестройка механизма партнерских отношений на основе гибких взаимодействий общественных интересов и потребностей, легко трансформирующихся и адаптирующихся как к инновациям, так и к дифференцированному спросу;
- разработка системы индикаторов и оценочных показателей модернизационных процессов, направленных на сглаживание диспропорций в экономике, возникающих в результате изменений;
- создание институтов, осуществляющих инновации не технологического, а социально-экономического свойства. Институты являются суммой регуляторов, включающих правовые, морально-этические, криминальные механизмы, нормы обычного права. Их формирование ведет к снижению транзакционных издержек, имеющих и создаваемых посредническим механизмом.

Развитие таких инноваций происходит инерционно, требует продолжительного времени, а значит, и модернизационные процессы становятся более продолжительными. Зачастую данные процессы противоречат самой сути инновации: продукт, в нашем случае институт, создается серийно во всем многообразии форм, параметров и потребительских свойств, а затем уже проверяется на потребительские свойства и интерес потребителей. Наиболее удачные остаются, а прочие постепенно отмирают, тратя при этом драгоценные ресурсы. Задача державной системы – изначально отбирать механизмы и институты, которые в наибольшей степени характеризуются потребностями общества, и в случае их успешного внедрения распределяют ресурсы на прочее.

В силу неполноты и неточности информации о ходе любых модернизационных процессов критерием достоверности их теоретического анализа становятся не расчеты количественных макроэкономических конструкций, а целостность и непротиворечивость вербальной теории (с элементами количественного анализа), по возможности объясняющей как можно более широкий спектр фактов и тенденций реальной экономической жизнедеятельности.

В свою очередь, регулирование со стороны государства также надо рассматривать как систему инноваций, поскольку такой подход не был распространен ранее и требует создания уникального механизма.

Литература

1. *Локтионов А.М.* Экономическая система общества: классификация, виды, принципы преобразования. – СПб.: Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования, 2008.
2. *Сиднина В.Л.* [и др.] Современные исследования экономических систем и применение их результатов при оценке перспектив развития России / В.Л. Сиднина, С.Н. Гапонова, Н.В. Митяева, Е.А. Орехова / Под ред. В.Л. Сидниной. – Саратов: Научная книга, 2008.
3. *Цыганов В.В.* Модели и механизмы функционирования политико-экономических систем. – М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2008.

Н.В. Манохина

В статье рассматриваются новые подходы, разработанные в современной научной среде, из которых одни применяются сравнительно редко, а другие фактически не используются в рамках проводимых теоретических экономических исследований. Автор раскрывает содержание, специфику и потенциал трансдисциплинарных подходов, применяемых в различных направлениях экономического анализа.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, мультидисциплинарный (полидисциплинарный) подход, трансдисциплинарный подход, аутопойезис, фрактал, турбулентность.

Появление новых подходов в современной науке, прежде всего в экономической теории, обусловлено рядом причин объективного порядка. В качестве основных следует выделить нарастающий вакуум в существующих методологических подходах (как общенаучных, так и частных), специфических для конкретного направления экономической науки (например, институционализма), которые начали формироваться еще в рамках учений А. Смита и Д. Риккардо, дополнены марксистской и неоклассической школами, но сих пор весьма традиционны и фактически законсервированы. Кроме того, в современном экономическом пространстве происходит многократное усложнение различных процессов и явлений, их взаимосвязей, что, несомненно, проецируется на цели и задачи настоящих и будущих исследований и требует методологических подходов более высокого уровня.

Мировая исследовательская практика в различных областях знаний доказывает: в науке нет ограничений на число методологических подходов, которые появляются, развиваются, совершенствуются и (или) остаются в научном арсенале (метод абстракции) или теряют свою актуальность и постепенно исчезают (примат обращения над производством) вместе с развитием науки, научного мировоззрения. Применение конкретной методологии в научном исследовании принципиально, поскольку предопределяет результативность, успех или, наоборот, фиаско в решении конкретных проблем.

По степени полноты познания окружающего мира, как критерия классификации научных подходов, выделяют четыре их основных вида: дисциплинарный, междисциплинарный, мультидисциплинарный (полидисциплинарный) и трансдисциплинарный системный подходы. Дисциплинарный подход «нарезает» окружающий мир, среду на отдельные предметные области. Междисциплинарный допускает прямой перенос методов исследования из одной научной дисциплины в другую, что обусловлено сходством исследуемых предметных областей. Мультидисциплинарный (полидисциплинарный) подход стремится использовать обобщенную картину предмета исследования, по отношению к которой все ее дисциплинарные картины предста-

ют в качестве ее частей, поэтому перенос методов исследования из одной дисциплины в другую, как правило, не происходит и все дисциплины продолжают оставаться в рамках собственных методологических принципов. Сопоставление результатов дисциплинарных исследований в рамках мультидисциплинарного (полидисциплинарного) подхода позволяет найти новые, ранее не обнаруживаемые сходства исследуемых предметных областей, что генерирует новые междисциплинарные исследования. В качестве удачного опыта междисциплинарных исследований в экономических исследованиях отметим работу В.А. Мельникова «Квантовая экономика» [2]. В свое время квантовая физика обеспечила научно обоснованный «выход за границы» классической физики в сторону микромира, и это значительно обогатило научные знания и дало обществу ядерную энергию и нанотехнологии.

В методологии более высокого уровня – трансдисциплинарного исследования как способа расширения научного мировоззрения – то или иное явление рассматривается вне рамок какой-либо одной научной дисциплины; при этом «выход» направлен в сторону макромира. Каждый фрагмент данного мира, среды, всякая их область, имеющая естественные физические и (или) логические границы, изначально рассматриваются как «упорядоченная среда», к исследованию которой можно применить одни и те же принципы, подходы и модели.

Понятие «трансдисциплинарность» и его первое определение как размещения междисциплинарных отношений внутри глобальной системы без строгих границ между дисциплинами были предложены Ж. Пиаже в 1970 г. [1]. Сейчас трансдисциплинарный подход получил «прописку» в системе научных методов, применяемых в различных областях знаний. В современной науке существуют четыре вида трансдисциплинарности (по Э. Джаджу) [5]:

- трансдисциплинарность-1 (основывается на усилиях формальной взаимосвязи пониманий отдельных дисциплин, обеспечивает формирование логических мета-рамок, посредством которых знания могут быть интегрированы на более высоком уровне абстракции, чем это происходит в междисциплинарности, часто используется при работе различных экспертных систем и экспертных групп);
- трансдисциплинарность-2 (имеет более тесную внутреннюю связь с личным опытом исследователя, включая медитацию);
- трансдисциплинарность-3 (связана с использованием генеральных метафор, имеющих фундаментальное познавательное значение, во главу угла ставятся единоецентризм и конкретность истины);
- трансдисциплинарность-4 (ее методология – это способ понимания, познания и описания объекта в составе единой упорядоченной среды; способ управления состоянием (гармонизация) объекта и естественной среды его обитания, реализуется в двух направлениях – получение новых знаний об ок-

ружающем мире, поиск решения сложных многофакторных проблем природы и общества. Базовый принцип – конкретность истины – обуславливает единый порядок, трансдисциплинарная система представлена пространственной, информационной и временной единицами этого порядка).

Отрадно, что в отечественной науке существует русская школа трансдисциплинарности, позволяющая сохранить имеющиеся позиции и конкурентоспособность в мировой науке. Первые теоретические работы по философским аспектам трансдисциплинарности появились в России в 2004–2005 гг. (Л.П. Киященко). Представителями русской школы трансдисциплинарности являются А.О. Жамборова, В.С. Мокий [3], М.С. Мокий [4], О.Е. Шегай, Н.Я. Диденко, С.А. Беседин, Р.Б. Богатуров и др. В 2007 г. создана автономная некоммерческая организация «Институт трансдисциплинарных технологий», его основными задачами являются дальнейшее развитие трансдисциплинарности как самостоятельной научной дисциплины, внедрение в практику решения сложных многофакторных проблем методик и технологий трансдисциплинарного подхода. Однако в ходе двадцатилетней работы выяснилось, что большинство разработанных трансдисциплинарных технологий и технологических идей, подготовленных к практической реализации, имеет «двойное назначение», избирательность публикаций по отдельным темам в открытой печати. К 2013 г. сформировались несколько основных отраслевых направлений, где достигнута наибольшая практическая реализация с позиций трансдисциплинарного подхода, – экономика, экология, образование, здравоохранение, архитектура и строительство, профилактика антиобщественной и террористической опасности.

Трансдисциплинарный подход не только обогащает научные знания, но и позволяет разработать технологии управления макрообъектами и макропроцессами, в том числе общим состоянием объектов природы и общества, общим состоянием человека и сложного технического объекта, созданием способов и технических средств получения и обработки информации, прежде всего компьютеров нового поколения, и т.д.

На наш взгляд, в современной науке с учетом мировых трендов ее развития должно быть уделено подобающее внимание использованию теорий и концепций, имеющих трансдисциплинарный характер в качестве базовых методологических подходов. Это предложение имеет основание. На кафедре институциональной экономики в СГСЭУ, существующей с 2004 г., проведены разработки в рамках фундаментальных научных исследований, в частности ГК № 16.740.11.0417 «Институциональное управление и аутопойезис в российской инновационной среде» в рамках программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы», «Институциональная модель формирования наноиндустрии в России» в рамках Федеральной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проекта № 6.1837.2011 «Институциональные матрицы в условиях технологической сингулярности» в рамках программы «Научный

потенциал высшей школы». Кроме того, интересные научные разработки с позиций трансдисциплинарного подхода имеются в работах аспирантов и докторантов данной кафедры. Агрегируя имеющийся опыт и полученные результаты, выделим следующие перспективные трансдисциплинарные теории, присущие им методологические подходы, применимые в экономической области исследования:

- *теория аутопойезиса* (основатели – У. Матурана и Ф. Варела, 1970 г.), согласно которой механизм, превращающий системы в автономные единства, проявляется через аутопойезис – процесс воспроизводства (самопорождения) системой своих компонентов с целью сохранения своей самотождественности. Применение теории аутопойезиса позволяет расширить методологическую базу и предметное поле научного исследования, выявить «зоны самовоссоздания» в инновационной среде и разработать адекватные механизмы институционального управления;

- *теория сложности (complexity)*, обобщающая целую совокупность новых междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов, фокусирующаяся на процессах генерации и развития самоорганизующихся структур в системах, являющихся динамическими, эмерджентными, фактальными, нелинейными. Теория сложности основана на посылке, когда теория хаоса, нелинейность и сложность рассматриваются как единая парадигма. Теория сложности базируется на базовых понятиях: адаптивность, самотождественность или фрактальность, когда отдельные элементы и подсистемы на различных уровнях единой целостной системы подобны между собой, самоорганизация и саморегуляция, аттракторы – совокупность эндогенных и экзогенных условий, соотношение которых в пространстве и времени меняется хаотично, «грань хаоса», представляющая собой пограничное состояние, узкую зону между системой, находящейся в состоянии равновесия, порядка, и хаосом, разрушающим эту систему. Именно в таком состоянии систем, находящихся на «границах хаоса», генерируются процессы их самоорганизации, «холмистый ландшафт» – неопределенность и нелинейность процессов обуславливает непредсказуемость в среде сосуществования систем, чередование «холмов успеха и эффективности» с «низинами нестабильности и дисбаланса».

Используя подходы теории сложности, можно исследовать процессы, происходящие в сложной системе, которые никогда в точности не повторяются, приходят в равновесие всякий раз к разным точкам фазовой плоскости, проявляют самотождественность; сами сложные адаптивные системы обладают также способностью к самоорганизации, результат функционирования их не может быть задан заранее, даже с некоторой вероятностной оценкой адекватности;

- *теория фракталов*, понимающая под ними различные структуры, состоящие из частей, которые в определенном смысле подобны целому; это самоподобные структуры, рекурсивные модели, когда каждая часть повторя-

ет в своем развитии развитие всей модели в целом. Применение фракталов позволяет формализовать сложные процессы и объекты, что ценно в области институционального моделирования, описать нестабильные системы и процессы и, самое главное, предсказать тренды будущего развития таких объектов;

- *теория турбулентности*, представляющая ее как явление самоорганизации, в результате которого происходят регулярные или нерегулярные хаотические переходы от беспорядка к порядку и обратно, как особо сложную траекторию движения и национальной экономики, и отдельных субъектов (фирмы) в «вихревом потоке» разнообразных перемен, когда им приходится постоянно выживать и обеспечивать поступательное движение вперед, как крайнюю степень нестабильности глобальной экономической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и (или) слома чрезвычайно высока, всепроникающим становится риск в различных секторах экономики. Данная теория позволяет выявить, какие разнонаправленные силы и действия содержит экономическая турбулентность, каковы новые правила игры в этих сложных для всех хозяйствующих субъектов условиях;

- *теория экономической генетики*, изучающая свойства наследственности и изменчивости различных экономических систем, отношений и взаимосвязей, форм хозяйства, возникающих между субъектами и отражающихся в материальных и идеальных носителях этих отношений (продуктах человеческой жизнедеятельности). Данная теория позволила обосновать, что эволюция фирмы как института экономики имеет генетическую природу и осуществляется через передачу экономических генов — механизма воспроизведения активов знания о сущностных характеристиках фирмы и ее саморегуляции, в том числе институциональной, применяемых бизнес-моделях, содержании различных видов факторов производства и их взаимодействии, институциональных противоречиях и способах их разрешения, провалах фирмы и методах их устранения, факторах роста и трендах развития фирмы, ее жизненном цикле.

Итак, применение трансдисциплинарных подходов в современной науке не только возможно, но и необходимо, поскольку продвигает методологическую основу на более высокий уровень и дает новые, весьма неожиданные результаты.

Литература

1. Жан Пиаже. Теория, эксперименты, дискуссия / Под ред. Л.Ф. Обуховой, Г.В. Бурменской. — М.: Академика, 2001.
2. Мельников В.А. Квантовая экономика. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2007.
3. Мокий В.С. Основы трансдисциплинарности. — Нальчик: Изд-во «Эль-Фа», 2009.

4. *Мокий М.С.* Пространственно-временные факторы в развитии экономических систем. – М.: Московская академия экономики и права, ИИК «Калита», 2001.
5. *Judge A.* Conference Paper. 1st World Congress of Transdisciplinarity. – Brussels: Union of International Associations, 1994.

Офшорные зоны: история, тенденции развития, влияние на российскую экономику

А.П. Матусевич

Рассмотрены экономическая природа, причины становления и развития международных офшорных зон. Приведены свидетельства об аналогах офшорного бизнеса в древности и Средневековье, дана краткая историческая сводка его развития в Новое время. Проанализированы причины быстрого увеличения числа офшорных зон с середины XX в., а также снижения их роли в последнее десятилетие. Описаны приемы, использовавшиеся советской элитой для нелегального проникновения в международные офшоры в 1970–1980-е гг. Показаны значение этих зон для развития российского бизнеса после начала рыночных реформ, их воздействие на процессы «бегства капиталов», функции внутрироссийских льготных налоговых регионов и их отличие от традиционных офшоров.

Ключевые слова: офшорный бизнес, беспошлинная торговля, налоговое освобождение, вольные города, зоны свободной торговли, предофшоры, трансфертные потоки капитала, кейнсианство, монетаризм, льготные налоговые режимы, бегство капитала, теневая экономика, скрытая утечка капитала, либерализация валютных операций, внутренние офшоры.

Феномен офшорного бизнеса появился как ответная экономическая реакция на налогообложение. Согласно Ч. Адамсу, известному историку налогов и налогообложения, «налоги оказывают гораздо большее влияние на ход развития цивилизации, чем считалось ранее».

Когда появился офшорный бизнес, в какую историческую эпоху – вопрос, с одной стороны, простой, ибо ответ на него, как кажется, лежит на поверхности, но, с другой стороны, совершенно не очевидный. То, что мы сегодня вкладываем в понятие «офшорный бизнес», т.е. в его современном понимании, офшорный бизнес – это детище эпохи глобализации, он появился и стал активно развиваться с конца XIX – начала XX в., когда мировое хозяйство обрело реальное единство, постепенно превращаясь в интегрированный комплекс многоуровневых экономических взаимосвязей. Однако если рассматривать офшорный бизнес как прямую и непосредственную, т.е. иными словами, самую простую и естественную реакцию на налоги, то его истоки можно усматривать в разных исторических эпохах в лице разных экономических феноменов и институтов, которые были призваны в разное время способствовать большей свободе предпринимательства.

Описывая экономические системы Древнего мира, в том числе и полисную систему античной Греции, Ч. Адамс приходит к выводу, что именно налоги приводили к упадку цивилизаций, к бунтам и войнам. По Ч. Адамсу, история цивилизации – это история налогообложения. Ч. Адамс приводит такие любопытные примеры. Вновь обращаясь к истории античной Греции, он

пишет, что на протяжении многих веков остров Родос был центром региональной торговли не только бассейна Эгейского моря, но и всего Восточного Средиземноморья. Однако после того, как было решено ввести 2-процентный налог на портовую торговлю, Родос за очень короткое время потерял 85% своего торгового оборота. Этому в большей степени способствовало и то, что примерно в это же время появляется другой порт свободной торговли в регионе – на острове Делос – прямой конкурент Родоса. Подобные процессы происходили и на других островах Эгейского моря, а также в материковой Греции. Когда древние Афины ввели 2-процентный внешнеторговый налог (и на экспорт, и на импорт), то греческие и финикийские купцы объезжали этот известнейший мегаполис Античности за 20 миль, чтобы избежать уплаты этих сборов. Вскоре небольшие соседние острова стали убежищами для беспрошленной и безналоговой торговли и местами накопления товаров для их контрабандного ввоза в Афины без уплаты налогов [1, с. 35].

Но античная Греция и античные Афины в первую очередь имели одно, но крайне существенное отличие, не позволяющее относить их к прямым предтечам современного офшорного бизнеса. В классических Афинах в первую очередь приезжие иностранцы облагались прямыми налогами. Иностранцев называли метиками, ежемесячно они платили подушный налог *metoikion* размером в одну драхму. Метиком называли того, у кого ни отец, ни мать не являлись гражданами Афин. Таким образом, налоговое освобождение было гарантировано только для жителей Афин и их детей. Статус афинянина не только освобождал от налогов, но и давал право владеть землей, которая также не облагалась налогами. Если метика ловили на неуплате налогов, его имущество или земля отнимались в пользу полиса. Таким образом, Афины, по сути, являлись «офшором наизнанку», где все выгоды и преимущества безналоговой гавани распространялись на граждан полиса, а вовсе не на иностранцев.

Этот пример свидетельствует о том, как аккуратно надо пользоваться историческими аналогиями. По существу, античный пример сообщает нам о практике свободного, не отягощенного налогообложением предпринимательства, и в этом смысле он как будто очень близок современным зонам льготного налогообложения (офшорам). В то же время – это пример свободного предпринимательства, базирующегося на иных принципах, нежели офшорный бизнес. Рассматривая в дальнейшем и прочие исторические примеры, мы должны помнить об этом.

Вообще практика выделения (обособления) отдельных территорий – целых стран или административно-территориальных единиц государств – с целью создания там особых условий хозяйствования с точки зрения правовых процедур и налогообложения весьма не нова и имеет давнюю историю. Практически на протяжении всей истории человеческой цивилизации можно найти примеры создания автономных образований, пользующихся теми или иными льготами по сравнению с остальной частью государства. В древности

– это, например, финикийские, а позже греческие колонии по всему бассейну Средиземного моря, которые являлись по сути зонами-вкраплениями свободного бизнеса на территориях варварских царств и племенных союзов, окружавших ойкумену. Также к зонам свободного предпринимательства можно отнести портовые города-спутники крупных метрополий, такие как Пирей у Афин или Остия у Рима, пользовавшиеся не только особыми политическими правами (например, дарование жителям Остии римского гражданства намного ранее, чем прочим итальянским городам, и т.п.), но и специальным торгово-экономическим режимом. Уже упоминавшийся остров Делос – столица первого морского союза греческих городов-государств – также представлял собой крупный центр региональной торговли, чья привлекательность была обусловлена именно льготным режимом предпринимательства.

В эпоху Средневековья – это вольные города Священной Римской империи в Германии и Италии, превратившиеся впоследствии в могущественные города-государства – Венеция, Генуя, города Ганзейского союза, а также менее значимые Ливорно, Триест, итало-швейцарский городок Кампионе, чей особый статус восходит к 787 г. н.э. и др. Вне Германской империи мы можем видеть примеры особых территорий на адриатическом побережье – это приморские республики Далмации, такие как Сплит, Шибеник, Задар, Дубровник (Рагуза). Как правило, характер деятельности большинства населения этих территорий, его преимущественное вовлечение в торговые операции создавали необходимые предпосылки для того, чтобы власть даровала им определенные привилегии: в выгоде оставались все – и население этих территорий, богатевшее за счет увеличения торговых оборотов и притока капиталов, и государство, собиравшее более ощутимые суммы в виде налогов с этих продвинутых в экономическом отношении регионов.

Для всех упомянутых здесь примеров характерно то, что льготы по внешнеторговым пошлинам и различным налогам так же, как и в древних Афинах, касались прежде всего резидентов и редко, почти никогда, не распространялись на иностранных предпринимателей. Тем самым данные зоны, как бы многообразны они ни были, вряд ли можно отнести к предтечам офшорного бизнеса, но стоит рассматривать их как определенный этап, форму на пути развития свободного предпринимательства.

Более приближенными к идее офшора представляются средневековые ярмарки, появившиеся в XII в. и занявшие прочное место в европейской торговле к XV в. Именно на этих временно формируемых рынках особый льготный статус в вопросах беспошлинности и освобождения от налогов стал впервые практиковаться в отношении иностранных купцов. Поэтому именно ярмарки с определенной долей уверенности можно относить к прообразам офшорных центров, хотя они и были лишены главных свойств офшоров – постоянства существования и обеспечения конфиденциальности в отношении ведения дел предпринимателями [9, с. 88].

В конце Средних веков, с развитием капиталистических отношений в целом и капиталистической торговли в частности, подобная практика приобрела новое звучание. Торговым компаниям, по крайней мере, крупнейшим из них, пользовавшимся существенными привилегиями – Ост-Индская, Вест-Индская и пр., – государством предоставлялось право на определенной территории (торговые и консигнационные склады, зоны портовых городов) хранить и даже реализовывать товары *беспошлинно при условии уплаты фиксированного сбора*. Позднее в этих зонах появились и другие учреждения, обеспечивающие осуществление всего комплекса торговых операций – банки, страховые компании и т.п. Началось формирование инфраструктуры ранних форм свободного предпринимательства. Здесь следует упомянуть зоны свободной торговли, ставшие известными еще с XVI в., – Гибралтар, остров Мэн и пр.

Ситуация начала меняться уже в эпоху Нового времени, и прежде всего на просторах Британской империи. Постепенно в значительной степени обособлявшиеся от метрополии территории – доминионы и некоторые колонии (разумеется, с позволения английской короны) – устанавливали у себя собственные, более льготные режимы ведения предпринимательской деятельности, нежели существовавшие в Англии. В странах континентальной Европы также появились такие налоговые оазисы, как Люксембург, Лихтенштейн и др. Именно эти зоны уже можно определенно считать *предофшорами*, так как именно здесь впервые после средневековых ярмарок льготному налогообложению стали подвергаться нерезиденты. Такая политика, несомненно, способствовала притоку капиталов и увеличению предпринимательской активности в целом. XX в. привнес в эти процессы новую динамику.

Именно в XX в. сформировались основные характерные черты офшорного бизнеса. Тогда же произошел качественный скачок в его развитии, бурный рост, особенно в послевоенные годы, что в основном было вызвано такими причинами, как интенсификация процессов интернационализации в экономическом развитии планеты и глобализационные тенденции; усиление роли ТНК и ТНБ как следствие предыдущего; усиление роли государства в регулировании экономики; распад мировой колониальной системы; научно-технический прогресс.

В тесной связке с процессами интернационализации и глобализации хозяйственного развития планеты в формировании и развитии офшорного сектора мировой экономики существенную роль сыграли ТНК. В целом роль ТНК как в формировании современных МЭО, современного экономического облика планеты, так и в структурном оформлении офшорного бизнеса весьма велика. Ведь первоначально именно только таким мощным структурам было под силу координирование ведения бизнеса в общемировом масштабе. Именно ТНК были заинтересованы в создании сложных цепочек производственного цикла, сложных финансовых схем, позволяющих манипулировать внутрифирменными, трансфертными потоками капиталов с включением в

них в целях налогового планирования офшорных зон и налоговых гаваней. Если принять во внимание, что в связи с деятельностью ТНК в настоящее время, по некоторым оценкам, около 40 % мирового потока товаров и услуг носит внутрифирменный характер, следует констатировать, что офшорный бизнес имеет под собой солидный экономический фундамент [2, с. 80].

Теснейшим образом с углублением международного разделения труда и возрастанием роли ТНК связана и следующая причина бурного развития офшорного бизнеса в послевоенное время – усиление роли государства в регулировании экономики. Весьма популярные после войны кейнсианские методы управления народным хозяйством предполагали среди прочего и более жесткое государственное регулирование деятельности компаний. Такое положение вещей вовсе не устраивало ни собственников, ни менеджеров крупнейших американских и западноевропейских корпораций, следствием чего стал все набиравший обороты отток капиталов из развитых стран и их перемещение в страны, предоставляющие как налоговые льготы, так и большую конфиденциальность в ведении бизнеса. Огромные налоги на прибыль корпораций в послевоенное время (до 80–90%) заставляли американцев и европейцев укрывать капиталы в далеких колониях.

Здесь необходимо подчеркнуть, что инициаторами этого процесса первоначально стали вовсе не какие-то отдельные недобросовестные предприниматели, стремящиеся уйти от налогов, или преступные группировки, заинтересованные в отмывании денег, нажитых на торговле оружием, наркотиками или в результате иной противозаконной деятельности, а именно крупные и известные транснациональные гиганты.

Примечательным является тот факт, что с изменением в 70–80-е гг. XX в. экономических стратегий ведущих западных стран значение офшорных центров стало еще более стремительно возрастать. Переход в этот период к монетаристским методам в регулировании экономик развитых стран, сопровождавшийся жесткими антиинфляционными мерами, предпринятыми Федеральной резервной системой США и центральными банками других ведущих развитых стран, повлек за собой ужесточение требований со стороны государства к банковской деятельности в целом, к большей прозрачности финансовых операций: существенно увеличиваются нормы обязательных депозитов в центральных банках, больше внимания уделяется характеру финансируемых сделок и т.п. И в этой связи уже транснациональные банки предприняли ряд мер, позволяющих им ограничить возможности государства по контролю за их деятельностью, хотя, конечно, роль офшоров в налоговом планировании несколько не уменьшается, напротив, из-за этих ужесточений крупные американские ТНК для финансирования своих операций начали открывать собственные банки-филиалы за пределами США – сначала в Швейцарии, а затем и в других офшорных зонах.

Выход в 1950–1960-е гг. на международную арену большого количества новых независимых государств, бывших колоний, во многих случаях не

обеспеченных в достаточной мере необходимыми для самостоятельного успешного развития ресурсами, явился еще одной причиной развития офшорного бизнеса.

Многие из малых островных государств и территорий в колониальную эпоху существовали за счет дотаций метрополий, в частности, это касается большого количества британских колоний, разбросанных по всему миру. Ситуация начала меняться сразу после Второй мировой войны, когда британское правительство в силу экономических причин послевоенного восстановительного периода сократило дотационную поддержку далеким и малорентабельным колониям. Им был взят курс, частично имевший место еще и до Второй мировой войны, на предоставление большей самостоятельности многим отдаленным колониям, и прежде всего в экономической сфере: рекомендовалось развивать новые методы привлечения инвестиций и использовать новые источники финансовых поступлений. И если в довоенный и военный периоды британским колониям все же оказывалась пусть хоть и скудная, но ощутимая для их маломощных экономик помощь из королевской казны, то, условно говоря, после 1950 г. многие вновь обретшие независимость малые государства оказались один на один со множеством, казалось бы, на первый взгляд неразрешимых экономических проблем.

Выход в послевоенное время на мировую арену большого числа новых независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки, безусловно, стимулировал развитие офшорного бизнеса. Многие из них, в особенности малые по территории, населению и своему экономическому потенциалу, в силу объективных и субъективных обстоятельств не располагали в то время достаточными экономическими возможностями, чтобы самостоятельно выходить на мировые рынки в качестве конкурентов других государств, и в первую очередь промышленно развитых. Главным образом, это касалось малых государств, не обладавших в достаточной степени природными богатствами, расположенными вдали от центров мировой торговли и мировых финансов.

Для многих выход из создавшейся ситуации был найден именно в формировании офшорных центров. Практически малые государства получали возможность, образно говоря, делать деньги из воздуха, поскольку на формирование офшорного центра отвлекался минимум ресурсов, более того – это стало способствовать созданию новых рабочих мест. На сегодняшний день офшорный бизнес для многих малых островных государств стал одним из структурообразующих элементов экономики, поскольку темпы роста в этом секторе закладываются в бюджет этих государств на очередной год.

Крушение мировых империй и распад мировой колониальной системы вывели на международную арену множество стран – больших и малых, перед которыми стояли вопросы организации и обустройства их внутренней жизни, поиска источников существования. Не секрет, что для многих бывших колониальных стран разрыв традиционных связей с метрополией далеко не всегда

означал прогресс и процветание: помимо многих объективных (естественное отставание в развитии, отсутствие производственной и прочей инфраструктуры, обученных кадров) и субъективных (отсутствие четких стратегий развития, иждивенческие настроения, базировавшиеся на существовавшей тогда возможности паразитирования на противостоянии капиталистических и социалистических стран) причин неблагоприятного развития многие из них столкнулись с элементарной проблемой – отсутствием необходимых ресурсов, прежде всего природных, для развития конкурентоспособной экономики.

В условиях господствовавшего в большинстве развивающихся стран экстенсивного метода хозяйствования преимущественно сырьевой ориентации (зачастую и моноориентации) многие небольшие страны, и прежде всего островные государства, оказались в ситуации, когда для поступательного развития экономики требовалось какое-то принципиально новое решение. В качестве спасительного якоря правительства таких государств начали использовать предоставление льготных режимов компаниям-нерезидентам, стремясь таким образом привлечь в экономику своих стран значительные финансовые поступления, при этом не отвлекая и без того скудные ресурсы от развития базовых отраслей экономики, а также на государственное регулирование и вмешательство в экономику. Таким образом, ряд развивающихся стран сумел своевременно сориентироваться в новой экономической ситуации, переняв опыт офшорных моделей, уже существовавших в развитом мире, и ответив на потребности гигантов мировой экономики – ТНК и ТНБ – в принципиально новом подходе к обслуживанию мировых финансовых потоков.

Кроме того, не следует забывать и о политических реалиях холодной войны: многие офшорные территории находятся в стратегически важных точках мира (Кипр, Гибралтар, Карибы, Сингапур, Гонконг и др.), поэтому возможность развивать свои экономические системы к наибольшей для себя выгоде, в том числе и путем привлечения иностранных капиталов низкими налоговыми ставками, было своего рода платой за возможность использовать территории этих государств или квазигосударств в военно-стратегических целях (британские базы на Кипре, американские – на Маврикии и пр.).

Одним из катализаторов процессов «офшоризации» в мировом масштабе явился научно-технический прогресс, а конкретнее – широкое и бурное развитие современных средств связи и коммуникации. Появление и развитие глобальной сети Интернет, спутниковой связи и т.д. сократили практически до минимума временные издержки процесса коммуникации между весьма отдаленными частями света. Безусловно, без технологической базы, созданной в результате достижений научно-технической революции в период после Второй мировой войны, невозможно было бы развитие офшорного бизнеса в его современном понимании.

Перечисленные моменты в совокупности создали качественно новые возможности для всестороннего и стремительного развития офшорного сектора мировой экономики, что позволило ему выйти на качественно новый

уровень. Следствием этого также стало открытие новых возможностей для периферийных стран: во многом благодаря этому у многих из них появилась возможность заявить о себе, для многих из них офшорный бизнес стал основой экономического развития.

Таким образом, в развитии международного офшорного бизнеса мы можем выделить следующую периодизацию и характерные штрихи для каждого периода:

- до конца XIX в.: существование в различные эпохи разнообразных форм свободного предпринимательства, некоторые из которых (например, ярмарочные рынки) можно отнести к прообразам офшорных центров;
- до Второй мировой войны: появление зон собственно офшорного типа, с одной стороны, и стремление ТНК избежать налоговый гнет в странах базирования, с другой стороны, – две встречные тенденции, давшие в итоге бурный рост офшоризации в последующие десятилетия;
- после 1945 г. и до начала 1990-х гг.: в результате распада мировой колониальной системы и повсеместного утверждения кейнсианских схем госрегулирования экономики наблюдался количественный и качественный рост офшорного бизнеса, учреждение офшорных центров повсеместно как реакция на эти процессы. Начало активного использования офшорных схем ТНК и ТНБ, активное вовлечение в международный офшорный бизнес стран мировой периферии – прежде всего, малых островных государств и территорий;
- 1990–2000-е гг.: в результате окончания холодной войны и крушения мировой системы социализма, а также бурного развития технического прогресса (повсеместное распространение сети Интернет, новейших средств телекоммуникации и пр.) у офшорного бизнеса появились новые беспрецедентные возможности количественного и качественного роста; параллельно с этим началось активное противодействие офшорам со стороны ведущих экономических держав, некоторых развивающихся стран, несущих наиболее ощутимые бюджетные потери от использования национальным бизнесом офшорных структур, а также международных экономических организаций и финансовых институтов в связи с усилением интереса к офшорам со стороны криминального бизнеса и международного терроризма.

Согласно данным Министерства финансов РФ, наша страна вследствие последнего финансово-экономического кризиса, как ни одна другая в мире, вновь столкнулась с проблемой бегства капиталов. Если в 2007 г. Россия имела здесь положительное сальдо, а приток составил по итогам года 80 млрд долл., то в 2008 г. отток составил 130 млрд долл. Для сравнения: дефолт 1998 г. был (в том числе) связан с оттоком из России «всего лишь» 10 млрд долл.

[5, с. 12].

В.А. Мау среди важнейших проблем, стоящих перед Россией и российской экономикой, называет проблему *exit-strategy*: «Налицо *exit-strategy* у

значительной части населения, причем населения образованного и богатого. Особенно это проявляется по отношению к детям, которых стремятся вывезти из страны уже для обучения в школе. Одновременно выводятся средства, необходимые для обустройства за рубежом. Вывозится и капитал» [8, с. 1].

Это очень связанные между собой процессы, и в России они начались уже давно. Значительную роль в качестве эффективного механизма перетока капитала играет международный офшорный бизнес, с которым Россия сталкивается уже не одно десятилетие, но особенно активно – последние 20–25 лет.

Еще каких-то 20 лет назад проблемы офшорного бизнеса были, казалось бы, совершенно не актуальны для нашей страны: экономическая система в целом была практически закрытой, государство обладало монополией на все внешнеэкономические операции, курс национальной валюты устанавливался директивно.

Для сегодняшней России офшорный бизнес не является более терра инкогнита. Напротив, практика использования офшорных структур и ведение операций с вовлечением офшорных центров – каждодневное дело для тысяч российских предприятий и бизнесменов. Такому повороту событий способствовали либеральные экономические реформы, проводящиеся в России с 1992 г., следствием которых стали отмена монополии государства на внешнеэкономическую деятельность, легализация и либерализация валютного рынка, введение свободной конвертируемости валют. Российские предприятия получили возможность самостоятельно выходить на внешние рынки и стали активно осваивать новации международной деловой практики, в том числе и офшорные структуры.

Проблема «Россия – офшорный бизнес» логически распадается на два аспекта: использование российскими предприятиями внутренних российских офшоров и операции российских предприятий в зарубежных офшорных центрах.

Использование гражданами России (СССР) офшорных возможностей на самом деле исчисляется к настоящему моменту уже несколькими десятилетиями. Скрытый импорт офшорных услуг, т.е. приобретение и использование зарубежных офшорных компаний советскими резидентами, начался с середины 1950-х гг., а после 1991 г. российские резиденты резко увеличили спрос на эти услуги [10, с. 9].

Закрытость советской экономики в послевоенное время, а особенно после смерти Сталина, уже перестает быть такой абсолютной, как это было в 1930-х – начале 1950-х гг. Постепенное подключение СССР к международным связям и медленное, но верное «вползание» в глобальную экономику сделали свое дело. Расширение внешнеэкономических связей, интенсивные деловые и личные контакты советских граждан и организаций с зарубежными партнерами, расцвет теневой экономики, бюрократической буржуазии и мафии в 1950–1980-х гг. привели к формированию крупных нелегальных личных состояний и создали предпосылки для скрытой утечки капитала за

границу. Но в те времена бегство капитала оставалось на относительно скромном уровне, а его методы крайне изощренными и тайными, поскольку капитал в СССР оставался вне закона, а вывоз капитала был строго запрещен.

Кроме того, крупные суммы в валютной и товарной формах поступали так называемым дружественным зарубежным фирмам. Как отмечает российская печать, «в начале 90-х годов спецэкспортеры были могучими конторами. Единственные в стране, они имели опыт внешнеэкономической деятельности и, главное, опыт отмыwania в офшорах денег на финансирование братских партий.

СССР был первой страной, в массовом порядке использовавшей офшоры для создания денег, не учтенных нигде – ни в стране, которая произвела товар (и продала его по заниженной цене), ни в стране, товар купившей» [4, с. 1]. Во времена СССР одной из форм подобного перевода денег стало финансирование КПСС дружественных зарубежных партий через определенные фирмы, многие из которых были зарегистрированы в офшорах. Им предоставлялись льготные кредиты или шли товарные поставки по заниженным ценам, а полученную за счет таких льготных условий прибыль отправляли по нужным адресам [12, с. 164]. Так что внешнеторговые объединения, действовавшие в условиях государственной монополии на внешнеэкономические связи, были хорошо знакомы с возможностями офшорных компаний еще в советскую эпоху.

В 1985–1990 гг. по разным мотивам и соображениям государственные, партийные и частные структуры резко форсировали бегство капитала за пределы СССР, и оно приняло невиданные со времен Гражданской войны 1918–1922 гг. масштабы. Как и в тот период, распад государства сопровождался лавинообразным бегством капитала за границу. Развал СССР и системный кризис в еще только находившейся в поисках своей национально-государственной идентичности новой России (бывшей РСФСР) дали мощные импульсы для бегства отечественного капитала за рубеж. В архивах всплывают красноречивые документы, свидетельствующие о стремлении партийной верхушки нелегально перевести крупные валютные ресурсы за границу и использовать объекты государственного имущества за рубежом для развертывания коммерческой деятельности КПСС после ее отстранения от власти [3, с. 309–310]. Генезис российской буржуазии тесно связан с массовой утечкой капитала за границу.

В советской экономике в 1950–1980-е гг. сложился и окреп теневой бизнес, фактически контролировавший значительную часть финансовых потоков и национального богатства [7, с. 46]. В ходе горбачевских реформ теневики вышли из подполья и захватили важные позиции в нарождающемся частном предпринимательстве. К моменту развала СССР за его пределами уже осело порядка 100 млрд долл. советского происхождения [11, с. 64].

В конце 1980-х гг. появились первые представительства зарубежных юридических фирм в Москве, Ленинграде (Петербурге) и других деловых

центрах СССР (России), которые приступили к учреждению, регистрации и секретарскому обслуживанию офшорных компаний по заказам и поручениям российских юридических и физических лиц прямо на месте. В середине 1990-х гг. только в Москве действовало около 100 таких юридических фирм. Сегодня регулярно проводятся в разных городах семинары, во время которых можно приобрести офшорные компании любого профиля за два-три часа.

Отмена государственной монополии на внешнеэкономические связи (15 ноября 1991 г. – указ президента Б. Н. Ельцина «О либерализации ВЭД»), стремительный рост количества участников внешнеэкономической деятельности, либерализация валютного контроля, тяжесть налогового бремени в сочетании с увеличением негласных переводов средств за границу способствовали росту популярности офшорных схем и технологий бизнеса среди российских предпринимателей. По самым осторожным оценкам, к началу 2005 г. в зарубежных офшорных центрах зарегистрировано более 100 тыс. офшорных компаний с российским капиталом.

Второй аспект проблемы – внутренние офшоры и позиционирование Россией себя как офшорной территории.

Наличие офшорных территорий внутри государства, не являющегося зоной льготного налогообложения, – не такая уж редкость. Напротив, существует немало примеров, когда офшорные зоны создаются в отдельных областях, штатах, городах даже таких государств, которые заслуженно пользуются репутацией стран с жесткой налоговой системой. В этой связи стоит упомянуть внутренние офшоры США – штаты Делавэр, Невада и Вайоминг, внутренние офшоры Швейцарии – кантоны Невшатель, Фрибург и Цуг, внутренние офшоры Великобритании – острова Мэн, Гернси и Джерси и пр.

Деятельность по созданию особых экономических зон различного типа была начата еще в СССР в период перестройки, однако создание зон собственно офшорного типа (так называемые льготные налоговые регионы [6, с. 106]) в России приходится уже на середину 1990-х гг., старейшими из них являются учрежденные в 1994 г. зона экономического благоприятствования «Ингушетия» и зона льготного налогообложения в Республике Калмыкия. Позже возникли внутренние офшоры в Алтайском крае (СЭЗ «Алтай», ЭЭР «Алтай», г. Барнаул), Республике Бурятия, городах Центральной России – Угличе, Курске, Шаховском районе Московской области, районах Новгородской и Калужской областей и пр. Но как показала практика, ни одна из этих зон не смогла стать перспективным проектом. Некоторые из них так и остались только на бумаге, никогда не заработав в реальности.

Действительно функционирующими были лишь офшоры в Ингушетии (1994–2001 гг.) и в Калмыкии (с 1994 г. по настоящее время, но весьма в урезанном виде, что ставит под сомнение офшорный статус этой территории), а также некоторые ЗАТО – закрытые административно-территориальные образования, возникшие в России на месте бывших «секретных ящиков» – закрытых городов. Принцип их использования весьма близок к тому, который

имеет место в офшорных зонах. Нередко к офшорам причисляют и ОЭЗ Калининградской области, хотя не вполне правомерно.

Особенность российских внутренних офшоров (в отличие от международных офшоров) в том, что в основном они интересовали и интересуют российский бизнес и используются в целях оптимизации налогообложения. Привлекательными международными проектами, где бы в массовом порядке регистрировались иностранные офшорные компании, внутренние офшоры России так и не стали.

Если для бизнес-структур выгодность использования офшоров очевидна, то совершенно особое звучание офшорный бизнес приобретает при рассмотрении его на макроуровне, т.е. с точки зрения воздействия на российскую экономику в целом. Многие исследователи справедливо характеризуют сегодня это воздействие ни больше ни меньше как ущерб в национальном масштабе, нанесенный народному хозяйству страны.

Литература

1. *Adams Ch.* For Good and Evil: The Impact of Taxes on the Course of Civilization, 1993, Madison Books.
2. *Апель А., Гунько В., Соколов И.* Обналичивание и офшорный бизнес в схемах. – СПб., 2002.
3. *Афанасьев Ю.* Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. – М., 2001.
4. Газета «Версия», 16–22 мая 2000 г.
5. Доклад А.Л. Кудрина на 12-й Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Москва, 5-7 апреля 2011 г.
6. *Кабир Л.С.* Организация офшорного бизнеса. – М., 2002.
7. *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия. Социально-экономическое исследование. – М., 2000.
8. *May В.* Кризис не сыграл роль «санитара леса» // CFO-Russia.Ru, 22 февраля 2011 г. / URL: <http://www.cfo-russia.ru/stati/index.php?article=3791>
9. *Тимошина Т.М.* Экономическая история зарубежных стран. – М., 2004.
10. *Халдин М.А.* Бегство капитала из России. – М., 1996.
11. *Халдин М.А.* Россия в офшорном бизнесе. – М., 2005.
12. *Хейфец Б.А.* Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. – М., 2008.

Д.А. Пахолкин

Рассмотрены концепции межгосударственной интеграции и реальные факторы, ее определяющие. Дан краткий обзор глобалистских концепций второй половины XX в., обосновывающих закономерность передачи государственных полномочий наднациональным структурам. Показано, что практика интеграции в Западной Европе, где она приобрела наибольший размах и глубину, во многом не соответствует этим доктринам. Отмечается быстрый прогресс интеграции в экономической сфере, где ей способствуют многочисленные объективные факторы и большие сложности в области внешней, социальной, культурной политики, обороны и ряде других. Подчеркивается необходимость четко различать государственно-правовой статус внутренних и глобальных структур, не обладающих суверенными правами, от государств как таковых, для которых суверенитет является основой их правомочий.

Ключевые слова: межгосударственная интеграция, транснационализм, модернизация, индивидуализация, общество риска, интеграционные процессы, План Маршалла, экономическая интеграция, платежный союз, политический союз, евроконституция, Соединенные штаты Европы, Совет Европы, правила наднационального регулирования, Маастрихтский договор, суверенные права верховной власти, производные государственных органы.

Реализация интеграционной функции конкретным государством зависит от взаимодействия со множеством международных акторов, число которых в современном мире значительно увеличилось. Именно это взаимодействие зависит от ряда факторов, которые принято делить на объективные и субъективные. Прежде чем перейти к рассмотрению факторов, влияющих на выбор форм межгосударственной интеграции, необходимо определить основные подходы, существующие в научной литературе.

В чередѣ множества социологических, политических и экономических теорий, получивших распространение в конце XX – начале XXI в. на Западе, основным объектом научного анализа становится изменение роли государства в современном мире. Начиная с 1970-х гг. стала формироваться концепция транснационализма, оформившаяся в 1971 г. с выходом монографии Р. Кеохэйна и Дж. Ная «Транснациональные отношения и мировая политика» [1]. По их мнению, государство утрачивает свою прежнюю роль главного субъекта международных отношений.

С позиции сторонников транснационализма, полноправными субъектами на международной арене могут выступать транснациональные компании, неправительственные организации, отдельные города и территории, непосредственно предприятия и отдельные индивиды (физические лица). Последователи транснационализма утверждали, что главные тенденции в международных отношениях будут определяться развитием международных политических институтов, т.е. глобальных и региональных международных ор-

ганизаций, системой официальных договоров и неофициальных договоренностей, институтами международного права и мирового общественного мнения. Общий тезис – общество подходит к новому рубежу своего развития, что обязывает нас пересмотреть роль государства и его функций.

Базой для многих рассуждений можно считать социологическую теорию «Общества риска» У. Бека [2], по мнению которого социальные структуры становятся более подвижными по сравнению с предыдущим историческим этапом. Социальные агенты, в свою очередь, оказываются менее прикрепленными к социальной структуре. Увеличиваются степени свободы как социальной структуры, так и социальных агентов. По словам У. Бека, «Эффектом структурных изменений сил социальных агентов становится большая свобода от структуры. И для успеха модернизации необходимо, чтобы эти агенты сами освободились и активно участвовали в модернизационном процессе» [2]. Таким образом, результатом модернизации становится растущая индивидуализация, а риск становится растущим моментом социального производства. Концентрация рисков ведет к так называемому эффекту бумеранга риска, т.е. к универсализации и глобализации рисков, которые разрушают классовые и национальные границы. Таким образом риски, согласно концепции «общества риска» У. Бека, преодолевают границы государств и получают глобальное значение [3].

Универсальные для всех обществ опасности сопровождают постиндустриальное социальное производство, в какой бы стране оно не находилось, а «эффект бумеранга» разрывает границы национальных государств. Техногенные катастрофы и промышленные аварии отражаются не только на состоянии экологической среды данной страны, но также и соседних стран. Последствия подобных катастроф сказываются в экономической сфере, как правило, двояким образом: катастрофа уменьшает ресурсы страны и перетягивает их значительный объем на ликвидацию последствий. В социальной сфере риски преобразуют социальную структуру. Общество риска не может быть представлено в категориях классового общества, сегодня эти категории приобретают относительный характер. Риски уравнивают тех, кто к ним причастен. И в этом смысле, делает вывод У. Бек, общества риска не являются классовыми обществами.

Другую грань понятия риска, отношение риска и рациональности, обозначает немецкий социолог Н. Луман, который обращается к онтологическим основаниям изучения риска: по его мнению, понятие риска ставит под вопрос рациональную природу деятельности человека. В сфере политики неопределенность понятия риска становится поводом для многочисленных спекуляций и управленческих манипуляций. По мнению Н. Лумана, социология обозначает и изучает новые грани риска. На первый план выходит анализ последствий трех типов систем, производящих риски в современном обществе, – естественных, технологических и социальных. Подводя итог своему анализу, Н. Луман утверждает: «Свободного от риска поведения не существует» [4].

Но что же предлагается для минимизации риска? Один из способов регуляции риска состоит в изменении параметров каждого из элементов цепи. Риск существует одновременно с опасностями, процессами их проявления и эффектами. Люди, признавая риск, должны признавать величину и неравенство распределения последствий. Вопрос о том, как минимизировать негативные последствия и избежать опасности, приобретает, таким образом, глобальное значение, причем одновременно риск становится политической категорией. Однако если внимательнее присмотреться к аргументации У. Бека, то не вызывает сомнений, что речь постоянно идет о политике. Более того, речь идет о политическом. Назвав одну из своих книг «Изобретение политического», У. Бек подчеркнул то значение, которое для него имеет это понятие.

Таким образом, западное общество готовится к новой экспансии на территорию или систему, откуда исходит риск. Но для этого, по мнению У. Бека, нужно «учредить и испытать ... транснациональные форумы и формы регулируемого, то есть признанного ненасильственного разрешения конфликтов между взаимоисключающими и часто взаимно враждебными национальным и космополитическим движениями», новым политическим субъектом должны стать «движения и партии граждан мира» [5].

Распад СССР и «конец коммунизма» в Восточной Европе материализовал мечту Запада о «конце истории» [6], более того Россия и новые независимые государства на бывшем постсоветском пространстве безропотно приняли навязанные им правила игры. Но отношение к России не изменилось. В своем геополитическом эссе «Великая шахматная доска» З. Бжезинский очень четко определил отношение Запада к уже постсоветской России. Приведем для более четкого понимания основную идею автора: «Распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства в мире способствовала образованию “черной дыры” в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли» [7]. Россия все более становится не великим государством, не даже «просто страной», а лишь «территорией», своего рода «географическим феноменом», по заявлению того же З. Бжезинского, которое прозвучало в Вашингтоне на международной конференции в 2001 г.

Единственный выход для России, по мнению автора, это интеграция в Европу, но под контролем со стороны США. Тем более что серьезную угрозу геополитической безопасности России представляет одна из болевых точек планеты, названная З. Бжезинским «Евразийскими Балканами» [7]. Однако эта интеграция, начавшаяся при Б.Н. Ельцине, привела Россию к частичной потере своего государственного суверенитета. Государство постепенно утрачивало контроль над своими природными богатствами, все больше и больше попадая в финансовую зависимость от стран Запада.

По мнению некоторых западных и отечественных аналитиков, наиболее острой для России проблемой («территории риска») являются дисбалансы, сформировавшиеся как в советское время, в том числе в результате перестрой-

ки, так и в период либерально-демократических реформ. Первый дисбаланс вытекает из особенностей самого российского социума, а именно – слабая психологическая социальная готовность к инновациям и нововведениям.

Второй глобальный дисбаланс, по мнению зарубежных аналитиков, связан с тем, что население нашей страны не сможет самостоятельно освоить колоссальные национальные активы, которыми располагает, ни в количественном, ни в качественном отношении. Этот дисбаланс обостряется рядом негативных процессов и явлений. Россия превращается в криминогенную страну с высоким уровнем коррумпированности чиновничьего аппарата.

Факторами объективного характера принято считать такие, как экономический, культурный, экологический, информационный, военный и др. [8]. Этот традиционный подход не учитывает, однако, ни иерархии факторов, ни их реального влияния на интеграционные процессы. Здесь, на наш взгляд, происходит подмена понятий. Перечисленные факторы могут быть формами интеграции. Не представляется полным и оправданным сведение субъективного фактора только к личностным качествам лидера [8].

Чтобы определить факторы, влияющие на интеграционные процессы, необходимо определить, что речь может идти только о региональном уровне интеграции. Глобальный уровень интеграционных процессов пока не получил должного освещения в научной литературе, да и реальный опыт пока не реализован.

Ошибочное причисление к глобальным интеграционным процессам, опыт ООН, ВТО, МВФ и других международных организаций не предусматривают применение интеграционных механизмов. В данном случае речь может идти о интернационализации, которая предполагает выравнивание экономических параметров стран-участниц. В международном масштабе этот процесс стремятся направлять экономические организации (например, ЮНКТАД) при Организации Объединенных Наций. Однако результаты их деятельности до сих пор выглядят малозначительными.

После окончания Второй мировой войны европейские государства переживали серьезные экономические и социальные трудности. С целью оживления экономики США предложили западноевропейским странам План Маршалла, который впервые публично был оглашен 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете. Уже 12–15 июля 1947 г. в Париже состоялось Сопровождение европейских государств в составе 17 стран. Цель совещания состояла в определении необходимых объемов экономической помощи со стороны США, которая составила 22 млрд долл. США.

В число европейских государств, включившихся в План Маршалла входили Австрия, Англия, Бельгия, Голландия, Греция, Дания, Западная Германия, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Португалия, Турция, Франция, Швейцария и Швеция, входившие в состав объединенной англо-американской оккупационной зоны «Бизон» и французской оккупационной зоны.

Для эффективного осуществления Плана Маршалла потребовалось создать специальный организационно-правовой механизм. 16 апреля 1948 г. в Париже на пленарном заседании конференции было подписано Соглашение об учреждении Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Задачи ОЕЭС сводились к подготовке программы оздоровления экономики европейских стран, а также распределению получаемой американской помощи. Однако уже осенью 1949 г. между США и европейскими странами наметились противоречия, в результате которых страны Европы, участвующие в Плане Маршалла, чтобы противостоять давлению со стороны США, выбрали курс на тесное экономическое сотрудничество.

Уже в 1950 г. под эгидой ОЕЭС был создан Европейский платежный союз (ЕПС), в рамках которого решалась проблема неконвертируемости европейских валют по отношению к доллару США. В 1951 г. шесть европейских стран – Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды и Франция – создали Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) – базу для следующего этапа евроинтеграции.

ЕПС прекратил свою деятельность в декабре 1958 г., сразу же после того, как европейские государства объявили о свободной конвертируемости своих валют. Еще раньше, в 1950 г., в рамках ОЕЭС был разработан план действий по экономической интеграции европейских государств, базирующийся на глубокой международной специализации производства, международном разделении труда и интеграции государств Европы в единый рынок. Этот план, получивший название «план Стиккера», стал основой для дальнейшей интеграции европейских сообществ. Таким образом, основным фактором, повлиявшим на формирование прединтеграционных процессов, стал внешнеполитический, усиленный военно-политической составляющей.

Следующий этап был юридически оформлен в 1957 г. в Риме, где участники ЕОУС подписали Римский договор об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС). В течение 35 лет, с 1957 по 1992 г., были заложены основы Общего рынка в европейском регионе. Однако только распад СССР позволил европейским странам перейти к следующему этапу – образованию Европейского союза, получившего юридическое оформление Маастрихтским договором 1992 г.

На этом этапе основным фактором, сначала сдерживающим, а с 1991 г. – активизирующим евроинтеграцию, был также внешнеполитический, по своим характеристикам носящий военно-политический характер. Внутренние факторы как объективного характера, так и субъективного, создавая внутренние условия евроинтеграции, на наш взгляд, не играли решающей роли. Решающим фактором стал именно внешнеполитический фактор, ставший катализатором, спустившим пусковой крючок евроинтеграции.

Именно после распада СССР сравнительно быстро, кроме учредительного Маастрихтского договора 1992 г., в 1997 г. было заключено Амстердамское соглашение о создании политического союза, включая общую оборону,

валютно-экономический союз, общую денежную единицу (евро), которая была введена в обращение 1 января 2002 г.

Однако следующий этап – создание политического союза, несмотря на значительные усилия, реализовать не удастся. Провал принятия евроконституции на фоне экономического кризиса – следствие торможения процесса интеграции. По нашему мнению, главным фактором, тормозящим дальнейшую интеграцию, выступает внутривнутриполитический фактор, который без благоприятного внешнеполитического фактора сам не способен активизировать вышеназванный процесс.

Обратимся к истории. Планы построения европейской федерации, или Соединенных штатов Европы, предлагались с XIX в. Вторая мировая война перевела их в область практических предложений. Сразу после войны было выдвинуто несколько проектов европейской федерации. В 1946–1948 гг. в пользу федерализма выступали Паневропейский союз, Европейский парламентский союз, Европейский союз федералистов, Комитет объединенной Европы, Европейская лига экономического сотрудничества и Социалистическое движение за создание Соединенных штатов Европы. Единой целью всех этих организаций было принятие общей европейской конституции. Сторонники федерации предлагали начать объединение с формирования политического союза (федерации или конфедерации), который должен был в дальнейшем для устойчивости опираться на развитие экономической кооперации.

В 1949 г. удалось создать Совет Европы как результат компромисса между британской позицией и предложениями правительств Франции и Бельгии. Однако Совет Европы оказался лишен полномочий и инструментов для строительства «федеральной Европы». Гаагский конгресс, по сути, смог заложить основы для европейского сотрудничества прежде всего в гуманитарной области. Была принята Европейская конвенция прав человека и создан Суд по правам человека.

Неудачная попытка начать выстраивать европейскую федерацию как политическое объединение заставила федералистов переключиться на принцип «параллелизма» – одновременной интеграции в экономических и политических сферах. Изначально именно под таким углом зрения рассматривалось и совместное производство угля и стали. Созданное в 1951 г. Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) считалось первым шагом на пути к формированию «общих основ экономического развития, первого этапа Европейской Федерации».

Последовали попытки параллельно с ЕОУС создать организацию сотрудничества в сфере безопасности. Отсюда – проект соглашения о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС), которое было подписано в 1952 г. Статья 38 соглашения о ЕОС предусматривала возможность созыва учредительной Консультативной ассамблеи для определения деталей федеративной или конфедеративной модели европейского сообщества. Осенью 1952 г. правительства шести государств поддержали идею созыва такой учредительной

Ассамблеи на базе уже существовавшей Ассамблеи Европейского объединения угля и стали. Была создана конституционная комиссия из 22 человек.

В марте 1953 г. учредительная Ассамблея приняла к обсуждению проект Европейского политического сообщества наднационального характера. Проект предусматривал создание институциональной структуры с полномочиями в области обороны, внешней политики и экономики. Ядро федеративного союза должны были составить двухпалатный парламент (палата народов и сенат), Европейский исполнительный совет, Совет национальных министров, Суд и Социально-экономический совет.

Однако пока шло обсуждение плана создания Европейского политического сообщества, Национальное собрание Франции отказалось рассматривать вопрос о ратификации договора о ЕОС. Идея политического сообщества тоже оказалась в тех условиях преждевременной. Хотя большинство исследователей связывают провал плана ЕОС со страхами Франции перед легализацией военного строительства в Западной Германии, ее отношение к политической интеграции во многом определялось осознанием того факта, что Франция не сможет контролировать новые европейские сообщества в той же мере, что и ЕОУС, не сможет держать в своих руках нити европейской интеграции и использовать этот процесс в своих интересах [9]. Спустя несколько лет, в 1955 г., Франция ратифицировала Парижские соглашения о присоединении ФРГ к Западному союзу и НАТО, которые, в конце концов, фактически разрешили создавать германские воинские контингенты, возражения против чего обусловили позицию французских парламентариев в отношении договора о ЕОС.

Несмотря на провал ЕОС и ЕПС, сторонники европейской федерации не соглашались признать утопизм своих надежд. На заседании Общей ассамблеи ЕОУС в ноябре 1954 г. Ж. Монне заявил: «Соединенные Штаты Европы – не далекая мечта, а необходимость, которую надо стремиться осуществить в ближайшее время» [10]. В октябре 1955 г. Ж. Монне создал Комитет действия за создание Соединенных штатов Европы, который согласился поддержать многие известные политики того времени.

Однако вскоре дебаты о европейском сотрудничестве вылились в спор между сторонниками федерализма, тотальной интеграции и сторонниками ее секторальной модели. Франция твердо выступала в пользу функционально ограниченной интеграции. Париж предлагал сосредоточиться на сотрудничестве в области атомной энергетики – в той области, где у Франции в то время были преимущества и где она могла рассчитывать на лидерство. Страны Бенилюкса выступали за более радикальный подход. Но и они легко согласились на принцип секторальной интеграции, полагая, что в ходе реализации конкретных проектов станет очевидным преимущество более смелых решений.

Римский договор 1957 г. утвердил положения о создании Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии. Положения договора не содержали федералистских элементов и не затраги-

вали сферы обороны и внешней политики. В тексте подчеркивались задачи экономического характера, фактически договор представлял собой программу экономической интеграции, первым шагом которой должно было стать создание таможенного союза. Задача формирования таможенного союза и либерализация торгового обмена была решена к середине 1968 г. [11].

Последней практической попыткой создать политический союз в Западной Европе был проект «комитета Фуше», разработанный по поручению глав государств и правительств «шестерки» ЕЭС (Боннская декларация 1961 г.). Согласно этому проекту, цель союза могла заключаться в формировании общей внешней политики, сотрудничестве в областях обороны, экономики и культуры. В первой статье предлагалось объявить союз нерасторжимым. Он должен был базироваться на трех институтах – Совете глав государств и правительств, парламенте и Европейской политической комиссии. Главную роль играл бы Совет, принимающий решения единогласно. Однако государство, не считающее какое-либо решение необходимым, могло воздержаться от голосования. Таким образом, авторы проекта пытались придать гибкость принципу единогласия.

Проект не был принят. Причиной разногласий стало опасение сторон, что институты предлагаемого политического союза смогут претендовать на роль, позволяющую им объединить и подчинить себе уже созданные европейские сообщества (ЕОУС, ЕЭС, Евратом). Франция настаивала на принципиальном ограничении наднационального характера институтов любого возможного политического союза, с чем не соглашались страны Бенилюкса, продолжавшие надеяться на более тесные формы политической интеграции.

Дебаты о политической интеграции активизировались в 1980-е гг. Еще в 1976 г. специальная комиссия во главе с премьер-министром Бельгии Л. Тиндеммансом подготовила доклад для Европейского парламента, в котором впервые было упомянуто о возможности преобразования европейских сообществ в Европейский союз. В 1985 г. был принят Единый европейский акт, провозглашавший необходимость создания единого европейского экономического пространства.

Во время подготовки Маастрихтского договора о Европейском союзе столкнулись два подхода. В основе первого лежала «концепция дерева». Она предполагала, что новые направления интеграции окажутся «ветвями» на уже выросшем «стволе» тех практик, которые сложились в Европейском сообществе после 1957 г. Это означало, что на новые направления распространялись бы правила наднационального регулирования, которые к тому времени сложились в сфере прежде всего экономического сотрудничества западноевропейских стран. Противники этого подхода полагали, что новые сферы интеграции должны развиваться самостоятельно и регулироваться практикой принятия решений на межправительственной основе. Они соглашались, что Европейское сообщество будет главной опорой союза, а новые направления –

дополнительными. Но это давало им аргумент в пользу развития сотрудничества в новых областях независимо от старых правил. Этот подход и одержал верх.

Европейский союз оказался основанным на «модели трех опор» с двумя способами принятия решений. Опорами были:

- европейские сообщества (таможенный союз, единый внутренний рынок, экономический и валютный союз);
- общая внешняя политика и политика безопасности;
- сотрудничество в области внутренних дел и юстиции.

Политические решения по первому блоку сотрудничества принимаются с преобладанием принципа наднациональности. По второму и третьему – на основе принципа межгосударственного взаимодействия.

Маастрихтский договор оставил область общей внешней и оборонной политики (ОВПБ) вне Европейского сообщества. Согласно договору, Европейский совет – совещание глав государств и правительств – получил право на разработку и проведение ОВПБ. Это означает, что страны-члены ЕС сохраняют контроль над интеграцией в сфере внешней политики. Договор предусмотрел возможность обойти принцип единогласия через институт «конструктивного воздержания» (*constructive abstention*): одна или несколько стран ЕС (но не более $\frac{1}{3}$) могут официально заявить о том, что они воздерживаются от принятия на себя обязательств исполнять то или иное решение, против принятия которого союзом в целом они не возражают и которое они в целом признают обязательным для союза. Это означает, что каждая из стран ЕС может при необходимости уклониться от исполнения решений союза в целом, ухитряясь при этом формально оставаться в правовом поле Евросоюза.

Очевидно, что в сфере политического взаимодействия правила интеграции резко отличаются от тех, которые приняты в области экономики. Экономическая и политическая сферы интеграции стран ЕС не являются «сообщающимися сосудами». Напротив, действующая модель развития Евросоюза предполагает, что прогресс в экономике не определяет интеграцию во внешней политике. В этом проявляется себя горизонтальный принцип «разделения властей» внутри Евросоюза. Он гарантирует сохранение контроля государств над процессами интеграции в целом и позволяет им своевременно наделять институты ЕС ровно тем объемом дополнительных полномочий, который необходим для эффективной работы союза в целом.

Предложенный Ж. Монне функциональный метод (метод Монне) основан на логике поэтапной, но тотальной интеграции. Предполагается, что интеграция будет захватывать один сектор за другим, придавая наднациональным институтам черты федерального правительства. При этом не объясняется, что может стимулировать лидеров государств соглашаться на передачу своих полномочий наднациональным органам.

Основные успехи были достигнуты в экономике. В этой области правительства согласились на значительную передачу своего суверенитета на над-

национальный уровень и не блокировали деятельность евробюрократов Комиссии и деятельность Суда. Очевидно, в экономической сфере преимущества сильных наднациональных институтов общего рынка перевешивают издержки утраты полномочий лидерами отдельных стран. В сфере общей внешней и оборонной политики или иммиграции задача создания сильных центральных институтов не реализована, и целесообразность этой задачи продолжает широко и конфликтно обсуждаться.

Таким образом, Европейский союз дает уникальный пример успешного развития интеграции без сильного центрального правительства. На протяжении более 50 лет европейская интеграция развивалась без полномочных федеральных органов, конституции и с ограниченным союзным бюджетом.

Попытки воспроизвести успех ЕС в других региональных объединениях были при этом неудачными. Например, усилия по образу и подобию ЕС выстроить объединения бывших союзных республик СССР (СНГ, иные региональные союзы, государственные объединения типа Союза России и Белоруссии [12]) были полностью неудачными. Если этим объединениям и удалось чего-то достичь, то достигнутое фактически больше отличается от опыта Евросоюза, чем его напоминает [13].

Подводя итоги опыта интеграции ЕС, можно предложить следующую схему факторов, влияющих непосредственно на саму интеграцию: среди объективных факторов можно выделить глобализационные факторы (экономические, политические, международно-правовые и др.), проявляющие себя в конкретных субъективных условиях. Субъективные факторы проявляются во внешней и внутренней политике:

- внешние факторы (военно-политические), носящие, по нашему мнению, субъективный характер, имеющие как позитивное, так и негативное содержание;
- внутренние факторы (политические), также носящие субъективный характер, среди которых следует выделить политическую стабильность, экономическую конъюнктуру, состояние обороноспособности и уровень реальных доходов населения.

Определяя эти факторы, мы исходим из того, что интеграционная функция носит надгосударственный характер и не присуща государству с его основным атрибутом – суверенитетом.

Основу юридической конструкции суверенитета составляют суверенные права государства, которые реализует своими актами верховная власть. Суверенные права выступают основой правового статуса государства и его верховной власти. Данные права составляют правовую сущность верховной власти и юридическое содержание ее деятельности.

В отличие от других правомочий государства суверенные права осуществляются непосредственно верховной властью и не могут быть переданы производным от нее государственным органам или уровням власти либо другим государственным или международным союзам без риска потери внешне-

го и внутреннего суверенитета или его значительного ограничения. Интеграция как процесс разрушает суверенитет, который неотделим от государства, а значит, эта функция выходит за рамки полномочий государства.

Народный и национальный суверенитеты как явления не существуют и не могут существовать сами по себе – отдельно от государства и помимо него. Нация или народ в качестве политического субъекта всегда выступает как один из элементов государства, его этносоциальная основа и источник (иногда один из источников) государственного суверенитета. Но собственно суверенитет как феномен верховной власти принадлежит исключительно государству.

Литература

1. *Лаецов С.А.* Мировая политика и международные отношения. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – С. 24.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. *Бек У.* От индустриального общества к обществу риска // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 161–168.
4. *Луман Н.* Понятие риска // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 37.
5. *Beck U.* The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // The British Journal of Sociology. Special issue: Sociology Facing the Next Millennium / Ed. by John Urry. – 2000. – Vol. 51. – № 1. – P. 85.
6. *Ильин А.Н.* Возможен ли конец истории по Ф. Фукуяме? [Электронный ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – № 3 (май — июнь) // URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Ilyin_End-of-History-Fukuyama/
7. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 108.
8. *Киреева С.А.* Межгосударственная интеграционная деятельность как выражение внешней функции Российского государства. – Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – С. 322.
9. *Акульшина А.В., Артемов В.А.* Франция и Германия в европейской интеграции. – Воронеж, 2005. – С. 133.
10. *Сиджански Д.* Федералистское будущее Европы. – М., 1998. – С. 38.
11. *Шемятенков В.Г.* Большая Европа и западноевропейская интеграции. – В кн.: Европейский союз на пороге XXI века. – М., 2001. – С. 11–25.
12. *Филиппов М.* Игры интеграции: Белоруссия и Россия в поисках друг друга. // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 1. – С. 67–81.
13. *Стрежнева М.В.* ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. – М.: МОНФ. Научные доклады (№ 101, 1999). – С. 108.

Методы организации закупочной деятельности в крупных предпринимательских структурах

Е.Н. Орехов

В статье рассмотрены подходы к типам организации закупочной деятельности, предложено четкое разграничение по признакам их классификации. Показана необходимость выделения трех уровней децентрализации закупочной деятельности.

Ключевые слова: закупки, централизация, децентрализация, бизнес процессы.

В условиях растущих макроэкономических рисков и развития конкуренции в российской экономике важнейшее значение для стабильности развития компаний приобретают контроль и оптимизация издержек. На их общий уровень оказывает непосредственное влияние качество организации закупочной деятельности. Среди факторов, которые привели к формированию тенденции повышения роли закупочной деятельности в организации, можно, в частности, назвать следующие:

- рост сложности закупаемых изделий и материалов;
- усиление конкурентной борьбы;
- усиление взаимодействия покупателей и поставщиков;
- использование методов конкурентных закупок [1].

Следует, однако, отметить, что сказанное справедливо, скорее, для крупных компаний с достаточной степенью зрелости функции закупок.

Важным решением в области организации закупочной деятельности является решение о ее централизации либо, наоборот, децентрализации. Поэтому некоторые существенные аспекты данного решения будут рассмотрены в настоящей статье.

В случае, если закупочная деятельность в компании централизована, имеет место ее организационное обособление – формируется специализированное подразделение, отвечающее за закупки. Это обособление может распространяться до самых верхних уровней управления компании, вплоть до введения должности исполнительного вице-президента по закупкам (см. рис. 1).

Рис. 1. Пример централизованной структуры управления закупками в крупной компании [4, с. 160]

В случае децентрализации полномочия по реализации закупок распределяются между различными подразделениями компании [3].

Таким образом, фактически выбор между централизацией и децентрализацией управления закупочной деятельностью сводится к дилемме: качество управления и стратегическая роль закупок против гибкости.

Стремясь избежать этой дилеммы и взять основные преимущества обоих подходов, многие компании останавливаются на гибридных службах закупок, сочетающих преимущества централизации и децентрализации. Результаты одного эмпирического исследования использования разных типов организации служб закупок представлены на рис. 2.

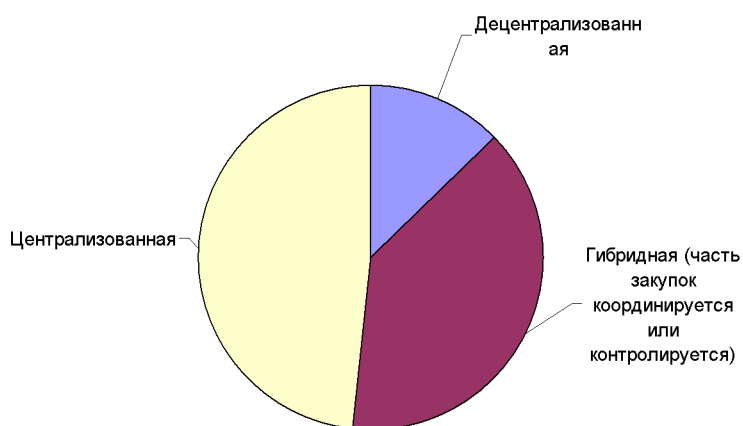

Рис. 2. Использование централизованных, децентрализованных и гибридных служб закупок в компаниях (иллюстрация автора по данным эмпирического исследования в работе [4, с. 171])

В связи с этим, чтобы четко разграничить типы систем организации закупочной деятельности для целей настоящего исследования, будем придерживаться следующих организационных признаков их классификации:

- *централизованная модель* предполагает наличие центральной службы закупок и проведение всех операций по закупкам (возможно, за исключением совсем незначительных, осуществляемых уполномоченными сотрудниками по своему усмотрению) через нее;
- *гибридная модель* также предполагает наличие центральной службы закупок, однако часть закупочной деятельности реализуется заинтересованными подразделениями самостоятельно; баланс полномочий между центральной службой закупок и другими подразделениями может различаться (от информационно-контроллинговых функций до централизации существенных закупок);
- *децентрализованная модель* предполагает отсутствие центральной службы закупок в компании; функции контролякупающих подразделений могут осуществляться службами, отвечающими за другие аспекты контроля в организации (например, службой безопасности, ревизионной службой).

Остановимся несколько подробнее на *гибридной* организации службы закупок. Несмотря на некоторое различие предлагаемых в литературе подходов к формированию таких служб, по ряду источников можно сделать вывод, что они предполагают разделение функций:

- по выработке политики, регламентов, моделей бизнес-процессов; разработке стратегии закупок;
- по реализации операционных аспектов закупочной деятельности [2, 4].

Таким образом, можно утверждать, что в специальной литературе уровни организации закупочной деятельности разделяются на *стратегиче-*

ский и операционный. Однако, на взгляд автора, такой подход не совсем верен, поскольку упускает из внимания тот факт, что в управлении закупочной деятельностью может участвовать другое подразделение (служба) компании, которая также представлена на стратегическом уровне управления. Так, например, в крупных компаниях на стратегическом уровне (в качестве самостоятельной службы) может быть представлено административно-хозяйственное управление (АХУ), в подчинении которого находятся административно-хозяйственные отделы (АХО) на местах.

Основные бизнес-процессы, связанные с закупочной деятельностью АХУ, представлены в табл.

Т а б л и ц а

Основные процессы (цепочка ценности) закупочной деятельности АХУ крупной компании (разработано автором)

Формирование системы закупок	Распределение полномочий между уровнями и структурами холдинга	Решение об уровне представленности и роли службы закупок АХУ (административная функция, стратегическая функция)	Разработка регламентов (адаптация существующих к специфике АХУ)	Разработка конкурентных процедур закупок	Разработка (адаптация) соответствующих информационных систем
Формирование базы поставщиков	Исследования рынка закупок	Активный поиск поставщиков	Закупочный маркетинг (реклама, продвижение)	Отбор (квалификация) поставщиков, аудит их продуктов и производств	Предварительные переговоры
Управление базой поставщиков	Управление размером базы поставщиков	Управление закупаемой номенклатурой	Управление знаниями о поставщиках	Переговоры с поставщиками	Другие формы коммуникации (например, поощрения поставщиков)
Планирование закупок	Сбор потребностей в закупках	Оценка соответствия запросов внутренним регламентам	Проведение дополнительных согласований при необходимости	Оценка экономически обоснованного уровня цен	Планирование и бюджетирование закупок; планирование условий закупок
Проведение закупок	Решение юридических вопросов, заключение договоров	Согласование изменений по запросам поставщиков	Размещение заказов, проведение конкурсных процедур	Импорт	Операционное взаимодействие с поставщиками; входной контроль качества
Действия после закупок	Претензионная работа с поставщиками	Получение обратной связи от пользователей закупленных материалов, предметов	Предоставление обратной связи поставщикам по качеству их продукта	Предложения поставщикам по внесению изменений в продукт	Оценка эффективности закупочной деятельности (включая влияние на конкурентоспособность конечного продукта)
Остальные (поддерживающие) процессы	Перевод целей стратегии закупок холдинга в цели АХУ	Формирование стратегии закупок АХУ	Организация управления качеством	Организация управления проектами закупок (применение теории проектного управления)	Управление людскими ресурсами
	Общий менеджмент, бенчмаркинг (исследование практик)	Обеспечение соответствия стандартам безопасности и экологии	Информационное взаимодействие со службой закупок холдинга; предложения по изменению регламентов закупок		

			холдинга		
--	--	--	----------	--	--

Анализ процессов, представленных в таблице, позволяет прийти к выводу о том, что задача децентрализации закупочной деятельности, осуществляемой в функциональном подразделении, должна решаться с учетом трех, а не двух уровней управления:

- 1) стратегический уровень управления закупками;
- 2) стратегический уровень управления соответствующей функциональной деятельностью (в рассматриваемом примере – уровень АХУ);
- 3) операционный уровень.

Так, например, процесс разработки конкурсных процедур следует отнести к стратегическому уровню управления закупками. Процессы, связанные с отбором и аудитом производств поставщиков, с коммуникацией в их адрес, целесообразно отнести в зону ответственности функциональной службы (АХУ) при соответствующем участии (контроле) со стороны службы закупок. Вопросы взаимодействия с поставщиками по поводу рутинных процедур, связанных с размещением заказов, претензионной работой на местах, целесообразно отнести к третьему – операционному – уровню управления закупками.

Таким образом, по итогам сказанного можно сделать вывод, что задача децентрализации управления закупочной деятельностью функционального подразделения в крупной компании затрагивает три уровня управления.

Литература

1. *Король А.Н.* Пути совершенствования управления закупками // Вестник ТОГУ. – 2008. – № 2 (9). – Р. 119–132.
2. *Day M.* Gower handbook of purchasing management. – Gower Publishing, Ltd., 2002.
3. *Li L.* Supply chain management: concepts, techniques and practices enhancing the value through collaboration. – World Scientific, 2007.
4. *Monczka R., Handfield R., Giunipero L.* Purchasing and Supply Chain Management. – Cengage Learning, 2008.

Экономические приоритеты России в области экономической интеграции на постсоветском пространстве

Б.К. Азанов

Наиболее значительное событие прошедшего века – распад СССР, изменивший и систему международных отношений, в том числе и экономических. Один из моментов новизны ситуации, возникшей в связи с этим для экономики России, – образование большого постсоветского пространства, которое, несмотря ни на что, обладает особым статусом в отношениях с Россией, правопреемницей СССР.

Интеграция постсоветского пространства провозглашается одним из приоритетов в политике и экономике уже не один год [1].

Ключевые слова: Российское государство, СССР, СНГ, Евразийский союз, Единое экономическое пространство, Таможенный союз, экономические приоритеты, экономическое сотрудничество, Казахская Республика, Республика Беларусь, евразийское пространство.

Осмысление национальных концепций развития за время, минувшее после распада СССР, со всей определенностью показывает: ни одна из стран СНГ, развиваясь в одиночку, не имеет стратегических перспектив выживания. И если западные страны СНГ – Беларусь, Молдова, Украина (как и страны Прибалтики) – в качестве альтернативы имеют ясную перспективу растворения в «единой» Европе, то перед многими из стран Закавказья и Центральной Азии маячит и вовсе мрачная перспектива превращения в постоянно тлеющие горячие точки вблизи от южных границ России. Если Россия не сможет сementировать вокруг себя своих исторических братьев, друзей и соседей, одним из вероятных вариантов вполне может стать ее распад.

Естественно, ни одна из постсоветских стран не сравнится по влиянию и мощи с Советским Союзом. Даже нынешняя Россия. Следовательно, элита ни одного из нынешних постсоветских государств не может ставить и решать те задачи, которые могла себе позволить решать советская партийная, научная, промышленная элита. Однако эти задачи есть. И без их решения в долгосрочной исторической перспективе не выживет ни одно из государств СНГ.

Воссоздание СССР в прежнем виде нецелесообразно, поскольку централизованной империи в XXI в. будет трудно системно противостоять вызовам нового времени. СССР выполнил свою историческую миссию: в предельно сжатые по историческим меркам сроки сementировал территорию и культурное пространство, осуществил серьезный экономический, образовательный и военно-промышленный скачок, фактически в одиночку выиграл Вторую мировую войну, совершил прорыв в космос и первенствовал в ряде других научных направлений, прямо или косвенно содействовал освобождению от западного колониализма большей части мира.

Сейчас наступает новая эпоха развития евразийского пространства. Элиты постсоветских стран серьезно выросли в организационном, профессиональном и культурном плане. Они самостоятельно могут ставить и решать задачи национального развития без согласования с руководством в Центре. Однако такое усиление «национальных окраин» позволяет и совсем иначе, более технологично подойти к решению как глобальных вопросов развития евразийского пространства, так и современного мира в целом, к участию в глобальной игре на мировой шахматной доске уже сообществом стран, как единая команда.

Оценка общемировых тенденций развития

Последние события на мировой политической карте мира – ликвидация государственности некоторых стран и прямое военное вмешательство Запада в дела суверенных государств, введение односторонних санкций, в том числе против Беларуси – союзника России, побуждают к однозначному выводу: чтобы удержать свои лидирующие позиции в мире как по уровню потребления, так и по концентрации политической и экономической глобальной власти, Запад готов вогнать весь остальной мир в новое средневековье с тотальными цифровыми технологиями манипуляции людьми, народами, странами и целыми континентами.

Ни одна из стран СНГ, включая Россию и Казахстан, в одиночку в нынешнем социально-экономическом положении не в состоянии дать адекватный ответ на новые вызовы глобализации. Следовательно, необходимо объединение усилий наших стран в поисках возможной модели объединения постсоветского пространства. К счастью, такая модель уже существует: это Единое экономическое пространство (ЕЭП) и Таможенный союз (ТС), и строительство на основе этих объединений еще более мощного субъекта мирового хозяйства – Евразийского союза. Только увеличение концентрации человеческого, промышленного, финансового потенциала наших стран позволит увеличить скорость и качество информационного обмена для выработки и принятия правильных и обоснованных решений и их воплощения в реальных действиях.

Экономический эффект и приоритеты

По мере усиления процессов глобализации и регионализации выбор приоритетов во внешнеэкономической политике России становится все более сложным, не подчиняясь узкому набору критериев. Особую актуальность в этом плане приобретает анализ развития интеграционных процессов, так как они непосредственно затрагивают жизненно важные российские интересы. Участие России в ЕЭП и ТС напрямую влияет на степень ее интеграции в глобальную экономику и в конечном счете – на долгосрочные перспективы ее развития. Члены новой международной организации постепенно перешли

к совместному рассмотрению широкого круга проблем безопасности, экономического и культурного сотрудничества. В настоящее время ЕЭП является средством экономического раздела сфер влияния в постсоветском пространстве, а также выполняет важнейшую функцию действенного инструмента региональной экономической кооперации и интеграции.

Единое экономическое пространство является интеграционным объединением нового типа, создано на основе экономического, духовного и национального единства и объективных взаимосвязей бывших республик СССР. Вовлечение в интеграционные процессы Казахской Республики и Республики Беларусь создает предпосылки для более эффективного экономического взаимодействия на постсоветском пространстве.

Для России экономическое сотрудничество со странами, входящими в ЕЭП и ТС, важно для закрепления ее традиционного авторитета на международной арене. Преимущество РФ заключается здесь в том, что она, как и другие страны ЕЭП и ТС, на протяжении длительного периода была частью единой экономической системы, и до сих пор их экономики остаются более взаимодополняемыми, чем экономики государств СНГ. Современный этап развития региональной интеграции (так называемый «новый регионализм» или «глокализация») характеризуется интенсификацией и регионализацией международных экономических отношений и имеет две основные формы проявления: количественную (поток новых региональных соглашений, перезаключение ранее существовавших договоров на новых условиях и т.п.) и качественную (увеличение глубины регионального хозяйственного взаимодействия, использования комплексных, более развитых моделей интеграции и т.д.).

Анализ показывает, что экономическая региональная интеграция тем эффективнее, чем выше и однороднее уровень технико-экономического и социального развития стран-участниц, чем больше сходства в их экономических, геополитических целях и интересах, экономическом и политическом устройстве. В этих условиях интеграционные процессы развиваются динамичнее, быстрее достигается унификация экономических и правовых норм, а также политических условий взаимодействия. Вместе с тем новый регионализм открывает возможность для экономической интеграции стран с большой дифференциацией по уровню развития.

Особенностью данного процесса на постсоветском пространстве является главенствующая роль России и Казахстана как локомотивов интеграции. Евразийский союз, как отмечал Президент РФ В. Путин, – это идея Н. Назарбаева, которую он озвучил еще в 1994 г. Российская Федерация и Казахская Республика сумели сохранить даже после распада СССР единое языковое, экономическое и научное пространство и оформили все эти отношения официально. Русский язык в Казахской Республике имеет статус официального наряду с государственным казахским, что закреплено в конституции республики; он официально употребляется в делопроизводстве, государ-

ственном управлении и т.д. В Казахстане действуют государственные русские школы, финансируемые из бюджета, в отличие от Киргизии, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и Украины, где сразу после распада СССР закрыли все русские школы (что было одной из причин массового оттока проживавших там русских). Разумеется, указанные государства имеют на это полное право (ведь и в РФ не обсуждаются проблемы языков субъектов Федерации). Тем не менее, например, в Туркмении сейчас осталась единственная русская школа (Российско-Туркменистанская школа им. Б.Н. Ельцина), расположенная в Ашхабаде и финансируемая Правительством РФ.

Для большинства постсоветских стран российский рынок является не только привлекательным, но и в значительной степени безальтернативным по торговле энергоносителями, сырьем и материалами. Комплекс интеграционных и дезинтеграционных факторов, действующих на постсоветском пространстве, привел к формированию ряда межгосударственных объединений, придерживающихся различных концепций интеграции и действующих с разной степенью эффективности. Наиболее важные из них – Содружество Независимых Государств, Союзное государство России и Белоруссии, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и Единое экономическое пространство Российской Федерации, Казахской Республики и Республики Беларусь.

Заметим, что еще в сентябре 1993 г. был подписан договор о создании экономического союза. Предполагалось, что страны-участницы последовательно пройдут через этапы создания зоны свободной торговли, таможенного, платежного и валютного союза и сформируют общий рынок товаров, услуг и капиталов. Но в то время центробежные тенденции оказались сильнее. Евразийский союз – это мегапроект, адекватный сложным вызовам настоящего и будущего [4].

При формировании Евразийского экономического сообщества пришлось учитывать и политические аспекты интеграции. В результате такие государства, как Кыргызстан и Таджикистан, не имеющие достаточного экономического потенциала (да и надлежащего уровня экономического развития), также оказались в рамках ЕвразЭС. Но в ТС и ЕЭП они не вошли, получив лишь статус наблюдателя. Формируемый Евразийский экономический союз также пока предполагает участие лишь трех государств (России, Казахстана и Беларуси [6]).

Поскольку российская экономика является достаточно открытой, необходимо рассмотреть внешние факторы воздействия на нее. К угрозам внешней среды, способным ухудшить ее конкурентоспособность, относится вторая волна мирового экономического кризиса. Существенное негативное влияние может оказать также падение мирового спроса на сырьевые товары; этот фактор будет действовать до тех пор, пока экономика России остается сырьевой. Чтобы исключить его из списка внешних угроз, необходимы реальный переход на инновационный путь развития, резкое повышение доли

готовой и наукоемкой продукции в экспорте страны. Пока же достаточно высокие мировые цены на энергоносители поддерживают рост российского ВВП.

Присоединение к ВТО в долгосрочной перспективе, как ожидается, окажет благотворное влияние, в том числе благодаря унификации российских и международных норм в сфере торговли, расширению доступа российских компаний на зарубежные рынки и т.д.

Но самый сильный эффект на международную конкурентоспособность России, по нашему мнению, способна оказать именно региональная экономическая интеграция, наиболее развитым институтом которой в настоящее время являются ТС и ЕЭП. Таможенный союз – это экономический блок, платформа для совместного хозяйствования. Либерализация торговли уже способствовала расширению внутриотраслевых связей и производственно-технологической кооперации, формированию трансграничных инновационных и производственных кластеров, более глубокой специализации отдельных стран.

Региональное объединение призвано содействовать решению следующих перспективных задач:

- обеспечение ведущих позиций стран-участниц на рынке высоких технологий (для чего необходим перевод их экономик на инновационный путь развития);
- повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности и сферы услуг стран-участниц за счет эффективного применения средств таможенно-тарифной политики для защиты их внутренних рынков, включая специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры;
- обеспечение национальных интересов членов союза во внешнеэкономической сфере, включая недискриминационные условия доступа товаров, услуг и капиталовложений на зарубежные рынки;
- диверсификация экспортных маршрутов и выход на новые рынки сбыта энергоносителей (углеводородного топлива) при сохранении суверенного контроля над энергетическими ресурсами;
- интеграция стран-участниц в глобальную транспортную систему;
- создание в ЕЭП международного финансового центра и введение единой наднациональной денежной единицы, с ее превращением в региональную резервную валюту (что будет способствовать притоку иностранных инвестиций и получению дополнительных денежных средств за счет эмиссии ценных бумаг отечественными предприятиями).

Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана начал действовать с 1 июля 2010 г., а Единое экономическое пространство (с атрибутами экономического союза) – с 1 января 2012 г. Совокупный ВВП трех стран составляет почти 2 трлн долл., промышленный потенциал оценивается в 600 млрд долл., объем выпуска продукции сельского хозяйства – порядка 112

млрд долл., а общий потребительский рынок – более 165 млн человек [2, с. 120]. Отменены ограничения на перемещение внутри единой таможенной территории иностранной валюты. От всех таможенных поступлений в общий бюджет союза из третьих стран на долю России приходится 86%.

Плюсы объединения сразу стали очевидны, союз полностью удовлетворил ожидания участников. Только в первом полугодии 2011 г. общий товарооборот трех стран вырос на треть, а по итогам года он превысил 100 млрд долл., что превзошло самые смелые ожидания. Наиболее быстро (более чем на 40% за год) росли объемы приграничной торговли между Россией и Казахстаном.

Таможенный союз расширил до Бреста, Владивостока и Астаны границы рынка сбыта для производителей стран-участниц. Экспорт Казахстана в Россию вырос на 60%, в Беларусь – более чем в 2,3 раза. Российский экспорт в Казахстан увеличился более чем вдвое. Только по данным за август 2011 г., доля российского импорта в общем импорте Казахстана и Белоруссии за год поднялась с 39 до 42,9%. В абсолютном же выражении российский экспорт в Казахстан за первое полугодие составил 7133,4 млн долл., а положительное сальдо торговли с этой страной – 3051,9 млн долл.

В торговле с партнерами по Таможенному союзу в январе 2012 г. у России вновь сложилось привычное плюсовое сальдо. По предварительным статистическим данным, экспорт из России в Белоруссию (по сравнению с тем же месяцем прошлого года) увеличился на 24,1% и составил 988 млн долл. Поставки товаров из России в Казахстан увеличились в годовом выражении на 22,5%, до 951 млн долл. [2, с. 120].

Путь к этим рубежам был непростым и порой извилистым. Он начался 20 лет назад, сразу после крушения СССР и создания СНГ. Постепенно была найдена модель взаимодействия, которая помогла сберечь мириады цивилизационных и духовных нитей, объединяющих наши народы. Сберечь производственные, экономические и другие связи, без которых невозможно представить нашу жизнь [3]. Очень важно, чтобы предприниматели и общественность наших стран воспринимали интеграционный проект не как верхушечные бюрократические игры, а как абсолютно живой организм, хорошую возможность для реализации творческих инициатив и достижения успеха.

Одна из принципиальных особенностей ТС и ЕЭП – наличие надгосударственных структур. К ним также относятся и такие базовые требования, как минимизация бюрократических процедур, нацеленность на реальные интересы граждан. В статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» В.В. Путин отмечал: «Принципиально важно, что ЕЭП будет базироваться на согласованных действиях в ключевых институциональных областях – в макроэкономике, в обеспечении правил конкуренции, в сфере техрегламентов и сельскохозяйственных субсидий, транспорта, тарифов естественных монополий. А затем – и на единой визо-

вой и миграционной политике, что позволит снять пограничный контроль на внутренних границах. То есть творчески применить опыт Шенгенских соглашений, ставших благом не только для самих европейцев, но и для всех, кто приезжает работать, учиться или отдыхать в страны ЕС. Для граждан снятие миграционных, пограничных и прочих барьеров, так называемых “трудоовых квот” будет означать возможность без всяких ограничений выбирать где жить, получать образование, трудиться. Кстати, в СССР – с его институтом прописки – подобной свободы не было» [3].

К сожалению, снять пограничный контроль внутри ЕЭП пока так и не удалось, что является одним из основных барьеров к полноценному функционированию экономического союза. Евразийской экономической комиссии совместно с миграционными службами трех государств необходимо разработать план действий по устранению существующих ограничений; в этой области предстоит еще немало работы. Есть, однако, надежда, что к 1 января 2015 г. эти проблемы будут решены и Евразийский союз сможет заработать на полную мощность.

Успех ЕЭП важен не только для наших экономик. Интеграция – не самоцель, это лишь инструмент, необходимый для достижения главной цели – роста благосостояния и качества жизни людей [5].

Выводы

Развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве имеет стратегическое значение для России в экономической и политической области, поскольку оно увеличивает ее возможности на мировой арене. Вместе с тем для создания кумулятивного и экономического эффекта от расширения Таможенного союза России необходимо соблюдать осторожность в случае присоединения к нему слабых в экономическом отношении Киргизии и Таджикистана.

Рост экономико-политических издержек и рисков повышает актуальность разработки российским руководством долгосрочной комплексной интеграционной стратегии. Такая стратегия позволит сгладить негативные моменты интеграции и лучше использовать позитивные, должным образом учесть как экономические факторы (последствия мирового финансового кризиса, потребности государств региона в доступе к ресурсам и рынкам России и т.д.), так и политические (например, специфические интересы руководства отдельных государств).

Указанные факторы в совокупности создают синергетический эффект, который выводит региональную интеграцию на качественно новый уровень, расширяет окно возможностей. Четкое определение приоритетов интеграции на постсоветском пространстве даст российскому руководству новый эффективный инструмент развития, что пойдет на пользу не только России, но и ее партнерам, как в тактическом, так и в стратегическом форматах.

Зависимость интеграционных процессов от структурно-функциональных изменений в мировой экономике пока не вполне ясна, как и отдельные аспекты экономической базы интеграции. Заметим, что в данном исследовании акценты сделаны на позитивные аспекты объединения, и практически не затрагиваются его негативные тенденции. С момента образования Таможенного союза прошло около трех лет – срок не вполне достаточный, чтобы подводить итоги экономического развития; тем не менее и за этот короткий период его плюсы проявились уже в полной мере.

Литература

1. *Азанов Б.К.* Проблемы развития торгово-экономических отношений Российского государства со странами СНГ // Сборник докладов 65-й Международной научно-практической конференции «Право и экономика в государствах – бывших республиках СССР: история и современность, проблемы и перспективы развития». – Санкт-Петербург, 20–21 декабря 2012 г. (в печати).
2. *Азанов Б.К.* /Экономический эффект для России от вхождения в ТС и ЕЭП // Экономика и управление. – 2012. – № 12 (86).
3. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. – URL: <http://izvestia.ru/news/502761>
4. *Назарбаев Н.А.* Евразийский союз: от идеи к истории будущего. – URL: <http://izvestia.ru/news/502761>
5. *Лукашенко А.Г.* О судьбах нашей интеграции. – URL: <http://izvestia.ru/news/502761>
6. *Марышев А.А.* Основные итоги и уроки интеграционных преобразований постсоветских государств // Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2012. – № 1 (41).

Стратегическая значимость конкурентоспособных преимуществ России на пути инновационного развития

Н.А.Тучина

В статье рассмотрены вопросы развития инновационного потенциала государства. Особое внимание уделено экономическим факторам и мерам государственного регулирования, способствующим созданию, освоению и распространению инноваций в современных условиях развития экономики России для создания конкурентоспособных преимуществ на пути инновационного прогресса, повышению роли малого и среднего бизнеса в инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновации, рынок инновационных технологий, инновационный мультипликатор, инновационный малый и средний бизнес, конкурентоспособные преимущества.

Процветание любой страны в современную эпоху зависит не столько от благоприятного географического положения и наличия природных ресурсов (хотя эти условия представляются крайне важными), сколько от концентрации и степени развития инновационного потенциала государства.

Роль инноваций в современных условиях повысилась настолько, что они стали занимать приоритетное направление в формировании и развитии конкурентных преимуществ многих стран мира.

В современных российских условиях рынок инноваций характеризуется существенной ролью государства. Так, рост федеральных бюджетных расходов на проведение НИОКР за последние семь лет увеличился в 10 раз [3].

В качестве экономических факторов государственного регулирования, способствующих созданию, освоению и распространению инноваций, можно выделить развитие рыночных отношений, проведение налоговой политики и политики ценообразования, способствующих росту инноваций, создание выгодных налоговых условий для ведения инновационной деятельности экономическими субъектами, обеспечение эффективной занятости в инновационной сфере, активизацию предпринимательства и др.

На рынок инновационных технологий существенное влияние оказывают следующие факторы:

- степень государственного участия в управлении инновационными процессами;
- уровень изъятия доходов государством;
- уровень развития рыночной инфраструктуры;
- степень интеграции науки и производства;
- уровень конкурентоспособности на мировых рынках;
- уровень экономического развития страны.

Кроме того, на рынок инноваций в России влияют еще два условия:

- степень зависимости от сырьевой составляющей в торгово-экономических отношениях страны с остальным миром, причем корреляционная зависимость следующая: чем больше обеспеченность страны сырьем, тем меньше склонность предприятий-резидентов к инновационной деятельности;
- существенная зависимость между инновационной составляющей и количественно-качественными характеристиками трудовых ресурсов страны: чем дешевле рабочая сила, тем меньше потребность у работодателя во внедрении инноваций в производство, так как стоимость замещения и обслуживания инновационной технологии зачастую обходится дороже, чем содержание определенного штата сотрудников.

Таким образом, необходимым условием становления инновационного рынка в Российской Федерации является формирование у населения спроса на инновации, который является основой действия инновационного мультипликатора.

Хотелось бы отметить несколько групп мер, направленных на формирование инновационной экономики: экономические меры по настройке товарных рынков, нормативные стратегически-инновационные меры государства, социальные стратегически-инновационные меры государства [2, с. 27–31].

Экономические меры по настройке товарных рынков включают в себя:

- ускорение роста уровня жизни, рост располагаемых доходов населения, так как он повлечет за собой рост емкости внутреннего рынка. Необходимо создать «общество потребления», где на начальном этапе рост заработной платы превышает рост производительности труда, значит, заработная плата выполняет стимулирующую функцию и ее дальнейший рост будет существенно коррелировать с ростом производительности труда;
- меры по ограничению нецелесообразного импорта, т.е. политика импортозамещения. Она должна стимулировать конечный спрос на внутреннем рынке на товары отечественных производителей, т.е. государство должно регулировать меру присутствия импорта. С течением времени с уменьшением зависимости от импорта необходимо переориентировать экономику на преобладание экспорта над импортом;
- уменьшение ставки ЕСН и перераспределение данной части высвободившихся средств на увеличение заработной платы в производственном секторе экономики. Данная мера приведет к уменьшению «серых» заработных плат в экономике страны. По мнению Б.Н. Кузык, «реальный рост заработной платы 10–12% в год может обеспечить рост производительности труда на 7–9%» [1]. Данная мера повысит спрос на внутренних рынках, а также будет способствовать формированию спроса на новый капитал, т.е. приведет к увеличению инвестиционной активности.

Нормативные стратегически-инновационные меры государства:

1) введение монополии государства на производство алкогольной и табачной продукции. Данная мера позволит восполнить недостаток бюджетных средств, образовавшийся из-за снижения ставки налогообложения;

2) уменьшение налогообложения для предприятий, которые:

- занимаются созданием и коммерциализацией инноваций;
- осуществляют коренное переоснащение производственных фондов;

3) эффективное государственное вмешательство на рынок с целью не только элиминирования провалов рынка, но и содействия созданию и внедрению организационно-хозяйственных инноваций, основная задача которых – совершенствование рыночных механизмов инновационного рынка, т.е. собственным спросом, финансовыми вложениями, сдерживанием роста цен стимулировать экономическое развитие;

4) необходимость реализации государством институциональных инноваций, которые будут способствовать расширению платежеспособного спроса, а также возникновению новых рынков. К числу основных институциональных инноваций можно отнести:

- проработку программ ипотечного кредитования жилищного строительства, так как без развитого рынка жилья нет мобильности рабочей силы, а значит, нет адекватного новым инновационным требованиям рынка труда;
- льготное кредитование приоритетных проектов, т.е. создание сети специальных банков, поддерживающих и финансирующих НИОКР на льготных принципах (необходимое условие для формирования спроса на первичном рынке инноваций);

5) необходимость развивать отрасли и сферы экономики внутри страны, удовлетворяющие следующим критериям:

- производимые товары и услуги пользуются спросом на мировом рынке;
- отрасли экономики, где применение высоких технологий находится на низком уровне и, значит, есть тенденции роста;
- отрасли, спрос на продукцию которых существует и будет развиваться, порождая новые рынки;
- отрасли, для первичного предложения которых существуют благоприятные условия в экономике страны.

Перечислим социальные стратегически-инновационные меры государства:

- меры по ориентации современного российского общества на инновационный прорыв – «реклама» национальной инновационной экономической системы;

- осуществление подготовки кадров для инновационного развития, т.е. усиление инновационных аспектов обучения, становление экономики знаний, что, в свою очередь, будет способствовать интеграции науки и образования.

Таким образом, наиболее перспективными отраслями для «запуска» инновационного мультипликатора являются ВПК (продукция данных отраслей конкурентоспособна на мировом рынке) и сельское хозяйство, где применение высоких технологий минимально и, значит, есть перспективы роста. Выбор данного направления в качестве перспективного позволит претворить в жизнь политику импортозамещения.

Другим крайне важным условием развития экономики страны является повышение роли малого и среднего бизнеса в инновационной деятельности. Это объясняется динамизмом рыночной среды, интенсификацией процессов международного разделения труда, переходом к инновационной экономике и к системе «гибкой специализации».

Создание новых компаний да и само предпринимательство уже давно признаны важнейшими двигателями инновационного процесса. Малый бизнес благодаря своей мобильности и высокой восприимчивости к новшествам выступает в роли интегратора мировой экономики, способствуя процессам глобализации. Интернационализация деятельности и инновационная активность перестают быть прерогативами лишь крупных компаний. Напротив, мировой опыт свидетельствует об эффективности объединения усилий крупного бизнеса и малого предпринимательства в области инноваций. Участие малого бизнеса в международных экономических отношениях «облагораживает» структуру и экспортно-импортных операций, увеличивая долю наукоемкой продукции, способствуя развитию инноваций, и это непосредственно отражается на конкурентоспособности стран.

Опыт показывает, что сочетание государственной политики в области инноваций и политики в области предпринимательства повышает эффективность экономики в целом. Поддержка создания и экспансии малого бизнеса способствует инновационной активности государства на мировой арене, тогда как стимулирование инновационного процесса содействует возникновению новых компаний и расширению их присутствия в мировой экономике.

В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) доля малого и среднего предпринимательства составляет до 99% числа всех компаний, малый бизнес, по различным оценкам, создает от 50 до 75% добавочной стоимости. Однако малый и средний бизнес менее вовлечены в инновационную активность, чем крупные компании.

Существующее противоречие между высокой экономической и социальной значимостью малого и среднего предпринимательства и их недостаточным присутствием на рынке инноваций даже развитых стран свидетельствует о необходимости проведения государственной политики в области поддержки инновационного малого бизнеса. Многие из традиционных проблем малого и среднего предпринимательства (недостаток финансирования, управленческих навыков, технологической оснащенности, информации о рынках и продуктах) существенно обостряются в условиях интеграции в ры-

нок инноваций. Обеспечение организационной, юридической, информационной и финансовой основы, способствующей предпринимательской деятельности, созданию и развитию малого и среднего бизнеса, становится одним из важнейших приоритетов государственной политики по поддержке предпринимательства. Зарубежными странами накоплен значительный опыт стимулирования инновационной активности малого бизнеса, что представляется особенно важным для России с учетом диспропорций в структуре экономики.

Таким образом, переход экономики страны на инновационный путь развития невозможен без формирования конкурентоспособной в глобальном масштабе национальной инновационной системы. Для ее создания необходимо повысить спрос на инновации со стороны большей части отраслей экономики, повысить эффективность сектора генерации знаний (фундаментальной и прикладной науки), создать эффективную систему государственной поддержки малого и среднего бизнеса с высоким потенциалом роста, преодолеть фрагментарность созданной инновационной инфраструктуры.

Литература

1. Кузык Б.Н., Ивантер В.В. Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв? – М.: ИНЭС, 2005.
2. Михалева Е.П. К вопросу о формировании рынка инноваций на современном этапе в РФ // Актуальные вопросы экономических наук: материалы международной заочной научной конференции (г. Уфа, октябрь 2011 г.) / Под ред. Г.Д. Ахметовой. – Уфа, 2011. С. 27–31.
3. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70209010/>

Государственная инновационная политика: основные принципы и приоритеты

Н.Е. Бондаренко, И.П. Комарова

В статье рассмотрена роль государства в условиях формирования инновационной экономики, выделены общие принципы формирования и реализации государственной инновационной политики, позволяющие определить наиболее эффективные методы государственного воздействия на современное инновационное развитие экономики России.

Особое внимание уделено системе государственного заказа на инновационную продукцию как одной из перспективных мер государственного стимулирования инновационной деятельности в России; определены преимущества и проблемы данной системы, которые необходимо учитывать при дальнейшем стимулировании инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, инновационная политика, государственный заказ, инновационная продукция, жизненный цикл инновационной продукции.

В современных условиях основой динамичного развития любой экономической системы выступает инновационная деятельность, которая обеспечивает высокий уровень конкурентоспособности страны, формирует условия для устойчивого экономического роста и является необходимым условием полноценного участия страны в мировом разделении труда. Обеспечить решение указанных задач призвана национальная инновационная система, позволяющая повысить интенсивность экономического развития страны за счет использования эффективных механизмов получения, передачи и использования в хозяйственной практике результатов научно-технической и инновационной деятельности.

Большинство развитых стран связывают свой долгосрочный устойчивый экономический рост с переходом на инновационный путь развития, характеризующийся широким использованием в экономике современных достижений науки и техники – информационных, биологических, ресурсо- и природосберегающих технологий. Разработка новейших технологий, выход с ними на мировые рынки и развертывание международной интеграции в научно-производственной сфере в рамках глобальной экономики стали стратегической моделью экономического роста. Интеллектуальные ресурсы вместе с новейшими технологиями не только определяют перспективы хозяйственного роста, но и служат определенным показателем уровня экономической независимости и национального статуса. Их возрастающее значение для экономики и общества требует необходимости регулирования государством инновационных процессов.

В условиях перехода к инновационной модели экономического развития государство должно выработать национальную стратегию, создать основные условия инновационного развития, механизмы саморегулирования

и становления эффективных институтов инновационной среды, выполнить задачу обеспечения восприимчивости экономики к инновациям и различным нововведениям.

Высшей формой регулирующей деятельности государства в этой сфере являются выработка и проведение инновационной политики, управление инновационной деятельностью, организационные, экономические, финансовые, нормативно-правовые формы регулирования. К важнейшим способам регулирования относятся:

- совершенствование информационной инфраструктуры и международных связей;
- развитие предложения инноваций и расширения спроса на них;
- инвестиции;
- охрана прав и интересов субъектов инновационной деятельности.

Государство должно создать условия для вовлечения предпринимательства в инновационную сферу, хотя бы частично компенсируя его расходы, связанные с рисками; привлекать частный и иностранный капитал к созданию наукоемкой продукции; содействовать развитию различных форм кооперации между государственным, научным и предпринимательским секторами. Партнерство государства и частного бизнеса снижает риски неэффективных решений в области инновационной деятельности. Поэтому центр тяжести в решении проблемы соотношения государства и рынка переносится на аспекты их взаимной дополняемости, а не противопоставления. Именно на этой базе и должны формироваться национальные инновационные системы.

Необходимость государственной поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок вызвана, с одной стороны, важной ролью технологического прогресса в обеспечении ускорения экономического роста, а с другой – тем, что частный сектор не всегда готов финансировать необходимые для поддержания конкурентоспособности НИОКР в необходимом масштабе. Последнее обстоятельство можно объяснить, во-первых, существованием большой неопределенности и высокой степенью рисков при осуществлении исследований и разработок, особенно фундаментального и поискового характера. Выгода общества от проведения подобных работ может оказаться более очевидной, чем потенциальная прибыль частной компании, вложившей свои средства в проведение научных исследований и разработок. Во-вторых, частная фирма, финансирующая НИОКР, не получает должное преимущество перед конкурентами, так как результаты выполненных исследований и разработок становятся общим достоянием, вследствие чего первоначальные затраты на их получение не компенсируются.

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство: значительные масштабы и сроки реализации исследовательских проектов выводят их за пределы финансовых возможностей одной компании, даже если она выделяет на проведение НИОКР значительные суммы. Отсутствие сформировавше-

гося рынка или наличие единственного потенциального потребителя (например, государства) также может выступать фактором, сдерживающим интерес бизнеса к достижениям науки и техники.

В большинстве развитых стран для поддержки НИОКР со стороны государства обычно используются универсальные экономические инструменты. Меры прямой государственной финансовой поддержки сегодня, как правило, носят адресный характер. Они в большей степени ориентированы на достижение конкретных целей и приоритетов государства. Но для них характерна более высокая степень сопутствующего риска и большие административные расходы.

Инструменты косвенного стимулирования имеют более широкий диапазон действия, лучше сочетаются с условиями рыночных отношений, чем прямое бюджетное финансирование. Они предоставляют выбор приоритетов инновационной деятельности частному сектору, являются более прозрачными для бизнеса, требуют меньших административных расходов. В последние годы возросло значение мер косвенного стимулирования инноваций в промышленности со стороны государства за счет широкого спектра предоставляемых налоговых льгот, формирования необходимой инновационной инфраструктуры и соответствующих институтов, передачи технологий из государственного сектора в промышленность, целенаправленной поддержки малого и среднего инновационного бизнеса.

Для решения поставленной задачи наряду с привлечением капиталовложений в модернизацию промышленных предприятий потребуется:

- создать инновационную инфраструктуру, состоящую из специализированных научных центров и инновационных фирм;
- развить научные парки, бизнес-инкубаторы и другие элементы инновационной инфраструктуры, не получившие еще достаточного распространения, но хорошо зарекомендовавшие себя в целом ряде индустриально развитых стран;
- сформировать новую законодательную базу, поощряющую инновационное предпринимательство и связанные с ним финансовые риски, гарантирующую защиту прав интеллектуальной собственности.

Среди существующих мер государственной поддержки инновационного развития в России особое место занимают программы государственного заказа на инновационную продукцию (см. рис.).

Как отмечалось В. Путиным на заседании Комиссии по высоким технологиям и инновациям в 2010 г., «потенциальные поставщики должны видеть, что государство намерено покупать современную продукцию и что доступ к бюджетному заказу в первую очередь будет открыт тем, кто занимается инновациями» [5].

Система государственных закупок выступает как механизм прямого бюджетного финансирования инновационных разработок в соответствии

с утвержденными Правительством РФ «Основными направлениями государственной инвестиционной политики в сфере науки и технологий» [3].

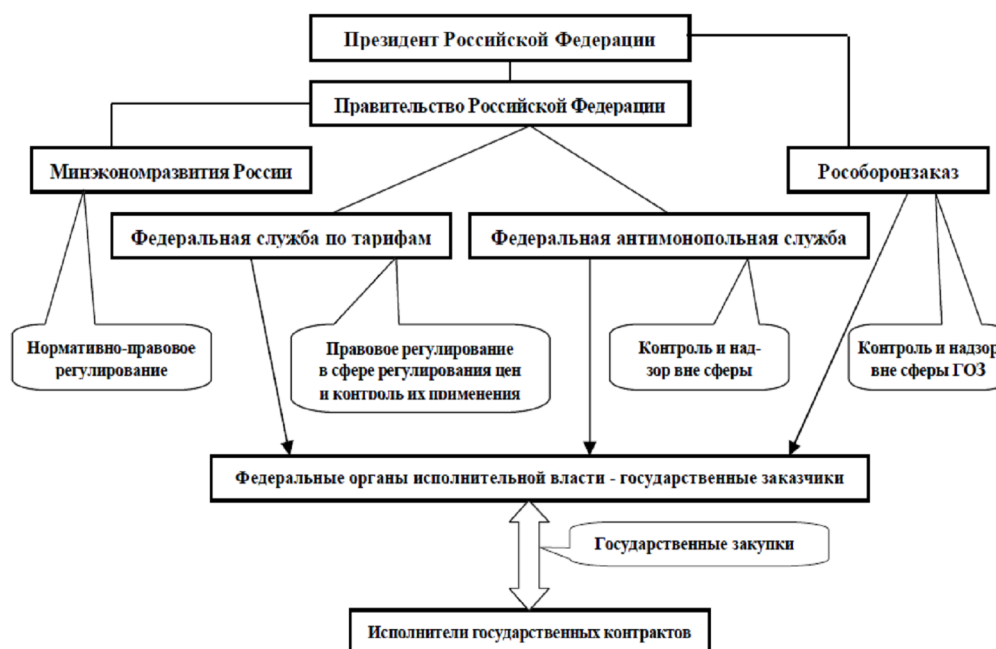

Рисунок. Архитектура управления закупками для государственных нужд [4]

Преимуществами данной системы выступают:

- расширение возможности для участия физических и юридических лиц в размещении заказов и стимулировании такого участия;
- развитие добросовестной конкуренции;
- обеспечение гласности и прозрачности размещения заказов;
- предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере размещения заказов.

Между тем инновационные компании при доступе к системе государственных закупок на федеральном и региональном уровнях сталкиваются с рядом проблем.

1. Техническое задание формулирует заказчик. Согласно требованиям федеральных законов от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг» и от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1, 2], техническое задание должно быть сформировано не под конкретное оборудование или услугу, а под некую группу товаров. Инновационная продукция нередко является уникальной, подобрать ей аналог невозможно. Запрос же на данную уникальную продукцию может вызвать обвинения в коррупции и злоупотреблении в сфере размещения заказов.

2. С учетом вышеназванного требования госзакупки, проводимые в форме аукциона, преимуществами которого выступают оперативность и про-

зрачность, имеют серьезный недостаток: ключевым параметром оценки выступает цена товара, поскольку проверка качества требует определенного времени.

3. В случае проведения конкурса бóльший вес имеет критерий цены, а не критерий качества и квалификации, хотя очевидно, что к инновационной продукции такой подход не может быть применим.

Приоритетными мерами по улучшению ситуации с государственными закупками инновационной продукции выступают введение квот по закупке инновационной продукции и учет «жизненного цикла инновационной продукции». Однако эти меры требуют осмысления:

- установление квот на закупку инновационной продукции должно быть четко регламентировано по кругу заказчиков (например, детские сады могут и не нуждаться в закупке инновационного продукта). При этом должен быть разработан механизм оценки целесообразности закупки такого продукта для конкретного заказчика;

- инновационные товары стоят, как правило, дороже обычной продукции, поэтому их неохотно приобретают в рамках госзакупок. Вместе с тем благодаря эффективности и надежности таких товаров их обслуживание в течение жизненного цикла обходится гораздо дешевле по сравнению с обслуживанием уже существующей продукции. Поэтому понятие жизненного цикла необходимо закрепить на уровне законодательства о госзакупках. По словам главы «Роснано» А. Чубайса, «учет жизненного цикла – принципиальнейшее положение, которое разворачивает все госзакупки в сторону инноваций» [6].

Однако вступивший в силу 1 января 2014 г. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (приходящий на смену Закону № 94-ФЗ) представленным мерам не уделяет пристальное внимание.

Подводя итог, можно сказать, что в разных отраслях экономики могут быть различные причины для вмешательства или невмешательства государства в инновационную деятельность. От них в конечном счете зависят объем государственной помощи, методы и способы ее предоставления.

Литература

1. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г.) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг» // Режим доступа: <http://base.consultant.ru>
2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 2 ноября 2013 г.) «О защите конкуренции» // Режим доступа: <http://base.consultant.ru>
3. Основные направления государственной инвестиционной политики в сфере науки и технологий: утв. Распоряжением Правительства РФ от 11 декабря 2002 г. № 1764-р // Режим доступа: <http://base.consultant.ru>

4. Аналитическая записка Коллегии Счетной палаты РФ «Комплексный анализ эффективности функционирования существующей системы закупок для государственных нужд» // Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru>
5. Российская газета. – 2010. – № 44.
6. <http://ria.ru>

Современные тенденции унификации торговых обычаев во внешнеэкономической деятельности и международных перевозках

Т.Н. Иванова

Автор статьи анализирует актуальные проблемы толкования и применения торговых обычаев в международном коммерческом обороте и торговом мореплавании. В статье прослеживаются основные направления современной унификации и гармонизации торговых обычаев в праве международных перевозок и торговле, деятельности международных межправительственных организаций и практике международных арбитражных судов. Особое внимание уделено базисным условиям поставок в соответствии с новой редакцией Инкотермс 2010 г. Статья представляет интерес для всех участников внешнеэкономической деятельности, а также может быть полезна преподавателям, аспирантам и студентам экономических и юридических специальностей для более глубокого изучения проблем современных международных экономических отношений.

Ключевые слова: торговый обычай, торговое мореплавание, внешнеэкономическая деятельность, унификация, гармонизация, Инкотермс, базисные условия поставок, международные перевозки, международные организации, международный арбитраж.

Международные торговые обычаи складываются во внешнеэкономической деятельности в течение длительного периода времени и имеют большое значение в практике заключения международных коммерческих контрактов. Именно торговые обычаи в практике международных контрактов и перевозок приобретают особую актуальность в последнее время. Это объясняется тем, что наличие разнообразных правовых систем позволяет считать обычай правовым как в силу прямой санкции государства, так и вследствие признания его через определенные общности, религиозные общины. С этой стороны подтверждается особо значимая роль государства в наделении правового обычая статусом источника права. Также повышенная заинтересованность к торговым обычаям или обыкновениям проявляется и на государственном уровне.

О признании государством международного торгового обычая свидетельствует и практика судебных органов данного государства. Практически ни одно решение, вынесенное Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ), не обходится без формулировки о том, что при разрешении спора применяются обычаи в сфере международной торговли.

Применение обыкновений находит свое подтверждение в российском законодательстве. Так, п. 3 ст. 28 Федерального закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» 1993 г. предусматривает, что третейский суд принимает решение на основе торговых обычаев [1]. Несмотря на это, в настоящий момент существует неоднозначность в понимании торгового обычая и его значения во внешнеторговой деятельности, как в научной литературе, так и в правоприменительной практике.

При формировании торговых обычаев первичными являются поведение самих участников внешнеэкономической деятельности, их намерение и воля следовать рождаемым деловой жизнью неписаным правилам. Активную роль в становлении обычных норм играет практика международных арбитражных судов, признаваемая и санкционируемая государствами.

При разрешении споров, возникающих из внешнеэкономической деятельности, международные арбитражи применяют различные инструменты правового регулирования данных отношений – международные соглашения, национальное право, торговые обычаи. Несмотря на значительные результаты унификации, предоставляющие субъектам международной коммерческой деятельности большой выбор в регулировании их правоотношений, международные арбитражи очень часто используют при разрешении споров именно торговые обычаи.

В отношении Российской Федерации практически с начала создания в 1932 г. отечественного международного коммерческого арбитража торговые обычаи применялись при разрешении споров из договоров международной купли-продажи товаров. Традиционным для МКАС при ТПП РФ является ознакомление деловых кругов и научной общественности с практикой разрешения споров, включая применение унифицированных правил международных организаций в области международного коммерческого оборота. Практика российского международного арбитража находит свое отражение в постоянно издаваемых сборниках, где анализируются актуальные вопросы практики международной торговли. Все это обеспечивает ознакомление практических работников и научной общественности с особенностями применения и толкования торговых обычаев в области международной торговли и мореплавания.

Нельзя не отметить деятельность международных неправительственных организаций по неофициальной кодификации торговых обычаев внешнеэкономической деятельности и международных перевозках.

В международной торговле проводится большая работа по унификации правил и условий международного торгового оборота. Благодаря международной унификации обычаев внешнеэкономической деятельности и торгового мореплавания стираются различия в регулировании отношений по данным вопросам в национальных системах государств, в результате чего и создается единообразное право в международной области. Наиболее значимым для международной торговли является процесс унификации правил и условий в области международной купли-продажи товаров, и наиболее весомый вклад в этот процесс в настоящее время вносит Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Другой международной организацией, занимающейся гармонизацией обычаев международного торгового мореплавания, расчетов и торговли, является Международная торговая палата (МТП). Нельзя забывать о том, что все подготавливаемые международными организациями унифицированные правила, будучи факультативными, при-

меняются во внешнеэкономической деятельности при наличии ссылки на них в контракте.

К числу наиболее авторитетных унификаций международных обычаев в праве международной торговле и перевозках принадлежат Международные правила толкования торговых терминов ИНКОТЕРМС (от англ. *Incoterms – International Commercial Terms*). Инкотермс представляет собой сборник «Международных правил толкования торговых терминов», издаваемый Международной торговой палатой (МТП), последняя редакция которого вступила в силу 1 января 2011 г. [2] Целью унификации обычаев в Инкотермс является составление международных правил для разъяснения наиболее часто используемых условий во внешнеторговой деятельности и мореплавании. Все это позволяет свести до минимума или устранить различия в интерпретации этих терминов в различных странах. При этом участники внешнеторговых сделок не знакомы с различиями, существующими в торговой практике своих партнеров, что может послужить причиной возникновения недопониманий, споров и судебных разбирательств, а также неодинакового понимания отдельных терминов в праве различных стран.

В числе публикаций других международных организаций по унификации торговых отношений и мореплавания можно, в частности, назвать Оговорки для морского страхового полиса Института лондонских страховщиков 1982 г. [3] или Варшавско-Оксфордские правила по сделкам СИФ 1932 г. [4], а также Йорк-Антверпенские правила об общей аварии в редакции 1994 г. [5], подготовленные Международным морским комитетом. В этом перечне необходимо также упомянуть многочисленные типовые (стандартные) проформы договоров, применяемые к отдельным видам международных сделок. В большинстве своем они разрабатываются Европейской экономической комиссией ООН и различными торговыми ассоциациями экспортеров и импортеров.

Представляется важным в данной статье отразить квинтэссенцию новой редакции Инкотермс, которая имеет большое значение для гармонизации трансграничных коммерческих отношений и торгового мореплавания.

В новой редакции Инкотермс содержится толкование 11 базисных условий поставки, расположенных последовательно друг за другом по принципу возрастания расходов и ответственности продавца по доставке товара, то есть от его наименьших расходов и обязанностей (условие поставки «*Ex Works*» – «с завода») до расходов и обязанностей наибольших, максимальных (условие «*DDP*» – «поставка с оплатой пошлины», то есть "поставка полностью оплачена"). Таким образом, имея в виду ценовую функцию базиса, цена «*Ex Works*» является минимальной, а цена «*DDP*» – максимальной, или, как ее еще называют, ценой поставки «от двери до двери», когда продавец за свой счет не только доставляет товар до места назначения, но и несет все риски до момента сдачи товара на склад получателя.

Важным для гармонизации торговых отношений и мореплавания в сфере европейского права представляется положения Инкотермс о том, что он может быть использован как в случаях международной, так и в случаях внутренней торговли. На титульной странице официального издания Инкотермс 2010 указывается, что торговые термины могут использоваться как в договорах международной купли-продажи товаров, так и во внутринациональных договорах купли-продажи. Для торговых организаций и блоков (к примеру, ЕС), где границы формально отсутствуют, новые правила и условия стали проще для использования.

Таким образом, Инкотермс 2010 стали первой наиболее действенной попыткой внести юридическую определенность в торговые сделки, упрощая процесс составления международных контрактов. Во-первых, значимость этого документа заключается в том, что с 1 января 2011 г. его действие распространяется не только на международную, но и на внутреннюю торговлю. Во-вторых, общее количество терминов сокращено с 13 до 11. Были исключены наименее часто используемые термины группы D, известные Инкотермс 2000. А небольшое руководство, предусмотрительно приведенное к каждому термину, позволит пользователям Правил Инкотермс 2010 легко сориентироваться в документе и выбрать нужный термин.

В соответствии с вышеизложенным, унификация торговых обычаев, в том числе Инкотермс 2010 г., нацелены на то, чтобы облегчить контрагентам из различных государств процесс заключения и исполнения сделок международной купли-продажи посредством четкого формулирования и письменного закрепления стандартных условий договоров.

Однако будет большой ошибкой отождествлять унифицированные правила, разрабатываемые международными организациями, и обычаи международной торговли. Во-первых, зачастую международные правила или договоры Международных межправительственных организаций содержат ссылки на торговые обычаи. Например, в соответствии с термином «FAS» по Инкотермс 2010 г., продавец обязан поставить товар вдоль борта указанного судна в названном покупателем порту отгрузки и в соответствии с обычаями порта в установленную дату или оговоренный срок. Также, согласно введению к этим же унифицированным правилам международной торговли, причина отсылок к торговым обычаям объясняется различиями, существующими между морскими портами, касающиеся способов доставки товара для перевозки согласно одноименным терминам.

Во-вторых, все унифицированные правила международных организаций оказывают влияние на развитие торговой практики и в этом смысле даже опережают формирование торговых обычаев, то есть приобретают относительно самостоятельный статус по отношению к ним. Так, Международная торговая палата, закрепляя в очередной редакции Инкотермс какое-либо новое правило, исходит из целесообразности его применения участниками международной торговли и мореплавания. Совсем не обязательно, что пра-

вило, которое стало предметом толкования международными организациями в сфере унификации международной торговли и перевозок, уже является торговым обычаем или получило большое распространение на практике. Поэтому деятельность данных международных организаций, скорее, напоминает работу национального законодателя, который путем издания нормативных актов, регулирующих экономические отношения, получает возможность контролировать и направлять их развитие в нужное ему русло.

Таким образом, возникает ситуация, когда соответствующая торговая практика появляется на основании рекомендаций или торговых правил международных организаций, а не наоборот. Данный процесс можно обозначить как «сознательное» формирование торговых обычаев в области международной торговли и мореплавания.

В настоящее время можно констатировать, что международные организации, разрабатывающие единые правила в области внешнеэкономической деятельности, не просто следуют сложившейся в международной торговле и мореплавании практике, сколько сами влияют на эту практику с целью ее последующего развития и совершенствования.

Современная унификация международной торговли и мореплавания является необходимым условием для успешного создания единого экономического пространства, необходимого для реализации внешнеэкономической деятельности предпринимательства различных государств. Формулируемые нормы международных правил, рекомендаций и договоров отражают постоянство в унификации сложившихся в международном коммерческом обороте торговых обычаев и практике их применения. Можно утверждать, что именно соответствие торговым обычаям определяет устойчивость одних единообразных и гармонизированных норм права в области международной торговли и мореплавания и отсутствие таких свойств у других.

Литература

1. О международном коммерческом арбитраже: Федеральный закон от 7 июля 1993 г. № 5338-1 (в ред. от 3 декабря 2008 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240.
2. Инкотермс 2010. Правила ICC по использованию национальных и международных торговых терминов / Incoterms 2010: ICC Rules for the Use of Domestic and International Trade Terms. – М.: Инфотропик-Медия, 2010.
3. Оговорки ИЛС, или Institute Cargo Clauses, в практике страхования международных грузоперевозок применяются в качестве основных условий договора морского страхования. При составлении договора купли-продажи или экспортного аккредитива стороны прописывают набор оговорок, которые должны будут применяться в страховом договоре в случае, если на одну из сторон будет возложена обязанность по организации страхования груза. Основные оговорки по страхованию грузов издавались в редакциях 1982 г. (в литературе обозначаются как оговорки 1/1/82) и 2009 г.

(оговорки 1/1/09). Полный перечень актуальных оговорок доступен на сайте института Лондонских страховщиков.

4. Такие правила, разработанные международной Ассоциацией международного права, первоначально были приняты на конференции в Варшаве в 1928 г., а затем в 1932 г. в Оксфорде (Великобритания) они были переработаны и окончательная редакция получила наименование Варшавско-Оксфордских правил. Правила обязательной силы не имели и применялись лишь тогда, когда это согласовывалось между продавцом и покупателем при заключении торговой сделки. Эти правила превратили условие СИФ в обычай международной торговли, имеющий и специфические национальные особенности, и общие для всех государств черты.
5. Йорк-Антверпенские правила представляют собой подробный свод постановлений относительно того, какие убытки могут считаться общей аварией и как должен определяться их размер. Своеобразие Йорк-Антверпенских правил состоит в том, что они являются не законом и не международным договором, а лишь кодифицированными единообразными обычаями международного мореплавания. Йорк-Антверпенские правила, сами по себе не имеют никакой обязательной силы. Их применение зависит в каждом конкретном случае от включения условий об этом в коносамент, чартер или аварийную подписку. На практике почти все проформы коносаментов и чартеров, употребляемые в международном торговом мореплавании, такое условие содержат. В некоторых случаях необходимость применения Йорк-Антверпенских правил вытекает из национального законодательства.

Оценка эффективности системы управления региональным развитием

А.В. Копеин, В.В. Копеин

Рассмотрены проблемы разработки оптимальной методики комплексной оценки качества жизни населения региона с учетом специфики его социально-экономического развития. Актуальность рассматриваемой темы связана с оценкой эффективности деятельности органов исполнительной власти Кемеровской области, где динамика качества жизни населения региона и качество управления им является неидеологизированным интегральным социально-экономическим критерием эффективности и результативности деятельности органов региональной власти.

Ключевые слова: государственное регулирование качества жизни, качество жизни, Кемеровская область, оценка эффективности управления, региональное развитие, социально-экономическое развитие, управление социальным развитием, эффективность системы управления региональным развитием, эффективность деятельности органов исполнительной власти.

В настоящее время повышение качества жизни должно рассматриваться как важнейший приоритет всех уровней власти. Необходимы целенаправленные действия со стороны региональных государственных органов власти по повышению уровня благосостояния населения, поддержке семьи, материнства и детства, укреплению здоровья населения, его уровня образованности. Единым интегральным показателем, определяющим социальное развитие региона и влияющим на оценку эффективности системы управления региональным развитием, является качество жизни населения.

При подробном рассмотрении структуры различных определений качества жизни можно выделить содержательную (в которой раскрывается сам смысл понятия) и операциональную (в которой конкретизируется способ количественного измерения уровня качества жизни) части. В содержательной части говорится о степени удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека. Но для того, чтобы можно было предметно говорить о степени удовлетворения каких-либо потребностей, необходимо само существование этих потребностей; должен быть определен некий базовый уровень удовлетворения потребностей; должна существовать процедура, позволяющая сравнить фактический уровень удовлетворения потребностей с базовым и выразить результаты этого сравнения в некоторых единицах измерения. В операциональной части и конкретизируется процедура сравнения фактического уровня удовлетворения потребностей с базовым. Эту процедуру можно разделить на две группы, основанные на субъективной самооценке и внешней объективной оценке.

Современные подходы к измерению фактического уровня качества жизни должны основываться на комплексном подходе, предусматривающем

совокупность различных средств и методов для количественного измерения качества жизни, чем и обеспечивается возможность сопоставления оценок, субъективных самооценок, получения существенной информации для всестороннего анализа.

В специальной литературе приводится ряд определений, одним из наиболее известных является описание понятия «качество жизни», данное Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): качество жизни определяется как восприятие людьми своего положения в жизни в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами. Это определение основано на субъективной самооценке – на уровне удовлетворенности своей жизнью, который во многом определяется ожиданиями каждого конкретного человека и стандартами, принятыми в социальной микросреде, с которой он себя ассоциирует. Таким образом, с этой точки зрения качество жизни – это уровень удовлетворенности человека своей жизнью по его собственной субъективной самооценке.

Существует более «объективный» подход к определению качества жизни, при котором качество жизни оценивается не по субъективной удовлетворенности самим человеком, а по ряду объективных показателей другими людьми, имеющими для этого полную и достоверную информацию и необходимую квалификацию, – коллективом экспертов. В этом случае качество жизни – понятие, отражающее степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека, измеряемое компетентными и информированными специалистами по набору объективных показателей.

Сейчас наиболее распространенным является такое комплексное определение качества жизни, которое включает содержательную и операциональную части, где в последней преобладают субъективные самооценки результатов социологических исследований и внешние объективные оценки по данным, предоставляемым региональными органами статистики. Но проведение на практике даже единичных (не говоря уже о регулярном мониторинге) социологических исследований в масштабах региона достаточно проблематично и связано в первую очередь со значительными финансовыми затратами.

В настоящих условиях наиболее оптимальным является определение качества жизни как комплексного понятия, в сопоставимой в пространстве и времени форме отражающего степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека, оцениваемую как по уровню удовлетворенности человеком своей жизнью по его собственной субъективной самооценке, измеряемому компетентными и информированными специалистами–экспертами по набору объективных показателей, так и на основе расчета отдельных статистических показателей (объективные оценки по данным органов государственной статистики) и, в целом, некоторого обобщенного показателя (например, индекса развития человеческого потенциала) по методике, адаптированной к региональной специфике.

Итак, для количественной сопоставимой оценки качества жизни необходимы методики и измерительные инструменты, позволяющие оценивать как уровень субъективной удовлетворенности, так и объективную картину по ряду показателей. Сопоставимость в пространстве необходима, чтобы можно было корректно сравнивать оценки, проведенные по данной методике в различных регионах РФ, а сопоставимость во времени – для изучения динамики качества жизни в целом, как по региону, так и по отдельным регионам РФ.

Но поскольку не существует даже общепринятого теоретического определения понятия качества жизни, то тем более не существует и общепринятой методики и инструментария, которые были бы стандартизированы на уровне Правительства РФ или признаны большинством специалистов и использовались бы ими для рутинной оценки качества жизни. Поэтому исследования качества жизни, проводимые различными авторами по своим методикам, не обладают совершенно обязательным для подобных методик качеством: сопоставимостью в пространстве и во времени. Для этого подобная методика должна удовлетворять следующим основным требованиям и иметь: хорошее научное теоретическое обоснование; необходимый юридический статус; реализующий методику программный инструментарий, доступный практическим исследователям; развитое финансовое, организационное, информационное, технологическое и техническое обеспечение; поддержку со стороны первых лиц региональной администрации и самих разработчиков. Удовлетворение всех этих условий немыслимо без поддержки как на региональном, так и на самом высоком государственном уровне, создания соответствующих целевых комплексных программ.

Проведенный анализ результатов многочисленных исследований, посвященных вопросам построения системы частных критериев и подходам к поиску вида функции для интегрального критерия, характеризующего качество жизни, показал, что достаточно полный набор частных критериев, объединяющий различные методики измерения качества жизни, опубликован в работах С.А. Айвазяна, Н.В. Зубаревич, Института системного анализа РАН, Государственного университета управления, кафедр экономической и социальной географии России Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, общей и региональной экономики, экономической теории Кемеровского государственного университета, Томского государственного университета, кафедры экономической географии и регионального анализа Казанского государственного университета, приведен в методиках оценки качества жизни населения территории Красноярск и Иркутск.

В задаче управления качеством жизни динамика качества жизни населения региона является неидеологизированным интегральным социально-экономическим критерием эффективности и результативности деятельности органов региональной власти. Для решения этой задачи предполагается провести специальное исследование с целью выявить влияние на уровень жизни населения различных групп факторов. В настоящее время областная админи-

страция руководит социально-экономической ситуацией в регионе не путем директивных указаний, а с использованием экономических рычагов. В соответствии с этим можно рассматривать влияние на качество жизни населения следующих факторов:

- состояние различных сегментов рынка;
- производственные результаты в ценовом, натуральном и относительном выражении по срокам, объемам в разрезе по отраслям, включая динамику структуры себестоимости продукции;
- налоговые поступления по срокам и объемам в разрезе по отраслям;
- инвестиционная активность по срокам и объемам в разрезе по отраслям.

В этой связи необходимо отметить существующее на настоящий момент Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти Кемеровской области» (от 28 декабря 2012 г. № 1173-р), обеспечивающее и регламентирующее проведение оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти Кемеровской области и эффективности социально-экономического развития муниципальных образований Кузбасса. В нем приведен список показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти Кемеровской области и установленных индивидуальных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Государственное регулирование качества жизни – это целенаправленное воздействие на политические, экономические, хозяйственные и социальные и культурные процессы, определяющие качество жизни граждан.

Для создания условий для планомерного устойчивого повышения качества жизни необходимы механизм социального, делового и политического партнерства, наличие соответствующей полной, достоверной и объективной информации о динамике этого процесса, а также создание в аппарате управления региональной администрации специальной структуры, занимающейся анализом этой информации и выработкой научно обоснованных рекомендаций, направленных на повышение качества жизни.

Из определенных выше групп факторов некоторые также могут рассматриваться как влияющие на другие. В руках региональной администрации сегодня находятся в основном экономические и налоговые рычаги воздействия на социум региона. Среди этих факторов прежде всего необходимо отметить структуру и объем инвестиций (динамику инвестиций по объемам в разрезе по отраслям производства). Этот фактор выступает как экономический регулятор, позволяющий управлять развитием производственной сферы и через нее налоговыми поступлениями и качеством жизни населения на уровне региона. Налоговая система, с одной стороны, дает средства на социальные программы и бюджетную сферу, а с другой – оказывает тормозящее

влияние на производство, которое дает населению рабочие места и заработную плату, а предпринимателям – прибыль. Поэтому влияние налоговой ситуации на качество жизни неоднозначно, должна быть определена функция этого влияния, с тем чтобы определить оптимум и выработать механизм его отслеживания и балансирования около него. Инвестиции и дотации могут в какой-то степени компенсировать отрицательное действие налоговой системы и эквивалентно местному смягчению налогового бремени. Рост производства обуславливает соответствующие изменения в различных сегментах рынка и, в свою очередь, изменяет налоговые поступления и влияет на качество жизни.

Таким образом, инвестиционная и налоговая политика является системообразующим фактором, создающим среду для развития производства и рынка, которые непосредственно и через налоговые поступления оказывают влияние на качество жизни. Эта схема может быть отражена в построении принципиальной когнитивной модели влияния инвестиционной и налоговой политики на качество жизни населения территории, которая является основной для использования системно-когнитивного анализа с целью построения формальной семантической информационной модели, отражающей систему детерминации качества жизни на уровне региона и в соответствии с которой возникают задачи изучения влияния: инвестиционной политики на качество жизни; инвестиционной политики на развитие производственной сферы; инвестиционной политики на налоговые поступления; инвестиционной политики на развитие различных сегментов рынка; развития производственной сферы на качество жизни; объемов налоговых поступлений на качество жизни; развития различных сегментов рынка на качество жизни; налоговой политики на качество жизни и развитие производственной сферы, объемы налоговых поступлений, развитие различных сегментов рынка [1].

Понятие «качество жизни» рассматривается как комплекс ценностных характеристик жизнедеятельности людей (групп, общества в целом), а также условий и процессов ее осуществления. Оно связано не только с удовлетворением базовых потребностей человека в питании, безопасности, продолжении рода и тому подобному, но и с возможностями реализовать себя в труде, духовной жизни и других свойственных человеку видах жизнедеятельности. В то же время качество жизни характеризуется свободой развития отдельного человека и общества, удовлетворенностью людей жизнью, социальными отношениями и окружающей средой. В этом смысле понятие «качество жизни» неотделимо от имиджа и инвестиционной привлекательности региона, от концепции маркетинга территории, разработка которой особенно актуальна в условиях жесткой конкуренции среди регионов за приток инвестиций, квалифицированной рабочей силы и пр.

Исследование проблем качества жизни населения региона является приоритетной задачей при решении социально-экономических проблем. Анализ научных исследований в области качества жизни населения позволил ус-

тановить, что необходимо разграничивать понятия «качество жизни», «уровень жизни», «человеческий потенциал». «Качество жизни» населения региона выступает интегральным понятием, характеризующим жизнедеятельность человека и общества. Повышение качества жизни населения является главной задачей и критерием деятельности региональных органов власти. Особенно важным это положение является для ряда проблемных регионов Сибирского федерального округа, иных территорий Российской Федерации, относящихся к регионам ресурсного типа.

Понятие «качество жизни» населения – это интегральный показатель, всесторонне характеризующий экономическое развитие общества, уровень материального благосостояния, медико-экологического и духовного благосостояния человека. При исследовании качества жизни населения региона необходимо учитывать сложную совокупность многочисленных экономических, социальных, территориальных, медицинских, демографических и политических факторов, при этом ни с одним из них не существует прямолинейной связи.

Методический подход к анализу и оценке качества жизни населения региона необходим при разработке стратегических планов развития региона и формировании целевых комплексных программ. Эти методы позволяют региональным органам власти научно обосновать политику повышения качества жизни населения. В качестве механизма повышения качества жизни населения на региональном уровне возможно использование целевых комплексных программ, которые в соответствии с существующим законодательством призваны обеспечить экономический рост, конкурентоспособность продукции, новые рабочие места, решение социальных проблем.

Во многих регионах Российской Федерации существует такая проблема, как дефицит бюджета и, как следствие этого, недостаточное финансирование социальных программ. Главной задачей административных органов власти в регионе является эффективное использование выделенных на социальные нужды денежных ресурсов, а также точное и правильное их распределение между сферами жизни населения.

Предлагаемая методика призвана сделать эффективным использование бюджетных денег за счет комплексного рассмотрения существующих проблем и выявления приоритетных (не только с точки зрения региональной власти, но и населения) направлений регионального развития. В настоящее время разработчики социальных программ часто руководствуются статистической информацией о состоянии той или иной сферы жизни населения территории, при этом степень восприятия и удовлетворенности качеством жизни самого населения данного региона принимается во внимание в недостаточной степени. Такая практика в итоге приводит к неверной «адресации» и неэффективному использованию средств, усугублению ситуации роста социальной напряженности, недовольству, недоверию и недопониманию у населения региона.

В настоящее время существует несколько трактовок понятия качества жизни и ряд подходов к его оценке. Но каждый из этих подходов в отдельности не позволяет сформулировать необходимые и достаточные условия для создания понятного, хорошо организованного и четко управляемого механизма, ориентированного на обеспечение систематического повышения качества жизни всех слоев населения.

Изучив существующие методы оценки качества жизни, следует отметить, что каждый из них базируется на одном из следующих подходов:

- 1) на основе расчета отдельных статистических показателей (объективные оценки) и, в целом, некоторого обобщенного показателя (например, индекса развития человеческого потенциала);
- 2) на основе социологических исследований (субъективные оценки);
- 3) на основе статистических показателей с использованием данных социологических исследований.

Но проведение на практике даже единичных (не говоря уже о регулярном мониторинге) социологических исследований в масштабах региона достаточно проблематично и связано в первую очередь со значительными финансовыми затратами. Во вторую очередь здесь встают проблемы надежности полученных оценок, связанных с неоднородностью состава социальных групп населения, иными факторами, накладывающими свой отпечаток как на специфику проведения социологических исследований, так и на качество их результатов.

В основу предлагаемой методики, которая в большей степени оптимизирует оценку уровня и качества жизни населения региона, используя в равной степени как объективные, так и субъективные, но не социологические оценки, положены:

- 1) ряд «объективных» показателей качества жизни, по которым существуют объективные статистические данные;
- 2) использование данных (в некоторой степени «субъективной» природы, в данном случае зависящих от человека-эксперта в некоторой предметной области), полученных методами экспертных оценок теории принятия решений и отражающих восприятие качества жизни населения по обозначенным критериям жизни.

В основе данного метода лежит сопоставление «объективных» и «субъективных» оценок по отдельным критериям качества жизни. Это позволяет выявить, насколько мнение региональной власти (администрации) расходится с мнением экспертов (по своей сути отражающим интересы, точки зрения, представления жителей данной территории об уровне и качестве жизни) по поводу адресации средств на социальные программы и выделение приоритетных направлений социального развития.

Оценки качества жизни состоит из нескольких этапов:

- 1) расчет необходимых статистических «объективных» показателей и результирующего комплексного показателя качества жизни (на основе доступных статистических сведений) [3, с. 53];

2) проведение экспертного опроса и определение результирующих экспертных оценок удовлетворенности населения качеством жизни;

3) проведение сравнительного анализа результатов «объективного» и «субъективного» подходов с целью минимизации расхождений в полученных оценках и определения целевых направлений программы социально-экономического развития региона.

Результирующий комплексный показатель качества жизни определяется на основе рассчитанных частных показателей качества жизни с учетом коэффициентов весомости каждого показателя. Весовой коэффициент показывает относительную важность экономического или социального показателя в общей совокупности показателей качества жизни. Значения коэффициентов весомости показателей определяются экспертными методами по результатам обработки данных, полученных в ходе многокритериальной экспертной оценки.

«Субъективная» оценка качества жизни населения на основе индекса удовлетворенности условиями жизни основывается на результатах многокритериальной экспертной оценки по каждому из частных показателей качества жизни, определяющих удовлетворенность населения условиями жизни. Для проведения процедуры экспертной оценки формируется экспертная группа, которая в результате итерационной процедуры многокритериальной экспертной оценки определяет обобщенный линейный критерий по каждому из частных показателей качества жизни. В роли экспертов могут выступать ученые и специалисты, являющиеся экспертами по проблемам качества жизни населения и социально-экономического развития конкретного региона. При отборе экспертов выдвигаются следующие основные требования: компетентность – высокий уровень квалификации в области региональной экономики и управления, креативность – умение решать творческие, нестандартные задачи, эрудированность – информированность о ситуации в смежных областях и отраслях экономики и социальной практики в регионе. В основе процедуры проведения многокритериальных экспертных оценок лежит информационная концепция, когда экспертная оценка по каждому из частных критериев, «стягивание» мнений экспертов в ходе ее проведения происходит опосредованно с использованием технологий, средств, методов информационного обмена данными.

Сопоставление результатов «объективной» оценки качества жизни и «субъективной» позволяет выявить приоритетные с точки зрения жителей и администрации региона направления для программ социально-экономического развития территорий, осуществить сценарное прогнозирование регионального развития на краткосрочную и среднесрочную перспективу, одновременно позволив избежать следующих проблем:

- неэффективного использования бюджетных средств;
- неправильной расстановки приоритетов при разработке социальных программ;

- планирования экономических и социальных мероприятий на основе неполных и устаревших данных о качестве жизни населения региона.

В настоящее время разработка оптимальной методики комплексной оценки качества жизни населения отдельной территории с учетом специфики социально-экономического развития проблемных регионов (регионов ресурсного типа) является актуальной научной задачей. Для достижения намеченной цели исследований необходимо:

1) сформировать оптимальную номенклатуру показателей для оценки качества жизни населения проблемного региона (максимально характеризующих различные аспекты качества жизни населения региона и в достаточной степени приближенных к методикам расчета модифицированного индекса развития человеческого потенциала и многовариантных оценок);

2) провести сравнительный анализ подходов и методик оценки качества жизни и разработать оптимальную, с точки зрения ее эффективности, методику комплексной оценки качества жизни, основанную на сопоставлении «объективных» и «субъективных» экспертных оценок;

3) провести оценку качества жизни населения Кемеровской области на основе разработанной методики и осуществить сценарное прогнозирование регионального развития на краткосрочную перспективу;

4) на основе сопоставления «объективных» и экспертных оценок определить местонахождение каждого частного показателя, характеризующего качество жизни, в зависимости от которого корректируются социальная программа и направления бюджетно-инвестиционной политики в регионе [4].

Литература

1. *Копеин А.В.* Качество жизни населения как интегральный критерий оценки эффективности системы управления региональным развитием // Сборник научных трудов Всероссийской заочной научно-практической конференции «Институциональные изменения в экономике, праве и образовании современного российского общества». Т. 1. – Новокузнецк: ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат», 2009. – С. 27–30.
2. *Копеин В.В.* Новая региональная политика: содержание и принципы реализации // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2006. – № 2. – С. 118–122.
3. *Копеин А.В., Красильникова С.Н.* Совершенствование управления социально-экономическим развитием региона (на примере Кемеровской области) // Вестник Международного института экономики и права. – 2012. – № 1(6). – С. 48–58.
4. *Копеин А.В.* Методика комплексной оценки качества жизни населения региона // Сборник научных трудов Всероссийской заочной научно-практической конференции «Институциональные изменения в экономике, праве и образовании современного российского общества». Т. 1. – Новокузнецк: ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат», 2009. – С. 31–34.

Инвестиционная привлекательность регионов России: оценки и тенденции

Е.Р. Орлова

Рассмотрены проблемы оценки инвестиционного климата российских регионов. Изложены принципиальные подходы к разработке инвестиционных рейтингов, включая подготовку исходной информации, отбор определяющих факторов и соответствующих показателей, расчет интегральных оценок, уточнение их смысла и практического назначения. Показано, что в России инвестиционный климат характеризуется в основном двумя группами показателей: инвестиционного потенциала региона и его инвестиционных рисков. Опираясь на данные рейтингового агентства «Эксперт-РА» за 1996–2013 гг., автор раскрывает ряд важных закономерностей инвестиционного процесса в России: тесную обратную корреляцию инвестиционного потенциала и рисков, тенденцию к недооценке последних со стороны российских инвесторов, значительный отрыв по рейтингу регионов-лидеров (Москва, Санкт-Петербург) от всех остальных и т.д.

Ключевые слова: инвестиционный климат, инвестиционная привлекательность, инвестиционные рейтинги, инвестиционный потенциал, инвестиционные риски, интегральные оценки, ресурсно-сырьевой потенциал, производственный потенциал, криминальный риск, законодательный риск, управленческий риск, иностранные инвестиции.

Инвестиционная деятельность в рыночных условиях хозяйствования является предпринимательской деятельностью и осуществляется на инвестиционном рынке, состояние которого характеризуется такими показателями, как спрос, предложение, цена, конкуренция и т.д.

Изучение рыночной конъюнктуры инвестиционного рынка чрезвычайно важно для инвесторов, так как принятие неадекватных инвестиционных решений может привести к снижению доходов, а иногда и к потере капитала. Обычно последовательность изучения инвестиционного рынка имеет следующий вид:

- оценка инвестиционного климата страны;
- оценка и прогнозирование инвестиционной привлекательности регионов;
- оценка и прогнозирование инвестиционной привлекательности отраслей (подотраслей) экономики;
- оценка инвестиционной привлекательности отдельных предприятий;
- разработка инвестиционной стратегии предприятия;
- оценка инвестиционной привлекательности отдельных инвестиционных проектов, сегментов инвестиционного рынка;
- формирование эффективного инвестиционного портфеля предприятия, включая как реальные капитальные вложения, так и финансовые и инновационные инвестиции;
- управление инвестиционным портфелем предприятия (в том числе диверсификация инвестиций, реинвестирование капитала и пр.).

Любой крупный инвестор, особенно иностранный инвестор, начинает изучение инвестиционного рынка с исследования макроэкономических показателей. Оно направлено на оценку инвестиционного климата страны и включает изучение следующих прогнозов:

- динамики валового национального продукта, национального дохода и объемов производства промышленной продукции;
- динамики распределения национального дохода;
- развития приватизационных процессов;
- законодательного регулирования инвестиционной деятельности;
- функционирования налоговой и банковской системы;
- развития отдельных инвестиционных рынков, в особенности фондового и денежного.

Если у инвестора нет желания или возможности самому оценивать инвестиционный климат страны, он может воспользоваться оценками различных рейтинговых агентств и изданий.

Широко известны национальные рейтинги инвестиционного климата и рисков, периодически публикуемые экономическими журналами мира (*Euromoney, Fortune, The Economist*), а также наиболее именитыми рейтинговыми агентствами (*Moody's, Standard&Poor's, IBCA*). До последнего времени во всех этих рейтингах у нашей страны были весьма незавидные места. Но начиная с января 2005 г. все международные рейтинговые агентства (*Fitch, Moody's, Standard&Poor's*) присвоили России инвестиционные рейтинги. Инвестиционными считаются рейтинги, начинающиеся с уровня Ваа-3 у *Moody's*, ВВВ у *S&P* и *Fitch*. Это означает, что в нашу страну могут поступать со стороны иностранных инвесторов не только кредиты, но и прямые инвестиции. Кроме того, ставки по кредитам существенно снижаются в связи с уменьшением инвестиционного риска страны.

Если инвестор, российский или зарубежный, принял решение вкладывать средства в Россию, то нередко перед ним стоит задача выбора региона вложения.

Для того чтобы принять решение об инвестировании средств в тот или иной регион, необходимо провести подробный анализ инвестиционной привлекательности этого региона. Большинство ведущих зарубежных и отечественных экономических изданий и крупных консалтинговых компаний регулярно отслеживают информацию о состоянии национальных и региональных инвестиционных комплексов. На ее основе публикуются рейтинги инвестиционной привлекательности национальных экономик и регионов.

В качестве исходной информации для составления рейтингов инвестиционной привлекательности используются статистические данные по развитию регионов, законодательные акты, имеющие отношение к регулированию инвестиционной деятельности, а также результаты региональных исследований и опросов, публикации в печати.

При составлении практически всех рейтингов в той или иной степени используются экспертные оценки. В общем виде составление рейтинга включает следующие этапы:

1. Выбирается и обосновывается набор показателей, наиболее точно, по мнению экспертов, отражающий состояние инвестиционного комплекса региона.

2. Каждому показателю или группе однородных показателей присваиваются весовые коэффициенты, соответствующие их вкладу в инвестиционную привлекательность региона.

3. Рассчитывается интегральная оценка инвестиционной привлекательности для каждого региона.

Среди российских рейтинговых агентств важное место занимает консалтинговое агентство «Эксперт-РА», которое начиная с 1996 г. оценивает рейтинг субъектов РФ по условиям инвестирования. Российский страновой и региональный инвестиционный климат определяется на основе показателя инвестиционной привлекательности. *Инвестиционная привлекательность региона* представляет собой объективные предпосылки для инвестирования и количественно выражается в объеме капитальных вложений, которые могут быть привлечены в регион, исходя из присущих ему *инвестиционного потенциала* и уровня *некоммерческих инвестиционных рисков*. В соответствии с этим все российские регионы рассматриваются в плоскости потенциал-риск.

В 1997 г. «Эксперт-РА» (в то время оно называлось «Эксперт-200») решило, что двух характеристик для определения инвестиционной привлекательности региона недостаточно, и законодательные условия инвестирования выделило как самостоятельное направление, считая, что иностранные инвесторы с большей охотой вкладывают в те регионы, где более грамотно прописаны законы, касающиеся инвестиционной деятельности. То есть российские регионы стали рассматриваться не в плоскости, а в объеме: потенциал – риск – законодательные условия инвестирования. Но такой подход просуществовал только в 1997 г., а начиная с 1998 г. все вернулось на круги своя и законодательные условия инвестирования снова вошли в перечень инвестиционных рисков.

По оценкам «Эксперт-РА», *инвестиционный потенциал* определяется как сумма объективных предпосылок для инвестиций, зависящая как от разнообразия сфер и объектов инвестирования, так и от их экономического «здоровья». До 2006 г., согласно методологии «Эксперт-РА», инвестиционный потенциал включал в себя восемь частных потенциалов:

- *ресурсно-сырьевой* (средневзвешенная обеспеченность балансовыми запасами основных видов природных ресурсов);
- *производственный* (совокупный результат хозяйственной деятельности населения в регионе);
- *потребительский* (совокупная покупательная способность населения);

- *инфраструктурный* (экономико-географическое положение региона и его инфраструктурная обеспеченность);
- *трудовой* (трудовые ресурсы и их образовательный уровень);
- *институциональный* (степень развития ведущих институтов рыночной экономики);
- *финансовый* (объем налоговой базы и прибыльность предприятий региона);
- *инновационный* (уровень внедрения достижений научно-технического прогресса).

Начиная с 2006 г. в число частных потенциалов был добавлен *туристический* потенциал, который в значительной степени определяется наличием мест посещения туристами и отдыхающими, а также мест развлечения и размещения для них.

Все перечисленные виды потенциала носят обобщенный характер. Каждый из них рассчитывается как средневзвешенная сумма ряда статистических показателей, а общий инвестиционный потенциал региона, в свою очередь, определяется как взвешенная сумма частных потенциалов.

Уровень *некоммерческого инвестиционного риска* показывает возможность потери инвестиций и дохода от них и рассчитывается как средневзвешенная сумма следующих видов риска:

- *экономического* (тенденции в экономическом развитии региона);
- *финансового* (степень сбалансированности регионального бюджета и финансов предприятий);
- *управленческого* (качество управления бюджетом; наличие программно-целевых документов, степень развитости системы управления);
- *социального* (уровень социальной напряженности);
- *экологического* (уровень загрязнения окружающей среды, включая и радиационное);
- *криминального* (уровень преступности в регионе с учетом тяжести преступлений);
- *законодательного* (юридические условия инвестирования в те или иные сферы и отрасли, порядок использования отдельных факторов производства). При расчете этого риска учитывались как федеральные, так и региональные законы и нормативные акты, а также документы, непосредственно регулирующие инвестиционную деятельность или затрагивающие ее косвенно.

До 2010 г. вместо *управленческого* риска рассматривался *политический* риск, который характеризовался распределением политических симпатий населения по результатам последних парламентских выборов и авторитетностью местной власти. В 2010 г. было решено, что понятие управленческого риска шире, и теперь именно управленческий риск учитывается при определении обобщенного показателя инвестиционного риска региона.

При анализе полученных рейтингов субъектов федерации были выявлены следующие закономерности:

1. Снижение почти всех видов потенциала по мере роста рисков.
2. Увеличение рейтинга потенциала ведет к снижению криминального, социального и политического риска для инвестиционно сильных и слабых регионов.
3. Любые изменения инвестиционного потенциала скорее будут сопровождаться изменением указанных рисков. Причем снижение инвестиционного потенциала ведет к однозначному усилению рисков, а увеличение потенциала влияет на последующее снижение рисков (политического – для регионов, имеющих место в рейтинге выше 30-го, экономических – выше 20-го, криминальных – выше 15-го).
4. По мере уменьшения инвестиционного потенциала региона снижается удельный вес накопленных капитальных вложений и иностранных инвестиций.
5. Иностранные инвестиции в большей мере согласуются с уровнем инвестиционного риска, а российские инвесторы, следуя за инвестиционным потенциалом, либо недоучитывают риски, либо сознательно идут на избыточный риск, преодолевая потерю инвестиций чисто российскими способами.
6. Как иностранные, так и отечественные инвесторы стараются извлечь прибыль, используя так называемые конкурентные преимущества низкого порядка, связанные с использованием дешевой рабочей силы, сырья и энергии.
7. Инвестиционное законодательство не играет необходимой роли в формировании региональной инвестиционной политики. Более благоприятные законодательные условия имеют регионы с наиболее низкими потенциалами и высокими рисками. Однако это не всегда помогает улучшить инвестиционный климат этих регионов.

Следует отметить, что последний тезис (п. 7) в значительной степени подтверждается тем, что начиная с 2011 г. (16-й рейтинг) агентство «Эксперт-РА» перестало учитывать законодательный риск в числе составляющих инвестиционного риска региона. Это объясняется тем, что инвестиционное законодательство в регионах России стало серьезно выравниваться, в результате чего прописанные в нормативных актах правила ведения бизнеса в разных регионах страны сгладились. Региональные администрации активно «списывали» законы об инвестиционной деятельности друг у друга, а последние годы принимали модельные документы, спущенные федеральным центром. В таких условиях оценивать законодательный риск стало бессмысленно. Поэтому сейчас уровень инвестиционного риска региона рассчитывается исходя из шести составляющих: экономического, финансового, управленческого, социального, экологического и криминального, а законодательные региональные условия инвестирования не принимаются в рассмотрение.

Резервы улучшения инвестиционного климата большинства регионов связаны со *снижением инвестиционного риска*. Существенное повышение

потенциала для многих регионов потребует значительных инвестиций и длительного времени. Чем ниже место, занимаемое регионом в рейтинге, тем больше проблем ему придется решать. В то же время регионы, находящиеся в середине шкалы рейтингов, имеют наибольшие шансы на продвижение вверх.

Распределение регионов России соответственно условиям инвестирования приведено в таблице.

Т а б л и ц а

Распределение интересов инвесторов в зависимости от уровня риска, присущего региону

Риски	Потенциал региона		
	Высокий	Средний	Низкий
Незначительный	Наиболее предпочтительный для инвесторов, особенно крупный	Привлекательно для инвесторов, ориентированных на небольшие, но гарантированные проекты	
Умеренный			
Высокий		Наименее предпочтительны для инвестиций	

Выводы:

За 17 лет, в течение которых рейтинговое агентство «Эксперт-РА» отслеживало инвестиционную привлекательность регионов России, произошли следующие изменения:

1. В результате проведения ряда референдумов уменьшилось количество регионов (субъектов РФ) с 88 до 83.

2. Число частных потенциалов, определяющих инвестиционный потенциал региона, возросло с 8 до 9 за счет туристического потенциала.

3. Количество частных рисков, определяющих инвестиционный риск региона, снизилось с 7 до 6 за счет исключения из рассмотрения законодательного риска. Кроме того, несколько изменился сам состав: вместо политического теперь рассматривается управленческий риск.

4. В качестве наиболее инвестиционно привлекательного в течение практически всех 17 лет выступает регион Москва. Только два раза за все это время ее опередили другие регионы. В 2003 г. на первое место вышел Санкт-Петербург, в связи с тем, что в тот год отмечалось 300-летие города и на празднование были выделены огромные средства из бюджета, а также получены значительные кредиты от Всемирного банка и от Европейского банка реконструкции и развития. В 2007 г. первым оказался Краснодарский край, так как именно в это время было принято решение о проведении Олимпиады-2014 в городе Сочи.

5. Самыми инвестиционно привлекательными в 2012 г. остаются Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край и Республика Татарстан.

6. Наиболее инвестиционно непривлекательными в 2012 г. являются Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Тыва, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Алтай, Магаданская область, Камчатский край, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

7. В рейтинге 2012 г. в инновационном потенциале вместо показателя «Число организаций, осуществляющих инновационную деятельность» добавлен показатель «Число созданных передовых производственных технологий», обновлен список наукоградов и особых экономических зон (ОЭЗ) технико-внедренческого типа. В инфраструктурном потенциале вместо показателя «Доля организаций, использующих Интернет, от общего числа организаций» добавлен показатель «Число абонентов широкополосного доступа в Интернет на 100 человек». В туристическом потенциале переучтен список ОЭЗ туристско-рекреационного типа.

Следует отметить, что не только консалтинговое агентство «Эксперт–РА» оценивает инвестиционную привлекательность и активность российских регионов. Этим занимаются как отечественные, так и зарубежные компании, но подход к оценке у различных агентств во многом совпадает: наиболее привлекательными и наименее привлекательными регионами практически во всех рейтингах оказываются одни и те же регионы.

Литература

1. Орлова Е.Р. Инвестиции: Учеб. пособие. – 7-е изд., испр. и доп. – М.: Омега-Л, 2012.
2. Инвестиционный рейтинг регионов России // Эксперт–РА. 2011, 2012.
3. Комплексная оценка социально-экономического развития регионов РФ в 1998–2002 годах // ЭЖ. – 2000. – № 19.
4. Шеремет В.В., Павлюченко В.М., Шатино В.Д. и др. Управление инвестициями. – М.: Высшая школа, 1998.

Прогнозы воздействия изменений климата на экономику отраслей и регионов России

С.Г. Смолина

Рассмотрены вопросы, связанные с оценкой последствий глобальных изменений климата для экономики России. Приведены результаты соответствующих расчетов, основанные на имитационной модели регионального экологического прогноза на период до середины XXI в. и далее. Дана классификация регионов по типу предполагаемых изменений, их влиянию на основные отрасли российской экономики и здоровье населения. Показано, что это влияние в основном будет благоприятным, за исключением негативных последствий для транспортировки газа и (на относительно небольшой территории) для сельского хозяйства. Отмечается важность превентивных мер, направленных на максимальное использование новых возможностей экономического развития и сокращение негативных воздействий там, где они ожидаются с высокой вероятностью.

Ключевые слова: долгосрочные изменения климата, рациональное природопользование, моделирование сложных систем, имитационные модели, системообразующие факторы, региональные экологические прогнозы, глобальные изменения природной среды, деградация мерзлоты, биоклиматический потенциал, оптимизация земельного фонда, инженерно-геологическая обстановка, глобальное потепление.

Для эффективного управления социально-экономическими системами часто необходимо исследовать разные сценарии их поведения под действием тех или иных внешних воздействий, к которым могут относиться политические, климатические, социальные, экономические, геологические и другие факторы. В последнее время одним из существенных факторов, которые надо принимать во внимание, особенно при долгосрочных прогнозах, является учет внешней среды и возможных изменений климата. Исследованию вопросов рационального природопользования в условиях меняющихся внешней среды и климата посвящена данная работа.

Большую часть социально-экономических и экологических процессов можно отнести к сложным системам. Они включают большое число объектов самой разной природы, функционирующих для достижения общей цели. Реальные эксперименты с такими системами достаточно ограничены, а зачастую и невозможны. В таких ситуациях прибегают к механизму моделирования. Традиционный подход к моделированию сложных систем, как правило, сталкивается с непреодолимыми сложностями в связи с необходимостью описания поведения всех элементов, образующих их. Попытка же описать изменение всех элементов наталкивается на недостаток информации, необходимой для идентификации коэффициентов соответствующих уравнений.

Недостаток информации заставляет применять упрощенные модели с огромным числом допущений и, следовательно, имеющие часто чисто теоретическое значение. Другим подходом является имитационное моделирование как один из методов системного анализа. Специфику системы определяют

прежде всего ее интегральные характеристики, а в строении системы существенны в первую очередь связи между элементами.

Каждый системный объект необходимо рассматривать как целостное образование, обращая внимание на его интегральные свойства (макропараметры или макроэлементы), специфические для этого объекта, как элемента системы следующего уровня. Для характеристики сложной системы достаточно оценить некую группу ее свойств, назовем их системообразующими факторами. Эти количественные оценки и будут интегральными показателями основных, наиболее важных свойств системы, и они должны характеризовать состояние и развитие всей системы.

Выделенные закономерности построения имитационных моделей с использованием интегральных показателей позволяют конструктивно применять их при решении проблем социально-экономического и экологического моделирования. Это позволяет существенно сократить размерность модели, что проводится на предмодельном этапе, опираясь на мнения экспертов в традиционных отраслях науки (географии, медицине, социологии и т.д.). Наиболее адекватная форма имитационных моделей – система обыкновенных дифференциальных уравнений и алгебраических соотношений типа равенств и неравенств.

Задача построения моделей включает следующие этапы:

- 1) нахождение интегральных показателей;
- 2) разработку структуры моделей;
- 3) нахождение зависимостей на основе анализа натурного материала;
- 4) идентификация параметров системы.

В результате этого подхода был разработан ряд моделей геоэкосистем регионального уровня с учетом экономико-социальных факторов, показавших высокую эффективность. Программная реализация их составляет «Автоматизированную систему регионального экологического прогноза» (АСРЭП).

Существуют индивидуальные особенности любого природного объекта. Однако его типичные черты могут быть совершенно определенно обозначены и выражены через системообразующие факторы (в случае геоэкосистем – это почва, вода, атмосфера, биомасса и т.д.) и оценены количественно с помощью интегральных показателей.

В рамках автоматизированной системы АСРЭП моделируется динамика почвы, растительности, верхних горизонтов грунтовых вод, долиново-овражной сети и стока. Рассматриваются также особенности микроклимата различных типов местности, мерзлотные процессы и динамика болот. В системе учитывается региональная специфика процессов плоскостной эрозии, динамики солей в почвах и грунтовых водах и моделируется миграция загрязнителей. АСРЭП позволяет провести имитационные эксперименты и посчитать экономический эффект для различных сценариев и региональных программ развития регионов России. На рис.1 приведены результаты верификации модели стока для бассейна р. Волга в период с 1915 по 1980 г.

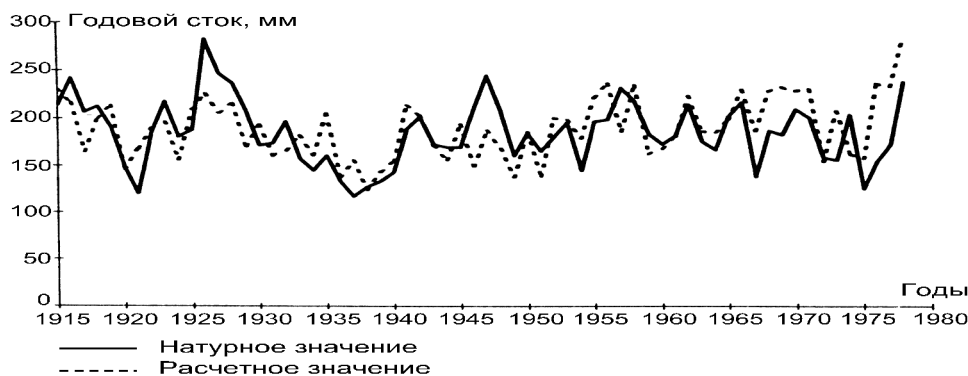

Рис. 1. Сравнение натурных и расчетных данных годового слоя стока среднего для бассейна р. Волга

Доверительный интервал невязки был определен при доверительной вероятности 80%. Достоверно попадают в заданный доверительный интервал 70–80% расчетных значений. Это дает возможность получить количественную оценку точности и надежности гидрологических прогнозов с помощью модели динамики вод суши, что необходимо при использовании этих прогнозов для принятия решений в области природопользования и в инженерной практике.

Полное описание системы АСРЭП и обоснование применяемых зависимостей приведено в [2]. Созданная система использовалась более чем в 100 экологических экспертизах, прошла апробацию в Министерстве охраны окружающей среды и природных ресурсов. Наиболее полное использование возможностей АСРЭП нашло применение в процессе работы над проблемой влияния глобальных изменений природной среды и климата на функционирование различных отраслей экономики и здоровье населения [3].

Исследования касались тех отраслей экономики России, на которые глобальное потепление повлияет непосредственно: энергетика, газовая промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, водное хозяйство, речной транспорт, добыча россыпных месторождений редких и драгоценных металлов в северных и восточных районах страны, здоровье населения. Рассматривались также наиболее актуальные вопросы, связанные с возникновением чрезвычайных ситуаций: проблемы лесных пожаров, наводнения, аварии на газопроводах.

Специфика подобного подхода может быть охарактеризована как отраслевая. Соответствующие исследования проводились в основном в тех регионах, где предприятия рассматриваемой отрасли либо уже имелись, либо там, где было перспективно их развертывание (газовая промышленность на Ямале). В результате территория страны оказалась покрыта прогнозными исследованиями с помощью АСРЭП весьма неравномерно, более детально исследованы районы, где имеются предприятия соответствующих отраслей и присутствует население.

Сводное представление результатов исследований представлено в таблице и на карте-схеме (см. рис. 2). Районирование территории России проводилось исходя из результатов, полученных в процессе более чем 10-летних исследований.

Общее очертание районов в целом оказалось более или менее соответствующим зональному разделению территории России. Если рассматривать с этих позиций самые общие закономерности влияния потепления на экономику, то оно наиболее благоприятно для северных районов. Это сказывается прежде всего на энергетике, здоровье населения, добыче россыпных полезных ископаемых, лесном хозяйстве, речном транспорте.

Исключение из данного правила составляют территории, где сейчас господствуют многолетнемерзлые породы, а также имеются месторождения газа и проходят многочисленные газопроводы. Здесь осложнения работы важнейшей для страны газовой отрасли в результате деградации мерзлоты перекрывают все иные положительные эффекты потепления. В умеренной зоне при всем диапазоне различий как текущего состояния природной среды, так и прогнозируемых ее изменений в результате потепления, его влияние скорее положительное, чем отрицательное. Положительно потепление скажется на энергетике и здоровье населения и скорее положительно – на лесном, водном и сельском хозяйстве (в умеренной зоне биоресурсы в целом больше страдают от недостатка тепла, чем от отсутствия влаги, в значительной степени это зоны избыточного увлажнения).

Рис. 2. Оценка влияния изменений климата на экономику регионов России

Отрицательное влияние потепления будет сказываться в степной и сухостепной зонах (районы IV и V). Данные территории объединяет то, что здесь и сейчас не хватает влаги, а при потеплении относительная увлажненность, скорее всего, уменьшится. Кроме того, эти районы весьма близки с точки зрения системы землепользования. Здесь господствует пашня и сельское хозяйство является одной из ведущих отраслей. В этом отношении Черноземье европейской территории России не столь сильно отличается от степного Зауралья.

Общие оценки влияния потепления на степную зону не распространяются на Северный Кавказ и Краснодарский край. Здесь потепление, по результатам большинства климатических прогнозов, сопровождается значительным ростом осадков. Поэтому биоклиматический потенциал региона существенно увеличивается, что благотворно скажется на ведущей в данном регионе отрасли – сельском хозяйстве. При этом вследствие контрастности условий увлажнения и их прогнозируемых изменений на Северном Кавказе затруднительно выделить переходные зоны между территориями положительного и отрицательного влияния потепления. Вместе с тем, касаясь Северного Кавказа, следует отметить, что резкий рост осадков здесь будет сопровождаться ростом стока и соответствующим ростом интенсивности наводнений.

Т а б л и ц а

Обобщение результатов влияния глобального потепления на экономику и здоровье населения России (в условных баллах)

№ региона	Энергетика	Газовая отрасль	Сельское хозяйство	Водное хозяйство	Речной транспорт	Защита от наводнений	Разработка россыпных месторождений	Лесное хозяйство	Здоровье населения	Итоговое влияние потепления
I	+2	0	+2	+1	+1	-1	0	+2	+2	+2
II	+3	0	+2	+2	+2	-2	0	+3	+3	+3
III	+4	0	0	+2	+3	-2	+2	+4	+3	+3
IV	+2	0	-(*)	-1	-1	+1	0	0(*)	0	-1(*)
V	+1	0	-(*)	-3	-3	+2	0	-1(*)	-2	-2(*)
VI	0	0	+2	+2	+1	-2	0	+1(*)	0	+2
VII	+4(**)	-(**)	0	0	+	0	0	0	+4	-3(**)
VIII	+2	-1(*)	0	0	+	0	0	+3	+3	-2(*)
IX	+2	0	+2	0	+	-1	0	+3	+2	+2
X	+3	0	+2	+1	+	-1	+2	+1(*)	+2	+2(*)
XI	+4	0	0	0	+	0	0	0	+4	+4
XII	+4	-4(**)	0	0	+	0	+	0	+4	+1(**)
XIII	+3	0	0	0	+	-1	+3	+3	+3	+3
XIV	+3	0	+2	0	+	0	+2	+3	+2	+2
XV	+2	0	+1	0	+1	0	0	+2	+2	+1
Россия в целом	+3	-3(*)	+1	+1	+	-1	+2	+2	+2	+2

Номера регионов (территорий) соответствуют номерам на карте-рисунке 2:

- +4 – весьма благоприятное влияние потепления;
- +3 – благоприятное влияние потепления;
- +2 – довольно благоприятное влияние потепления;
- +1 – скорее благоприятное, чем неблагоприятное влияние потепления;
- 0 – нейтральное влияние потепления;
- 4 – весьма неблагоприятное влияние потепления;
- 3 – неблагоприятное влияние потепления;
- 2 – довольно неблагоприятное влияние потепления;
- 1 – скорее неблагоприятное, чем благоприятное влияние потепления;
- (*) – оценка зависит от сценария развития данной отрасли в данном регионе;
- (**) – оценка всецело зависит от возможного развертывания данной отрасли в данном регионе.

Полученные данные могут служить в качестве иллюстрации к общим оценкам влияния потепления на экономику России в целом, но недостаточно информативны для многих целей регионального управления, поэтому очевидна необходимость развития соответствующих исследований на более детальном, региональном уровне.

Ряд приведенных оценок существенно зависит от сценариев развития или самого факта развертывания ряда отраслей в соответствующих регионах.

В IV и V регионах отрицательное воздействие потепления на сельское и лесное хозяйство зависит от принятия соответствующих компенсационных мер. В сельском хозяйстве – это оптимизация земельного фонда и систем земледелия, в лесном хозяйстве – усиление защиты лесов от пожаров. В зависимости от этого оценки воздействия потепления могут меняться в сельском хозяйстве от -1 до -3, а в лесном хозяйстве – от 0 до -2.

В VII регионе влияние потепления будет сказываться на газовой отрасли при интенсивном освоении полуострова Ямал. В этом случае динамичное изменение инженерно-геологических условий и структуры земельного фонда в результате потепления существенно осложнит освоение газовых месторождений.

В качестве иллюстрации масштаба возникающих проблем приведем прогноз изменения заозеренности и заболоченности севера Ямала в результате потепления, а также прогноз динамики деградации мерзлоты и расширения пойм в этом регионе (см. рис. 3–6) [1]. Как видно из рисунков, потепление вызовет коренное изменение структуры земельного фонда и существенно осложнит освоение этого региона. Частным положительным эффектом от потепления в этой ситуации станет значительное смягчение проблем энергообеспечения развивающегося региона.

В VIII регионе отрицательные воздействия на газовую отрасль будут существенно зависеть от наличия и своевременности проведения компенса-

ционных мероприятий. Оценка влияния потепления может колебаться от 0 до -3.

В X регионе, несмотря на общее улучшение лесорастительных условий вследствие потепления, состояние лесов может ухудшиться из-за увеличения числа и интенсивности лесных пожаров. В итоге все будет зависеть от развития (или деградации) противопожарной службы охраны лесов. Соответствующие оценки могут колебаться от -1 до +3.

В XII и XIII регионах потепление скажется в целом позитивно, так как это северные регионы, где любая хозяйственная деятельность осложняется крайней суровостью климата. На низменностях в XII регионе, в геологическом плане несколько схожих с полуостровами Ямал и Гыдан, можно предположить наличие газовых месторождений, освоение которых могло бы осложниться вследствие тех же процессов деградации мерзлоты, которые описаны для Ямала. Поэтому с формальной точки зрения вполне допустимо выделить XII регион и вообще прибрежные низменности Ледовитого океана как отдельную территорию с точки зрения влияния на нее потепления. При этом речь идет не только о газовой промышленности, но вообще о любом виде хозяйственной деятельности, требующей интенсивного освоения и прокладки протяженных коммуникаций.

Однако главным вопросом все же остается влияние потепления на отрасли ТЭКа в целом. Это обусловлено особым местом ТЭКа и в экономике страны, и в ее жизнеобеспечении.

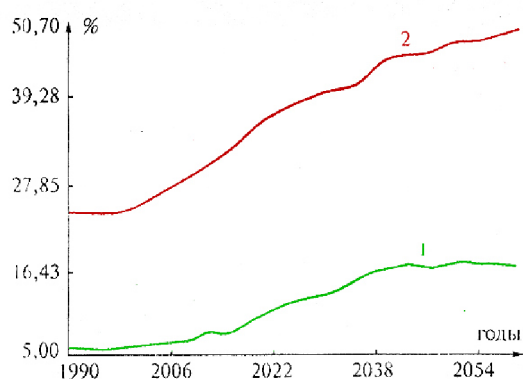

Рис. 3. Динамика озер и болот в Северо-Ямальском регионе вследствие глобального потепления климата: 1 — заозеренность; 2 — доля озер и болот в общей площади региона

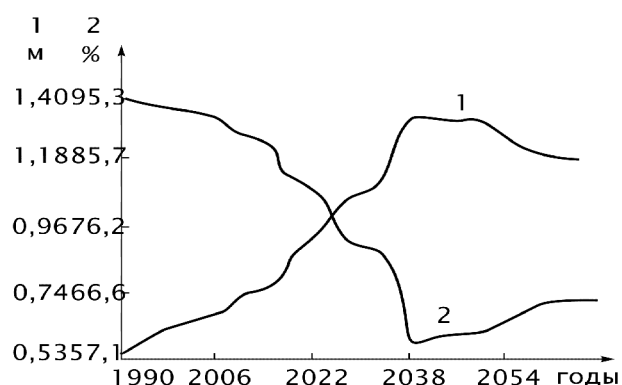

Рис. 4. Динамика мерзлоты на водоразделах в Северо-Ямальском регионе вследствие глобального потепления климата: 1 — глубина мерзлоты; 2 — доля площади мерзлоты в данном типе местности

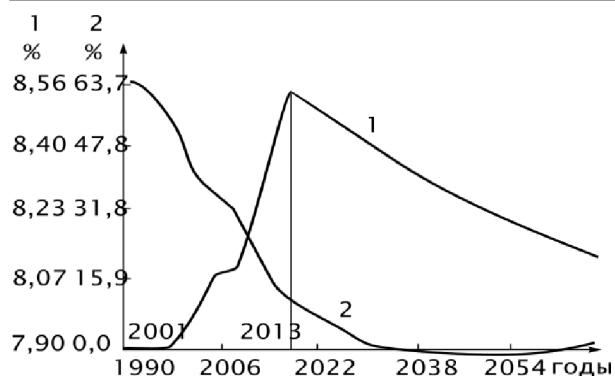

Рис. 5. Расширение пойм и деградация мерзлоты на склонах южной экспозиции в Верхне-Пурском регионе вследствие глобального потепления климата: 1 – доля площади пойм в регионе; 2 – доля площади мерзлоты в данном типе местности

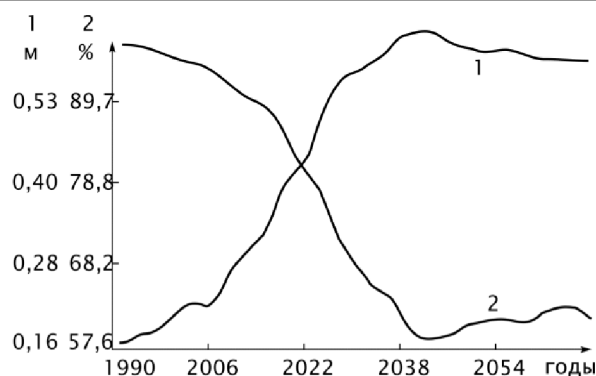

Рис. 6. Динамика мерзлоты на болотах в Северо-Ямальском регионе вследствие глобального потепления климата: 1 – глубина мерзлоты; 2 – доля площади мерзлоты в данном типе местности

В отношении ТЭКа общие выводы строятся исходя из следующих выявленных моментов:

1. Влияние потепления на энергетику положительное. Потепление обусловливает резкое снижение нагрузки на отрасль, что, в частности, благотворно сказалось в период аномально теплых зим 1999–2000 гг. и 2000–2001 гг., 2005 г., 2007 г. Характерно, что в тех регионах, где зимы 2000–2007 гг. не отличались аномальной мягкостью, имел место энергетический кризис.

2. Влияние потепления на нефтяную отрасль близко к нейтральному.

3. В газовой отрасли около $\frac{3}{4}$ добычи газа в России осуществляется в регионах, которые будут испытывать негативные инженерно-геологические последствия вследствие деградации мерзлоты при потеплении (особенно освоение стратегических резервов для развития газовой промышленности – месторождений на Ямале и Гыдане).

Подводя итоги, можно отметить, что изучена реакция ключевых компонентов среды на потепление по основным природно-климатическим зонам России. При выводе итоговой оценки потепления уже учтены возможные негативные последствия для важнейших отраслей экономики, эксплуатирующих данные компоненты среды в качестве ресурсов.

Незначительная неопределенность в данном случае остается только в отношении некоторых северных регионов, где масштабы деградации мерзлоты могут быть гораздо более значительны при реализации менее вероятных, но более резких сценариев глобального потепления, что повлияет на оценку степени ухудшения инженерно-геологической обстановки.

Важны полученные выводы в отношении газовой промышленности, которая в наибольшей степени уязвима вследствие подобных процессов. Особая уязвимость газовой промышленности определяется тем, что от изменений инженерно-геологической обстановки в наибольшей степени страдают

газопроводы, являющиеся самыми уязвимыми в этом смысле коммуникациями.

Вместе с тем эти негативные последствия потепления будут развиваться на фоне позитивных его последствий:

1) общего улучшения экономической обстановки в данных регионах вследствие радикального смягчения проблем их энергоснабжения;

2) общего улучшения медико-демографических показателей в данных регионах вследствие ослабления весьма сильного климатического стресса;

3) некоторых улучшений частных факторов, важных для отдельных видов деятельности (увеличение продолжительности летнего периода полезно для добычи россыпных месторождений драгоценных и редких металлов, а также для функционирования весьма важного для этих районов речного транспорта).

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать вывод о положительном итоговом суммарном влиянии потепления климата на экономику и здоровье населения России. Оптимизация экономики и техническая модернизация сами по себе значительно смягчают негативные последствия глобального потепления на экономику, в то же время позитивные последствия глобального потепления для экономики России по большей части остаются неизменными. И в перспективе положительный баланс влияния глобального потепления на экономический потенциал России будет только возрастать.

Литература

1. Смолина С.Г. Прогноз изменений морфодинамики гидросети Западной Сибири вследствие глобального потепления для оценки проблем газовой отрасли // Труды ИСА РАН. Т. 42. – 2009. – С. 188–211.
2. Пегов С.А., Хомяков П.М., Смолина С.Г. и др. Геоэкологическое моделирование для целей управления природопользованием в условиях изменений природной среды и климата. – М.: УРСС, 2002.
3. Хомяков П.М., Пегов С.А., Смолина С.Г. и др. Влияние глобальных изменений природной среды и климата на функционирование экономики и здоровье населения России. – М.: УРСС, 2005.

ANNOTATIONS

Institutional risk: multidisciplinary approach to research

Grozova O.S., Cvetkova G.S.

The essence of institutional risk is specified from the point of view of three methodological approaches: all-philosophical approach, approach of general economic theory, institutional approach. The periodization of theoretical and methodological bases of research of institutional risk is presented. Features of the identified stages of risk and uncertainty are outlined, the characteristic of stages of researches of institutes and their dysfunctions from the point of view of evolution of scientific search is given.

Key words: institutions, dysfunctions of institutions, institutional risk.

Science development as a condition for resolving a system crisis

Juravleva G.P.

The status, financing, and maintenance of science development in today's Russia are considered. An emphasis is placed on a significant decrease in funds allocated to research, in particular fundamental one as compared to the soviet era, degradation of the influence of Russian researches, research organizations and universities. Unbiased information pointing out to the decline of science and education prestige in society, extremely low remuneration of researchers' work, and their emigration in large numbers is provided. Impossibility to modernize the economy without a significant improvement of the situation in science and education and inefficiency of measures taken to reform the Russian research sector according to the Western model are emphasized.

Key words: system transformation, global crisis, neoliberalism, science privatization, academic sector, innovations, "brain drain", meritorious benefits, post-industrial economy, intellectualization strategy, creativity, involution theory, modernization, capitalism of disasters, neoclassical theory.

The creative labour in conditions of cognitive capitalism

Barhatov V.I.

The scientists are busy with the search of alternative ways of development of the modern economy and the development of methodological cognitive and predictive tools for new socio-economic phenomena for more than a dozen years. One of these areas, along with the concept of post-industrialism, information economy, sustainable economic development, new economy is the concept of the cognitive capitalism. The approach to the study of the nature of cognitive capitalism from the position of the psychological science achievements is offered in the article.

Key words: cognitive capitalism, creative work, creativity, labor, rationality, operation, price, non-material production.

Institutional conditions and factors of modernization of the Russian economy

Ioda J.V.

The article refers to the need to create a new concept of institutional transition from the Soviet to the Russian economy; the processes of creation and the institutions actions are considered; it is argued the importance of creating a sovereign society of general satisfaction; the main problems of Russian modernization have been analyzed.

Key words: the principle of ring communicative, economic modernization, social modernization of the society, Sovereign Society of general gratification, intermediary sphere of the economy.

Transdisciplinary Approaches in the Modern Science

Manohina N.V.

This article discusses the new approaches developed in the modern scientific community, some of which are relatively rare, while others are not actually used in the theoretical economic research. Author of the disclosed content specificity and potential of transdisciplinary approaches in various areas of economic analysis.

Key words: interdisciplinary, multidisciplinary (polidisciplinarnyj) approach, the transdisciplinary approach, autopoejzis, fractal, turbulence.

Offshore zones: history, development trends, impact on the Russian economy

Matusevich A.P.

The economic nature, causes that led to the creation and development of international offshore zones are described. Evidence of similar offshore business practices in the ancient and medieval eras, a brief historical description of its development in the New Era are provided. Causes of a rapid increase in the number of offshore zones since the middle of the 20th century and their role decline during the last decades are analyzed. Techniques used by the soviet elite for illegal penetration into international offshore zones in the 1970s – 1980s are described. Importance of the above zones for the Russian business development at the dawn of market reforms, their impact on “capital drain” processes, functions of Russian preferential tax areas and their difference from traditional offshore zones are illustrated.

Key words: offshore business, tax free commerce, tax exemption, free cities, free trade zones, pre-offshore zones, transfer flows of capital, Keynesian economics, monetarism, preferential tax regimes, capital drain, black.

Theory and practice of interstate integration processes in Western Europe

Paholkin D.A.

Concepts of interstate integration and real factors, its determinants are considered. A brief overview of globalist concepts in the second half of the 20th century justifying the logic of transferring government powers to transnational entities is provided. The author shows that integration practices in Western Europe where they have reached the highest level and deepness fail to correspond to those doctrines from many perspectives. Rapid progress of integration in the economic area where it is facilitated by many objective factors, and huge complications in the area of foreign, social, cultural policies, defense, and so on are described. The need to clearly distinguish between the state legal status of domestic and global structures having no sovereign rights and states as such, for which their sovereignty is the basis of their powers is emphasized.

Key words: interstate integration, transnationalism, modernization, individualization, risk society, integration processes, Marshall plan, economic integration, payment union, political union, European Constitution, United States of America, Council of Europe, transnational regulation rules, Maastricht Agreement, sovereign rights of the supreme authorities, derivative government bodies.

Organization methods of purchasing activity in large enterprise structures

Orekhov E.N.

In article considered approaches to types of the organization of purchasing activity. Accurate differentiation on signs of their classification is offered. Need of allocation of three levels of decentralization of purchasing activity is shown.

Key words: Purchases, centralization, decentralization, business processes.

Economic priorities of Russia in the field of economic integration in the post-Soviet space

Azanov B.K.

The most significant event of the past century - the collapse of the Soviet Union, and changed the system of international relations, including economic ones. One of the highlights of the novelty of the situation that has arisen in this regard for the Russian economy - the formation of a large post-Soviet space, which, in spite of that it has a special status in its relations with Russia, the legal successor of the USSR.

The integration of the former Soviet Union declared a priority in politics and economics for more than a year.

Key words: The Russian state, the USSR, the CIS, the Eurasian Union and the Common Economic Space, the Customs Union, the Economic priorities, Economic cooperation, the Kazakh Republic, the Republic of Belarus, Eurasian space.

The strategic importance of Russia's competitive advantages in the way of innovative development

Tuchina N.A.

This article is devoted to the development of the innovative capacity of the State. Special attention is given to economic factors and measures of government regulation, contributing to the creation, development and diffusion of innovation in modern conditions of development of the Russian economy to create competitive advantages in the way of innovation. An important condition for the development of the country's economy is to increase the role of small and medium-sized enterprises in innovation. This is due to the dynamism of the market environment, the intensification of processes of the international division of labour and the transition to innovative economy.

Key words: innovation, market innovation, innovative cartoonist, innovative small and medium-sized businesses, competitive advantage.

State innovative policy: basic principles and priorities

Bondarenko N.E., Komarova I.P.

This article defines the state role in the conditions of the innovative economy creation. It defines common principles of the state policy revealing the most effective methods of the state impact on the modern innovative development of the Russian economy.

The special attention is paid to the system of the state order for innovative production as one of the perspective measures of the state stimulation of the Russian innovative activity. The article outlines advantages and problems of this system which should be considered in conditions of further innovative stimulation.

Key words: innovations, innovative activity, innovative policy, state order, innovative production, life cycle of the innovative production.

Contemporary tendencies of trade customs unification in foreign economic activities and international transportation

Ivanova T.N.

The author parses the actual problems of interpretation and invocation of trade customs in foreign trade and commercial shipping. In this article was detailed contemporary unification and harmonization of trade usages in international carriage of merchandise by sea and foreign trade, international organizations activities and international arbitration tribunal practices. Also a special attention is paid to basic terms of delivery in accordance with new redaction Incoterms 2010 in particular. Article is of interest to all participants of foreign economic activity, and can also be useful to lectures and students of economic and legal professions for more in-depth study of the problems of modern international economic relations.

Key words: custom of merchants, commercial shipping, foreign economic activities, unification, harmonization, Incoterms, basic terms of delivery, international transportation, international organizations, international arbitrage.

Evaluation of effectiveness of the management of regional development

Kopein A.V., Kopein V.V.

The problems of optimal design techniques integrated assessment of life quality of the population in the region, taking into account specifics of its socio-economic development. Relevance of the topic associated with evaluation of the executive authorities effectiveness in Kemerovo region, where dynamics of the region's life quality and quality of its management is non-ideologized integral socio-economic criterion of efficiency and the regional authorities effectiveness.

Key words: state regulation of life quality, life quality, Kemerovo region, evaluating of effectiveness of management, regional development, social and economic development, social development management, effectiveness of regional development system, effectiveness of enforcement authorities.

Investment appeal of Russian regions: evaluations and trends

Orlova E.R.

Evaluation of the investment climate of Russian regions is considered. Principal approaches to the development of investment ratings, including preparation of source information, selection of determining factors and relevant indicators, calculation of integral evaluations, specification of their meaning and practical purpose are described. Russia's investment climate is characterized primarily by two groups of indicators: investment potential of a region and its investment risks. Relying on information of the Expert RA rating agency for 1996–2013, the author describes a number of important specifics of the investment process in Russia: close inverse correlation of investment potential and risks, a trend to underestimation of the latter by Russian investors, considerable rating breakaway of the leading regions (Moscow, Saint Petersburg), etc.

Key words: investment climate, investment appeal, investment ratings, investment potential, investment risks, integral evaluations, resource and raw material potential, production potential, criminal risk, legislative risk, managerial risk, foreign investments.

Forecasts of a climate change impact on the economy of Russian industries and regions

Smolina S.G.

Evaluation of the consequences of global climate change for the Russian economy is considered. Results of the relevant calculations based on the simulation model of the regional environmental forecast for a period until the middle of the 21st century and later are provided. Regions are classified according to the type of supposed changes, their influence on the main industries of the Russian economy and population health. This impact is argued to be positive, except negative consequences for gas transportation and (on a relatively small territory) for the agricultural sector. The author emphasizes importance of preventive measures aimed at profiting, as much as possible, from the new opportunities of the economic development and reduction of the negative impact where they are very likely to happen.

Key words: long-term climate change, rational use of natural resources, modelling of sophisticated systems, simulation models, system-constituting factors, regional environmental forecasts, global environmental changes, frozen earth degradation, bioclimatic potential, land stock optimization, engineering and geological situation, global warming.

Сведения об авторах

Грозова Ольга Сергеевна	старший преподаватель кафедры менеджмента и бизнеса ФГБОУ ВПО «Поволжский государственный технологический университет» lisio@mail.ru
Цветкова Галина Сергеевна	канд. экон. наук, профессор кафедры менеджмента и бизнеса Поволжского государственного технологического университета
Журавлева Галина Петровна	д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономической теории Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, научный руководитель факультета экономики и управления МИЭП galinaguravleva@rambler.ru
Бархатов Виктор Иванович	д-р экон. наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования (Челябинский государственный университет) rektor@csu.ru
Иода Юлия Владимировна	канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов Липецкого государственного технического университета, докторант Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина rector@tsu.tmb.ru
Манохина Надежда Васильевна	д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой институциональной экономики Саратовского государственного социально-экономического университета (СГСЭУ) izdatelstvosgseu@mail.ru
Матусевич Александр Петрович	доцент кафедры «экономической теории и мировой практики» МИЭП almatus@mail.ru

Пахолкин Дмитрий Анатольевич	аспирант кафедры теории и истории государства и права Международного института экономики и права kafprava@miepvuz.ru
Орехов Егор Николаевич	аспирант кафедры экономики и предпринимательства Московского государственного областного университета orekhov_egor@mail.ru
Азанов Берик Куралбаевич	аспирант Санкт Петербургского государственного архитектурно-строительного университета eurasian_union@mail.ru
Тучина Наталья Александровна	канд. экон. наук, доцент кафедры институциональной экономики Саратовского социально-экономического института izdatelstvosgseu@mail.ru
Бондаренко Наталья Евгеньевна	канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «РЭУ им. Г.В. Плеханова» rector.con@rea.ru
Комарова Ирина Павловна	канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «РЭУ им. Г.В. Плеханова» rector.con@rea.ru
Иванова Татьяна Николаевна	доцент кафедры международно-правовых дисциплин Международного института экономики и права taneksan@mail.ru
Копеин Андрей Валентинович	канд. техн. наук, заведующий кафедрой информатики и математики Сибирского филиала apelsinka@smtp.ru

Копеин Валерий Валентинович	д-р экон. наук, профессор кафедры общей и региональной экономики Кемеровского государственного университета valkem2@mail.ru
Орлова Елена Роальдовна	д-р экон. наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Международного института экономики и права orlova@isa.ru
Смолина Светлана Георгиевна	канд. техн. наук, доцент кафедры математики и информатики Московского психолого-социального университета smolinas@mail.ru

Information about the authors

Grozova Olga	Senior Lecturer, Department of Management and Business Ulianov "Volga State University of Technology" lisio@mail.ru
Tsvetkova Galina	Candidate. ehkon. , Professor, Department of Management and Business Volga State University of Technology
Zhuravleva Galina	Doctor of Economics. Sciences, Professor, Department of Economics of the Russian Economic University. GV Plekhanov, the supervisor of the Faculty of Economics and Management MIEP galinaguravleva@rambler.ru
Barhatov Victor	Doctor of Economics. Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics of industries, business and administration (Chelyabinsk State University) rektor@csu.ru
Ioda Julia	Candidate. ehkon. Associate Professor, Department of Accounting and Finance Lipetsk State Technical University, PhD, Tambov State University. GR Derzhavin rektor@tsu.tmb.ru
Manohina Nadejda	Doctor of Economics. Sciences, Professor, Head of Institutional Economics Saratov State Socio-Economic University (SSSEU) izdatelstvosgseu@mail.ru
Matusevych Alexander	Associate Professor of "Economic Theory and International Practice" MIEP almatus@mail.ru

Paholkin Dmitriy	graduate student of the Department of Theory and History of State and the rights of the International Institute of Economics and Law kafprava@miepvuz.ru
Orekhov Egor	graduate student of the Department of Economics and Business, Moscow State Regional University orekhov_egor@mail.ru
Azanov Berik	graduate student of St. Petersburg State University of Architecture and Construction eurasian_union@mail.ru
Tuchina Natalia	Candidate. ehkon. Associate Professor, Department of Institutional Economics Saratov Social and Economic Institute izdatelstvosgseu@mail.ru
Bondarenko Natalia	Candidate. ehkon. Associate Professor, Department of Economic Theory Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "REU them. GV Plekhanov " rector.con@rea.ru
Komarova Irina	Candidate. ehkon. Associate Professor, Department of Economic Theory Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "REU them. GV Plekhanov " rector.con@rea.ru
Ivanova Tatiana	assistant professor of international legal disciplines of the International Institute of Economics and Law taneksan@mail.ru
Kopein Andrey	Candidate. tehn. Sciences, Head of the Department of Computer Science and Mathematics, Siberian Branch of the apelsinka@smtp.ru

Kopein Valery	Doctor of Economics. , Professor, Department of General and Regional Economics, Kemerovo State University valkem2@mail.ru
Orlova Elena	Doctor of Economics. , professor of accounting, analysis and audit of the International Institute of Economics and Law orlova@isa.ru
Smolina Svetlana	Candidate. tehn. Associate Professor, Department of Mathematics and Informatics of Moscow Psychological and Social University smolinas@mail.ru

Условия публикации

В журнале публикуются научные статьи, результаты прикладных исследований, учебно-методические материалы для преподавателей и студентов, библиографические обзоры, рецензии, информационные сообщения о конференциях и других научных мероприятиях. Рукописи принимаются к рассмотрению только при их строгом соответствии профилю издания.

На момент предоставления рукописи в редакцию статья не должна быть опубликована в других печатных изданиях.

Каждый материал, поступивший в редакцию, обязательно проходит процедуру рецензирования. В качестве рецензентов выступают члены редакционного совета, редакционной коллегии журнала, внешние эксперты. Рукописи, получившие положительные рецензии, обсуждаются на заседании редакционной коллегии, которая выносит окончательное решение о возможности публикации. О решении редакционной коллегии редакция информирует автора. Автору не принятой к публикации статьи по его запросу редакция направляет мотивированный отказ.

Материалы аспирантов и молодых ученых публикуются на безвозмездной основе.

После публикации каждый автор получает один бесплатный экземпляр журнала.

Объем статьи не должен превышать 30 000 печатных знаков с пробелами (включая список использованной литературы), объем библиографических обзоров и рецензий – 10 000 печатных знаков с пробелами.

Автор несет ответственность за достоверность информации, точность фактического материала (цифр, цитат, имен собственных, географических названий), использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Список использованной литературы оформляется в соответствии с действующим стандартом и строится по алфавитному принципу: в первую очередь литература на русском языке (при этом важнейшие нормативные правовые акты и нормативные документы выносятся в начало), затем на иностранном. В тексте библиографические ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы, например: [5, с. 93].

Все сведения, заимствованные из литературных и иных источников, а также цитаты, необходимо подтверждать ссылками.

Таблицы и иллюстрации должны быть озаглавлены, пронумерованы. Использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется, поскольку журнал печатается в одну краску.

К тексту статьи необходимо приложить:

- *сведения обо всех авторах* (ФИО (полностью), ученая степень и ученое звание, должность и место работы, контактный телефон и e-mail);
- *аннотацию на русском и английском языках* (объемом не более 850 печатных знаков с пробелами);
- *перечень ключевых слов на русском и английском языках* (5–15 понятий);
- *список использованной литературы* (оформленный в соответствии с действующим стандартом);
- *сопроводительное письмо*;
- *рецензию* специалиста в данной области исследования с указанием ученой степени и координат рецензента (для преподавателей и научных сотрудников) либо *рекомендацию научного руководителя* (для аспирантов, соискателей, студентов).

Рукописи принимаются в электронном виде по адресу: vestnik@miepvuz.ru Тексты в печатном варианте принимаются только при наличии электронного аналога.

Онлайн-версия журнала доступна на сайте ООО «Научная электронная библиотека»: <http://www.elibrary.ru>

Terms of publication

The following materials are published in the journal: scientific articles, results of applied research, educational materials for teachers and students, bibliographic surveys, reviews, news reports about the conferences and other scientific events. Manuscripts are accepted for consideration only in strict compliance with the profile of the edition.

The article must not be published in other print media by the time when the manuscript is presented to the editorial staff.

It is obligatory that each material received by the editorial staff is to be reviewed. The reviewers are the members of the Editorial council, the Editorial board of the journal, external experts. The manuscripts that received positive reviews shall be discussed at a meeting of the editorial board, which makes the final decision about the possibility of publication. The editorial staff shall inform the author about the decision of the editorial board. At the request of the author of the article that has not been accepted for publication the editorial staff shall send a motivated refusal.

Materials of postgraduate students and young scientists are published free of charge.

After the publication each author receives one free copy of the journal.

The size of the article should not exceed 30 000 printed characters with spaces (including reference list), the size of bibliographic surveys and reviews should not exceed 10 000 printed characters with spaces.

The author is responsible for the reliability of the information, the accuracy of factual material (figures, quotations, proper names, place names), the use of data not intended for the public media.

The list of references is to be made in accordance with the current standard and is based on the alphabetic order: first, the literature in Russian (in this case the most important legal acts and normative documents are to be placed at the beginning), then the literature in foreign languages. The bibliographic references are to be given in the text in square parenthesis indicating the number of the source in the reference list and page number, for example [5, p. 93].

All the information taken from the literature and other sources, as well as quotations, must be confirmed by the references.

Tables and figures must be titled and numbered. The use of color drawings and graphs is not recommended because the journal is printed in one color.

The following materials must be attached to the text of the article:

➤ *information about all the authors* (complete name, academic degree and academic rank, position and place of work, phone number and e-mail);

➤ *annotation in Russian and English* (not more than 850 printed characters with spaces);

➤ *the list of key words in English and Russian* (5–15 concepts);

➤ *reference list* (designed in accordance with the current standard);

➤ *covering letter*;

➤ *review* of a specialist in this field of research with an indication of a scientific degree and contact information of the reviewer (for teachers and researchers) or *recommendation of the supervisor* (for postgraduates, decree seeking applicants, students).

Manuscripts shall be received in electronic form at: vestnik@miepvuz.ru

The texts in the printed form will only be accepted if there is an electronic analog.

The online version of the magazine is available at LLC «Scientific Electronic Library»: <http://www.elibrary.ru>

**Вестник
Международного института
экономики и права**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-43108 от 20 декабря 2010 г.

Адрес редакции:

105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 1

Тел. (факс) (495) 781-06-53

<http://www.miep.ru>, МИЭП.РФ

e-mail: vestnik@miepvuz.ru

Подписано в печать 23.03.13. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 7,7. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
Международного института
экономики и права

105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 1

Herald of International Institute of Economics and Law

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.
Certificate of registration PI № FS77-43108 December 20, 2010.

Editorial address:

105082, Moscow, Rubtsovskaya naberejnaya, 3, str. 1

Tel. (fax) (495) 781-06-53

<http://www.miep.ru>, MIEP.RF

e-mail: vestnik@miepvuz.ru

Signed in print 23.03.13. Format 70×100/16.

Terms of printed sheet 7,7. 1000 copies

Printed in

International Institute of

Economics and Law

105082, Moscow, Rubtsovskaya naberejnaya, 3, str. 1